

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

ЭТО ВЕЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ...

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

ЭТО ВЕЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ...

КНИГА ЛИРИКИ

Москва
Издательский дом
«Литературная газета»
2007

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С59

Издательская программа Правительства Москвы

Предисловие
Марианна Роговская-Соколова

Составление, подготовка текста
Илья Фаликов

Художник
Валерий Сергутин

Соколов, Владимир Николаевич.

С59 **Это вечное стихотворенье... : Книга лирики.** / Владимир Соколов [Предисл. М.Е. Роговской-Соколовой. Сост., подготовка текста И.З. Фаликова]. – М.: Издательский дом «Литературная газета». 2007. – 608 с., 32 ил. ISBN 978-5-9533-2953-8

Выдающийся лирик Владимир Соколов (1928–1997), лауреат Государственной и Пушкинской премий, оставил большое творческое наследие. Книга «Это вечное стихотворенье...» воспроизводит путь поэта, длившийся полвека. Пройдем по этому времени вслед за высокой Музой одного из лучших русских поэтов XX века.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© В.Н. Соколов, 2007

© М.Е. Роговская-Соколова, Предисл., 2007

© И.З. Фаликов. Сост., подгот. текста, 2007

© В.Н. Сергутин. Дизайн, 2007

© ОАО «Издательский дом

ISBN 978-5-9533-2953-8 “Литературная газета”, 2007

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Владимир Соколов прошел долгий путь в литературе. Поэт оставался самим собой, однако менялось время, и поэтический голос звучал в соответствии с меняющимся временем.

Перед читателем – книга, отмечающая вехи пройденного поэтом пути. Мы сочли естественным и логичным расположить стихи Соколова по *десятилетиям* соколовского времени. Принцип хронологии и традиционной периодизации дает возможность внимательно проследить эволюцию поэта.

Необходимы несколько оговорок и уточнений.

В книге есть редкие исключения из хронологической последовательности. Так, первый раздел открывается стихотворением «Как я хочу, чтоб строчки эти...», хотя оно написано несколько позже следующих за ним вещей, – по той причине, что это – эмблематическое стихотворение, очень сильно прозвучавшее в свое время и предопределившее весь дальнейший путь Соколова.

В сороковых годах написано скромное количество стихотворений – автор был молод, он только начинал, и поэтому первый раздел книги включает стихи сороковых и пятидесятых совокупно.

Иные стихи автор не датировал, но помещал их на страницах своих книг в привязке к стихам датированным, таким образом дав нам подсказку, где располагать то или иное стихотворение. В таких случаях под стихами стоит помета <?>.

Соколов – лирик чистой воды, и природа его дарования определенно сказывалась в поэмах. «Вот вам конспект

лирической поэмы». Элементы эпоса, разумеется, самоочевидны, но соколовские поэмы – все-таки лирика прежде всего. Иногда он собирал их в раздел «Поэмы» или – еще точнее – «Лирические поэмы», но в любом случае его поэмы органически вплетались в лирику как таковую. Показательно, например, что у такой вещи, как «Улица», нет подзаголовка «поэма». В нашей книге «Улица» идет в ряду «чистой лирики», тогда как остальные поэмы замыкают тот или иной раздел («Семидесятые» и «Девяностые»), и в этом тоже сказывается воля автора.

Нет в нашей книге ни переводов, ни прозы – то и другое, значительное по объему и ценности, не входит в рамки нашего проекта.

Приношу сердечную благодарность за разнообразную помощь в осуществлении книги – С.С. Лесневскому, Н.С. Аришиной, Ю.Б. Лаврушину, Б.Н. Романову.

Книге предпослано эссе М.Е. Роговской-Соколовой «Я был поэтом на земле...». Ей же принадлежит и общий заголовок издания – по строке Соколова.

Вернемся к Соколову. Он опять необходим.

*И. Ф.
2007, апрель
Москва*

Я БЫЛ ПОЭТОМ НА ЗЕМЛЕ...

«Я был поэтом на земле...» – это из лебединой песни Владимира Соколова, из его прощальной поэмы «Пришелец». На каменной странице его надгробия начертаны эти слова. Они как будто летят на землю с далёкой звезды на её тонких лучах. Его «звезда обетованная» отзывает его с Земли, где «глаза задумчивости вечной на Млечный путь устремлены».

Но есть миры и выше нежных елок
И рвущих сердце речек и полей.
Я уважаю этот древний волок,
Но, знаешь, тянет душу Водолей.

Покидая Землю, поэт-пришелец с тоской сбрасывает «земную пыль, земной недолгий час». Но у него есть утешительное знание, что он исполнил своё предназначение, «поручение», оставляя людям главное, исполненное – свои стихи. Поэт Соколов, очень рано осознавший себя поэтом, всегда имел «представление о самом себе как о человеке, которому многое дано, и он должен во что бы то ни стало воплотить отпущенный дар чистыми руками и как можно лучше»¹. Поэт-пришелец, стремясь к своей звезде, преодолевает мощное земное притяжение. «Я в путь готов, я здесь оставил душу». Душу свою и душу-любовь. Душа – ключевое слово в поэзии Соколова.

¹ Соколов В. Когда-нибудь, когда меня не будет... «Вопросы литературы», 1999, № 6. С. 213.

«Увы, увы», – кричит ночная птица
В сыром саду. И нам пора проститься.
У подмосковной гнущейся березы
Ты у меня в глазах стоишь, как слезы.

Поэт Соколов с грустью, с болью думает о расставании с миром земным, где у него «осталось только Божье время». И, уже приближаясь к миру горнему, он томится душой о том, что в земной жизни, которую он так любовно воспел, победно шествуют бездуховные, богатые, но бедные душой. Он с насмешливой жалостью обращается к ним: «...жируйте в норке, молитесь прибыли вещей». Сам вознесённый над бытом, он всё же надеется своими стихами их «душу потрясти». А его душа страдает:

Как сжалось сердце от тоски,
Когда любви коснулась вещь.

Он понимает, что эти материалисты опасны своей безответственностью и цинизмом.

Вы гениальны. Это не секрет:
Вы умудрились смертной сделать душу.
Нигде другой такой планеты нет.

Здесь не мягкая соколовская ирония, а жёсткий сарказм.

«Я уже давно заметил, – говорит Соколов в интервью с характерным названием “Поэзия в алиби не нуждается”, – одну черту во многих людях: удивительное умение уходить в сторону от ответственности».

Но это же поветрие эпохи –
Быть с алиби повсюду
И во всем.

(Поэма «Алиби»)

Понятно, что поэт имеет в виду алиби не столько в юридическом смысле, сколько в моральном. А в моральном алиби нуждается тот, кто живёт вне морали, кто хочет жить «сыто и красиво», не думая о других, «кто может сделать умное лицо, сослаться на условия века», сохраняя хорошую

мину «игрой улыбок, поз и междометий». Это антиподы истинного поэта, которые «нанесли немало внушительных поражений национальному архетипу, литературной традиции... Именно о них написаны известные строчки Владимира Соколова:

Это страшно – всю жизнь ускользать,
Уходить, убежать от ответа.
Быть единственным, а написать
Совершенно другого поэта»².

Теперь, когда «суровый Моцарт спит в гробу» и, казалось бы, можно не опасаться строгой соколовской отповеди, они развязно и лукаво заявляют, что это-де честный Соколов о себе... О нет, Соколов не станет убежать от ответа, кривить душой, особенно в стихах. Вся поэма «Сюжет» – про это:

Я не умею
Душой отзывчиво кривить.

А отповедь – она в его стихах, и на все времена.

Вечное противостояние филистерству, мещанскому конформизму, непониманию порождает усталость. Мотив усталости всё чаще возникает в поэзии Соколова последних лет.

Я так устал на вас похожим быть,
К тому ж за годы, что я здесь бытую,
Вы и меня успели убедить,
Что нет меня, что я не существую.

С особой трагической силой этот мотив прозвучал в 1988 году в знаменитом стихотворении «Я устал от двадцатого века...». Но Соколов не был бы Соколовым, если бы он впадал в уныние, «поддавался времени», усталости и сиюминутным соблазнам. Его девиз: «Не поддаваться време-

² Поляков Ю. Классик. (Предисл. к кн. «Стихи Марианне»). ПРОК, 1996. С. 3.

ни, его собою полнить, и даже в поздней темени о том, что будет, помнить». В его мироощущении, философии, в стихах – стремление «время победить, личный срок бессмертно утвердить». Залогом этой победы является его «всеотдайность» (он любил это болгарское слово, без перевода понятное русскому читателю) и широкий диапазон внутренней свободы, личностной и поэтической. Эта свобода уверенно выводит его за рамки «тихой поэзии», поэтического направления, признанным мэтром, лидером которого некоторые критики долгое время величали Владимира Соколова. Однако внимательное изучение его творчества убеждает в том, что «если слово “тихий” и подходит к нему, то лишь в том смысле, в каком это слово подходит к названию океана», как остроумно заметил Юрий Поляков.

Этому «тихому лирику» была присуща недюжинная поэтическая смелость, «горестная отвага», тем более ценная, что проявлялась она в то время, когда «страх, опасение быть неправильно понятым пронизывали общество. Однако, когда мне было страшно что-то написать, – вспоминал Соколов, – я понимал – это надо обязательно написать»³. Не крикливая, санкционированная смелость, а жертвенно-вызывающая, через преодоление страха. Вот что осмелился написать Соколов в 1970 году:

Ничего от той жизни,
Что бессмертной была,
Не осталось в отчизне –
Все сгорело дотла.

«Чтение этого стихотворения леденит сердце, – пишет автор книги о Владимире Соколове, – оно могло бы быть эпитафией себе и своему времени»⁴. Завершающие строки этого стихотворения

³ Соколов В. Когда-нибудь, когда меня не будет... «Вопросы литературы», 1999, № 6. С. 216.

⁴ Копытцева Н. На крыльях совести и дара. В. Новгород, 2003. С. 118.

Есть ли вечная запись
В книге актов благих?
Только стих – доказательств
Больше нет никаких, –

подводят к пониманию того, в чём видел суть вручённого ему дарования Владимир Соколов.

Что такое поэзия? Что вы!
Разве можно о том говорить.
Это – палец к губам. И ни слова.
Не маячить, не льстить, не сорить.

Своему credo Соколов не изменял, потому что выстрадал его:

Окно и дверь. И чистый лист бумаги,
Да в пальцах это вечное перо.
И дуновенье горестной отваги:
Договорить, оставить серебро.

Серебро. Это талант, который, по евангельской притче, является даром Божиим, и его нельзя закопать в землю, а надо употребить на благо ближнего. Поэтическая мольба Соколова:

Дай своей промерцать сединой
Посреди золотого народа.

Не то серебро, от которого его милостиво-немилостиво упасала жизнь («упаси меня от серебра и от золота выше заслуги»), а то, которое он мог дарить людям «на солнечной стороне». И какие богатства извлекал из своей благородной, щедрой души этот правдивый, целомудренный художник! Из мрака жестокого прагматичного времени он всегда стремился на «солнечную сторону». Симптоматично название его третьей книги – «На солнечной стороне».

Дарованный ему «золотой скрипичный ключик» открывает заветную дверь в чудесную страну поэзии, где всё освещено солнечным светом, высшим смыслом. Там можно и должно радоваться, там можно вдохновенно и легко

рассказать о «том, что происходит, когда не происходит ничего» («это у меня от Чехова», – с нежностью говорил Владимир Николаевич). Там выполняется сверхзадача поэта – «оставить серебро».

Его нелёгкая жизнь – это труд, любовь, служение, преодоление, отречение от всего тёмного, лукавого в себе и вовне.

Как у всякого большого лирического поэта, у Соколова прослеживается стремление более масштабно, философски осмыслить жизнь – пережитое, любимое, сотворённое. Отсюда постоянное тяготение к жанру поэмы.

Вот вам конспект лирической поэмы.
Песочек, отмель возле глубины,
Любовь к искусству...

Любовь к искусству, осмысление его – одна из важнейших поэтических тем «на солнечной стороне». Там даже смерть – в гармонии с жизнью. «Мысль о смерти – это мысль о жизни». Это истинно христианская мысль о вечной нетленной жизни, и в ней спасительный пафос. Поэт знает, что «будет в песне воскресенье!»

На краю бесконечности можно говорить обо всем не спеша...

Он успел сказать о многом. О счастливых встречах и горестных утратах, о белых ветках России и о её чёрных ветках, о музыке и о «художнике в чайной, где всемирный идёт разговор», о русском снеге, о военном детстве и о больших стройках его юности, о «бабочке, что над левкоєм отлетает в ромашковый стан», о друзьях, о Пушкине и о Лермонтове, о старых церквях Болгарии и о таинственной глубине московских двори́ков, «о Великой защите, о масштабе её мировом»... И всё это озаряет Любовь.

И во внезапной схожести с людьми
Открыл такое счастье единенья,
Что защемило сердце от любви,
Любви, похожей на благодаренье.

И хотя поэзию, сочинение стихов Соколов считал высшим своим предназначением, всё же он признаёт: «Нет, не могут стихи заменить настоящей любви никому». И не случайно, что на вершине творческой зрелости, за год до ухода Соколов составляет именно Книгу Любви, последнюю свою книгу. «“Стихи Марианне”, – как пишет автор предисловия к этой книге, – не просто книга стихов о любви, но Книга Любви». Ещё одна Книга Любви, пока не изданная, которую удалось составить уже после смерти Владимира Николаевича, – это стихи и поэмы, пронизанные любовью к Москве (назовём её «Москва Владимира Соколова»).

Если была у меня любовь, то это ты, Москва! –

признавался поэт.

Редчайшие случаи в мировой поэзии. Целая книга стихов, адресованная одной женщине. И целая книга, наполненная приметам, музыкой, красками, настроениями любимого города. Соколов написал обе эти книги. И эти две Книги Любви можно было бы объединить общим названием, строкой самого Соколова: «Но все равно – любовь. И все равно – Москва!». В упрямой, противительной интонации этих слов – непреклонное противостояние и утверждение: вопреки всем веяниям бездушного, чуждого ему пространства «обязательно выдержать, обязательно с честью» многие испытания:

Испытание временем,
Испытание веком,
Испытание бременем
И родным человеком.
.....
Испытание женщиной,
Испытание славой.

Он выдержал.

Признанный классик русской поэзии второй половины XX века прожил сложную, многогранную жизнь, которая и «погрустить, и просиять успела». Смолоду он неуклонно

вёл свою линию в поэзии, твёрдо зная, что «нет школ никаких, только совесть, да кем-то завещанный дар». Этот божественный дар он пронёс достойно, высоко, совершенствуя его до последнего дыхания. Потому и создал «стих как моление», в котором и красота, и тайна, и любовь-благодаренье.

Полвека свободный художник Владимир Соколов стоял на поэтическом посту. Стоял на родной земле. Непрестанно воспевал её – «Все у меня о России!». «Понял жизнь свою как жизнь людей», а поэзию – как великий бескорыстный, бесконечный труд перед лицом Вечности.

Это вечное стихотворенье
Не допишет никто никогда.

Марианна РОГОВСКАЯ-СОКОЛОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

СОРОКОВЫЕ — ПЯТИДЕСЯТЫЕ

* * *

Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева!

Чтоб из распахнутой страницы,
Как из открытого окна,
Раздался свет, запели птицы,
Дохнула жизни глубина.

1948

* * *

Я люблю незнакомые улицы,
А особенно осенью, в дождь,
Когда небо темнеет и хмурится,
Пробегает деревьями дрожь.

А по крышам блестящим и мокрым
Дождик каплями крупными бьет.
По мутнеющим, плачущим стеклам
За слезинкой слезинка ползет.

Пляшут капли на крышах блестящих,
И струятся ручьи и журчат.
На деревьях, стволами скрипящих,
Бледно-желтые листья шумят...

1945

* * *

О умножение листвы
На золотеющих дорожках!
О липы — с ног до головы
В блестящих ледяных сережках!
О луж осенних зеркала,
Не замутненные остудой!
О зимний ветер отовсюду!
О неожиданное чудо —
Узор оконного стекла...

1946

* * *

Вагона мерное качанье.
В дали вечерней цепь огней.
Следы последние прощанья
С души стираются моей.

Летит наш поезд, а за нами
Сквозь облаков ночную рать
Луна несется над полями
В надежде поезд обогнать.

1946

СЛОВА

Духом десятилетий,
Давних, а не моих,
Звуки вобравши эти,
Отяготился стих.

Как мне от них спастись?
Грусти на них печать.
С нового ли абзаца
Жизнь моих строк начать?

Но заменить их нечем,
Сердцу они святы:
Снег. Переулок. Вечер.
Ветер. Ограда. Ты.

1947

* * *

О свет зарницы моментальной!
О детство! Да, что в те года
Событья в сердце наметали,
Теперь прошито навсегда.
Опять по этим коридорам,
Где возле лестниц зеркала,
Меня, не знаю в раз который,
Тоска и память повела.
О, вряд ли можно равнодушно
Глядеть на стены, на паркет,
Из тьмы зовущие послушно
Воспоминания в ответ,
На эти лестничные клетки,
На эти серые, в летах,
Полунагие статуэтки
Амуров с лампами в руках.
О, этих памятников скольких
Так дорога немая речь...
Разбито детство!
Хоть осколки б
Подольше в памяти сберечь.

1947

СПАСОНАЛИВКОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

В час, когда слабость рвется из глаз,
Я вспоминаю: не для прогулок —
Есть у меня! Есть про запас!
Спасоналивковский переулок.

Там проживает моя родня:
Вечные липы, ветхие зданья,
Крупный булыжник, те, что меня
Ждут и спасают без опозданья.

Что меня связывают с такой
Давностью ветхой, полузабытой,
Коей давно пора на покой,
С той, у которой все пережито?

С этою липой, что особняк
Ветками тихими обнимает?
Он все дряхлеет. Липа — никак!
Омоложается с каждым маем.

Но я влюблен в их сторону
(За их участие ко мне без лени)
Не без оглядки на старину,
Но без отрыва от современности.

Я обхожу эти дома.
Листья ловлю. Их лепетанье.
Будто читаю старый роман
Несохранившегося издания.

Пусть он чужой. Пусть он не тот.
Может быть, я здесь потому, что
В нем меня что-то новое ждет,
То, чему это, ветхое, чуждо.

Где-то шумят (так далеко,
Будто бы в веке другом) трамваи,
Автомобили... Вот и легко
Сердцу, а почему – не знаю.

Может, от мысли, что этот дом –
Тот и она в нем проживает,
Та, что меня уже день за днем
Так же, как я ее, ожидает.

Я прохожу. Жду у окна.
Листья ловлю. Их лепетанье.
Может быть, где-то, где-то она,
Так что напрасны все ожидания.

Мало ли что! И наяву,
Может быть, здесь ее голос услышится.
Может, она, въехав в Москву,
Именно в этом доме пропишется...

Вот потому всякий я час
Помню (не просто ради прогулок):
Есть у меня, есть про запас
Спасоналивковский переулок!

* * *

О, что мне делать с этим бедным даром —
Влюбляться в окна, синие как небо,
В сосульки, что повисли на карнизах,
Кривые и блестящие, как сабли, —

Во все, что нам дается жизнью даром,
Но что для сердца делается хлебом, —
И ветки скрип, и вечер тучек сизых,
И снега шелест, и улыбка чья-то.

1949

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Хоть глазами памяти
Вновь тебя увижу,
Хоть во сне, непрошено,
Подойду поближе.

В переулке узеньком
Повстречаю снова.
Да опять, как некогда,
Не скажу ни слова.

Были беды школьные,
Детские печали.
Были танцы балльные
В физкультурном зале.

Были сборы, лагеря,
И мечты, и шалость.
Много снегом стаяло,
Много и осталось.

С первой парты девочка,
Как тебя забуду?!
Что бы ты ни делала —
Становилось чудом.

Станешь перед картою —
Не урок, а сказка.
Мне волшебной палочкой
Кажется указка.

Ты бежишь. И лестница
Отвечает пенъем,
Будто мчишь по клавишам,
А не по ступеням.

Я копил слова твои,
Собирал улыбки
И на русском письменном
Допускал ошибки.

Я молчал на чтении
В роковой печали.
И моих родителей
В школу вызывали.

Я решил забыть тебя,
Выносил решенье,
Полное великого
Самоотреченья.

Я его затверживал.
Взгляд косил на стены.
Только не выдерживал
С третьей перемены.

Помнишь детский утренник
Для четвертых классов?
Как на нем от ревности
Не было мне спасу.

Как сидела в сумраке
От меня налево
На последнем действии
«Снежной королевы».

Как потом на улице:
Снег летит, робея,
Смелый от отчаянья,
Подхожу к тебе я.

Снег морозный сыплется,
Руки обжигает.
Но, коснувшись щек моих,
Моментально тает.

Искорками инея
Вспыхивают косы.
Очи удивляются,
Задают вопросы.

Только что отвечу им,
Как все расскажу я?
Снег сгребаю валенком,
Слов не нахожу я.

Ах, не смог бы, чувствую,
Сочинить ответ свой,
Если б и оставили
На второе детство.

Если б и заставили,
Объяснить не в силе.
Ничего подобного
Мы не проходили.

В переулке кажется
Под пургой взметенной
Шубка – горностаевой,
А берет – короной.

И бежишь ты в прошлое,
Не простясь со мною,
Королевна снежная,
Сердце ледяное.

1950

НА СТАНЦИИ

Густым гудком ночной покой затронут.
Скрипит фонарь, и желтое пятно
Скользит по мокрым камешкам перрона,
Невиданного кем-то так давно.

Перрон, перрон, есть и такое счастье:
Опять ступать по шлаку твоему.
Почтовый поезд, черный от ненастья,
С пыхтеньем удаляется во тьму.

И тополя, продрогшие порядком,
Шумят под градом капель дождевых
И обнажают светлую подкладку,
Отмахиваясь ветками от них.

А возле грязь, да в колеях солома,
Да лужа с отражением столба.
И, радуясь, что наконец-то дома,
Приезжая стирает пот со лба.

1950

* * *

Чего ты хочешь, умный век,
В турбины заключивший воды?
Ну лирик я, ну человек
Из вымирающей породы.

Когда тоска трясет, как тиф,
Ряды твоих легионеров,
Зачем же, сердце ощутив,
Ты говоришь, что это нервы?

От бед твоих не в стороне,
Я отзовусь, ты лишь покликай.
Ты ошибаешься во мне,
Как и в душе своей великой.

1950

* * *

Бедный мальчик в промокшей кепке,
Что ж ты ищешь опять следы?
Сны о ней унеслись, как щепки
По теченью большой воды.

Ты пускал их, как в раннем детстве,
Каравеллами называл.
Но печальных таких последствий
Ждать не думал ты и не ждал.

Что ж, броди, позабыв про отдых,
По безлюдным путям дождя...
Дамы ездят на пароходах,
Наши пристани обходя.

1950

* * *

Мне страшно оставаться одному.
Я так боюсь, что сразу все пойму.

Кричать? Молчать? Что делать мне с собой?
Страх отгонять беспамятством? Ходьбой?

Какой ходьбой? Хоть тыщу верст пройди —
Здесь нет ни впереди, ни позади.

1950

* * *

Но как мы встретимся – чужими?
Так, что и нечего сказать,
Чем жили мы, о чем тужили,
Чем сердце занято опять?

Все это было очень просто,
Когда бы были мы одни.
Но берега, но дом у моста,
О чем подумают они?

Что скажут липы и заборы,
Булыжник и его трава,
Запомнившие наши ссоры,
И поцелуи, и слова?

Где словно в песне – строчка к строчке,
Твой след у моего следа,
Вдруг не вдвоем, поодиночке,
Как мы появимся тогда!

1951

* * *

Какое большое счастье
От шума дождя вставать.
В знакомые двери стучаться,
Свои для друзей открывать.

На девушку оглянуться,
Которой не назовешь.
Уехать, и вновь вернуться,
И знать, что живешь. Живешь.

Что чувствуешь кожей ветер
И знойную благодать,
Что можешь всему на свете
Хорошее имя дать.

1952

* * *

О двориков московских синяя,
Таинственная глубина!
В изломах крыш, в их смутных линиях
Доверчивость и тишина.

Когда ж дверьми мальчишки хлопают,
Хохочут, торопясь к звонку,
И валенками глухо топают
По наметенному снежку,

Когда с бидонами молочницы
Грохочут от двора к двору
И пересчитывают трешницы, —
Где эта тайна поутру?

Но лишь сгустился сумрак ласковый,
Двор вновь живет, седым-седой, —
Карнизам, ветвями, красками.
Порогами, самим собой...

1952

* * *

И позабыть о мутном небе,
И в жарких травах луговых
Лежать, покусывая стебель,
У загорелых ног твоих.

И так нечаянно промокнуть
Под самым каверзным дождем,
Таким, что не успеешь охнуть,
А весь уже до нитки в нем.

И не обидеться ни капли
На эти радужные капли
На волосах, и на устах,
И на сомкнувшихся ресницах,
И на ромашках, и на птицах,
Качающихся на кустах...

И эту тишину лесную
Потом минуту или две
Нести сквозь бурю городскую,
Как бабочку на рукаве.

1952

СУМЕРКИ

Кто виноват, шофер иль мы?
Как рассчитали время странно...
К зиме всегда темнеет рано, —
И чтоб нам выехать до тьмы!

Там, неподвижно колеся,
От нас налево и направо,
Такие разные леса,
Такие смешанные травы.

Такие льны — хоть тут же слезть,
Такая даль, какая есть.

А мы в застегнутых пальто
Сквозь ветра влажные удары
Летим и видим только то,
Что нам показывают фары.

1953

* * *

Как будто не было зимы,
Цветут деревья беззаботно.
И на ночь ливни льют охотно,
Как будто не было зимы.

И так, забыв про холода,
Июньский ветер ветки треплет,
Как будто листья никогда
Не истлевали в сером пепле.

И вот, случайно встретясь, мы
Опять стоим у поворота
И все надеемся на что-то,
Как будто не было зимы.

1948, 1953

ОКРАИНА

Дышит марля в оконном проеме,
Тишину и прохладу суля.
Жить бы мне в этом маленьком доме,
Розовеющем сквозь тополя.

Там с утра все во власти порядка,
Где бумажный не держится хлам,
Темнолистные фикусы в кадках
Стерегут полумрак по углам.

Там, о плате сумев сговориться,
Я на месяц, на два поселюсь.
Буду ровно в двенадцать ложиться
И в хозяйскую дочку влюблюсь.

Буду жить, от забот отдыхая.
Дам обет быть спокойным и впредь,
Все забыв, ни о чем не вздыхая,
Из окна в переулок смотреть.

Ты сегодня не смог переспорить
Равнодушие чье-то! Но вот
Видишь — тени дрожат на заборе,
Видишь — облако в стеклах плывет.

За оградкой зеленая травка.
Очень реденькая! Ничего...
Вот лучами нагретая лавка,
Можешь Фета читать своего.

А уж дворник торопится к дому,
Любопытен от пят до седин.
— Как фамилия ваших знакомых?
Я сейчас помогу, гражданин.

Но признательнейшей из улыбок
Я в ответ награждаю его:
— Я, наверно, ошибся. Спасибо.
Я и сам разберусь. Ничего.

1954

* * *

Я правильно делал, что писем
Твоих никогда не берег,
Поскольку ужасно зависим
Был от сочетания строк.

Но, стихотворения ради
Забывший открыв сундучок,
Увидел я в ветхой тетради
Старинной бумаги клочок.

Там было одно только слово
На желтеньком листике — «Жди».
И хлынули из прожитого
Какие-то сны и дожди.

Вдруг выступила подворотня,
Шумок водосточной трубы.
Но все это было бесплотней
Теней, что бросали дубы.

Которые над ученицей
Грустили, а с ними и я.
И все это было страницей
Действительного бытия.

И желуди эти, и лужи,
И негородское крыльцо,
И это, забытое тут же,
Мечтательное письмо.

Да. Все это существовало.
И губы болели мои,
Когда расставались, бывало,
Мы, сами уже не свои...

Но были мечты ожиданья
И строчки – реальнее все ж,
Чем явные наши свиданья,
Обманутые ни за грош.

С годами все больше зависим
От чистой бумаги и строк,
Я правильно делал, что писем
Твоих никогда не берег.

1955

* * *

Наступают в мире холода.
Улетают птицы кто куда.

Мне на долю выпал тихий вечер,
А под вечер выпал первый снег.
Тихий вечер.
Белых хлопьев речи.
Чистый облик и недолгий век.

Наступают в мире холода.
Меньше света.
Больше тьмы и льда.

Мне на долю выпала досада,
А из мыслей выпал весь покой.
Я рассаду не донес до сада,
Обокрал его своей рукой.

Наступают в мире холода.
А ведь было лето.
Было, да.

А снежок,
 что над травой хлопочет,
Так он тает на глазах у всех,
Будто он зимы совсем не хочет,
Как не хочет трав последний снег.

<?>

* * *

И звонкость погоды,
И первый ледок,
И след пешехода,
И птичий следок,

И белая крыша,
И ветви за ней,
И небо — все выше,
Все выше — синей.

И так все открыто
С низин до высот —
И то, что забыто,
И то, что придет.

И все, что от глаз
Крылось роцей большой,
И все, что у вас
И у нас за душой.

А небо большое,
Большое уже.
...И что за душою.
И что на душе...

И, меченный метой
Нелегких годин,
Ты с ясностью этой
Один на один.

1956

* * *

Из переулка сразу в сон
Особняков, в роман старинный
И к тишине на именины,
Где каждый снами угощен.

Из переулка сразу в тишь
Еще торжественней и глубже,
Где тает лист, где блещут лужи,
Где каплет с порыжелых крыш.

Я никогда не забывал
О том, что ты меня любила,
Но все, что здесь когда-то было,
Все, что нам флюгер напевал,

Я иначе именовал,
Усталый, пыльный и вокзальный,
Когда ты с нежностью печальной
Приблизилась: ты опоздал.

Из переулка — сразу в путь.
Твой переулок слишком дорог,
В нем темных лип столетний шорох
Все так же просит: не забудь.

Мы жили здесь без гроз, без слез,
Средь ветхих стен — на слух, на ощупь.
Однажды вышли мы на площадь,
Нас ветер в стороны разнес.

* * *

К нам приходят ночами
Пушкин, Лермонтов, Блок.
А у них за плечами
Столько разных тревог.

Столько собственных, личных,
Русских и мировых,
Деревенских, столичных,
Стыдных, гордых, любых.

Словно скинувши путы,
Ты встаешь, распрямясь.
Ты в такие минуты
Тоже гений и князь.

И часами глухими
Над безмолвием крыш
Долго, досветла, с ними
Ты о чем говоришь?

1956

* * *

Когда стреляют в воздух на дуэли,
Отнюдь в обидах небо не винят.
Но и не значит это, что на деле
Один из двух признал, что виноват.

И удивив чужого секунданта,
И напугав беспечно своего,
Он, видя губы белые Баранта,
Пугнул ворон.
И больше ничего.

Ведь еще ночью, путаясь в постели,
Терзая лоб бессонной маетой,
Он видел всю бесцельность этой цели,
Как всю недостижимость главной, той.

Заискиванье? Страх?
Ни в коем разе.
И что ему до этого юнца?
Уж он сумел бы вбить ему в межглазье
Крутую каплю царского свинца.

1956

* * *

Машук оплыл — туман в округе,
Остыли строки, стаял дым.
А он молчал, почти в испуге
Перед спокойствием своим.

В который раз стихотворенье
По швам от страсти не рвалось.
Он думал: это постаренье!
А это зрелостью звалось.

Так вновь сдавалось вдохновенье
На милость разума его.
Он думал: это охлажденье.
А это было мастерство.

1956

* * *

Приближается звук...

А. Блок

Кто золотой скрипичный ключик
Нашел и выронил из рук,
Уж тот, конечно, знает лучше,
Что значат музыка и звук.

Он побыл гением, невеждой
Средь грамотеев.
И ему
Свет волшебства слетал на вежды,
Как сон, не видный никому.

И вот он падает, сдается.
И ночи долгие подряд
Он плачет, плачет... Но смеется,
Когда об этом говорят.

Он видел, как земля качалась,
Выпрастываясь изо льда.
Как из туманности рождалась
Неповторимая звезда.

Он шел на звук, теряя гордость.
Как чиж — в силки, как нищий — плох.
Но он и брал его, не горбясь,
И к людям нес его, как бог.

Кто золотой скрипичный ключик
Нашел и выронил из рук,
Уж тот, конечно, знает лучше,
Что значат музыка и звук.

Он этот ключ легко, как в детстве,
Средь праха все-таки найдет
Иль сам его из сплавов бедствий
Назло утратам откует.

1957

* * *

Россия средней полосы...
Туман лугов
 и запах прелый
Копны,
 промокшей от росы.
И карий глаз ромашки белой.

И тропка узкая в кусты,
В орешник уведет.
 А выйдешь,
Такую сразу даль увидишь,
Что встанешь, замирая, ты.

Бескрайняя какая воля!
Блестит изгиб Тверцы-реки.
С размаху вширь простерлось поле,
В нем тонут леса островки.

Сужается,
 летит шоссе...
Стоишь.
И словно шире плечи.
И крепче дух от этой встречи
С землей во всей ее красе.

А возле, на кусту в росе,
Как часики, стучит кузнечик.

Стояли цитрусы стеной,
Стучали в крепкие ладошки,
Но все всплывал передо мной
Непризнанный цветок картошки...

1957

* * *

Пишу поэму.
Длятся дни,
Мелькают годы.
Пишу ее в кругу родни,
В кругу природы.

Пишу ее в кругу кругов,
В кругу квадратов.
В кругу друзей,
В кругу врагов
Себя не спрятав.

Пишу во сне и наяву,
В пути,
в полете.

Она о том,
Что я живу,
Что вы живете.

Что снег бывает в темноте
Белей,
чем в свете.

Что есть у нас заботы те,
Но есть и эти.

Пишу поэму,
Как дышу,
Пишу на тему
И не на тему.
Но пишу.
Пишу поэму.

1957

ХЛЕБ

Сорок второй.
Поземка.
Стужа.
До города верста.
Теплушка наша
Чуть похуже
Вагона для скота.

Но лишь в пути узнав,
Как дорог
Ее худой уют,
Закоченев,
Приходим в город,
Там, слышно, хлеб дают.

В ларьке,
По окна заметенном,
Пимов о доски стук.
— Откуда, хлопцы?
— С эшелона. —
И чей-то голос вдруг:

— Ребят вперед пустите, братцы!
Пусть первыми возьмут.
Я слышал,

Это ленинградцы.
Ишь как мальчонка худ.

А нас
Брала уже усталость,
Все вымерзло в груди.
И очередь
Заволновалась:
— Ребята, проходи!..

— Да вы бы сразу попросили.
— А сам-то, чай, ослеп? —
Так было тесно в магазине,
Так был он близко, хлеб.

А продавщица обмахнула
Прилавок:
— Ну так что ж? —
И вот уж в воду обмакнула
Большой и добрый нож.

Угрюмы нары эшелона.
Буханки горячи.
А мы молчали,
Сжав талоны.
Мы были москвичи.

Был зябок
Жалкий мой нарядец.
С ларька срывало жесть.
— Нет, — я сказал, —
Не ленинградец. —
А как хотелось есть.

* * *

Я люблю тебя – я думаю,
Как устало перед сном
Ты расчесываешь волосы
В доме старом и пустом.

Как стоишь ты возле зеркала,
Глядя пристально в него.
Что ты видишь в нем, серьезная,
Кроме взгляда своего?

Кроме взгляда, кроме облика,
Кроме карты на стене,
Кроме замершего двора
В незадернутом окне?

Знаю старое гадание:
Странно множащийся вид,
Если пристальное зеркало
Прямо в зеркало глядит.

Там в глуби порою видится,
Кто сужден твоей судьбе.
Я люблю тебя – я думаю
О тебе и о себе.

* * *

Приятелю

Как бы мне оторваться от жизни,
Деловые утратить права
И зажить, как беспечные слизни,
Как счастливые бабочки, а?

Как бы мне оторваться от века
И, освоившись в новой судьбе,
Как бы мне потерять человека —
Современного, злого — в себе?

Чтобы жил я, веселый мужчина,
Наподобье безмыслых опят,
Чтоб не лезла на ум чертовщина
В час, когда современники спят.

Чтобы воздухом сильного мая
Не дышать на запрудах реки,
Где вздымается ветер, снимая
С лысых гор облаков парики.

Где красиво кончаются сосны
И телами их стелется гать,
Как бы мне научиться от солнца
Под мещанские лампы сбегать.

И трепаться с тобой, за плечами
Оставляя любой непокой,
И чужими кормиться харчами,
Человечек безоблачный мой.

Чтобы жить, как беспечные слизни,
Приживальщички трав и тесин.
Как бы мне оторваться от жизни,
Чтоб понять тебя, сукин ты сын?

1958

* * *

Беззвучно дерево шумело,
Как застекленное окном,
Я улыбался неумело,
Едва расставшись с тихим сном.

А ты глядела мне в глаза
И, мысленно ломая руки,
Шептала что-то о разлуке,
О том, что дальше так нельзя.

Что надо, надо наконец
Прийти в себя, забыть о бреднях.
Шептала ты из сил последних,
Что я давно уж не юнец.

А я сказал тебе: постой,
Снег посредине лета выпал
И все кусты собой засыпал,
Такой веселый и густой.

Летали бабочки, жуки.
Ты прибежала в белой майке.
И я играл с тобой в снежки
На теплой солнечной лужайке.

Я говорил.
А ты была
Такой, как будто бы разбила
Хрусталь...
 А после ты ушла
И больше к нам не приходила.

А я не знал, что ты ко мне
Вернуться больше не хотела.
А за оградой, как во сне,
Беззвучно дерево шумело.

— Как необычно на земле
И жить и петь...
— О чем ты это?
— Да ни о чем. О хрустале.
О снеге посредине лета.

1958

* * *

Спасибо, музыка, за то,
Что ты меня не оставляешь,
Что ты лица не закрываешь,
Себя не прячешь ни за что.

Спасибо, музыка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не причуда,
Что для кого-то ты ничто:

Спасибо, музыка, за то,
Чего и умным не подделать,
За то спасибо, что никто
Не знает, что с тобой поделать.

1957

* * *

Когда смеются за спиной,
Мне кажется, что надо мной.

Когда дурное говорят
О ком-то ясного яснее,
Потупив угнетенно взгляд,
Я чувствую, что покраснею.

А если тяжкий снег идет
И никому в метель не выйти,
Не прогуляться у ворот,
Мне хочется сказать: простите.

Но я хитрец. Я берегу
Сознание того, что рядом
На москворецком берегу
Есть дом ее с крутым фасадом.

Она, не потупляя взгляд,
Когда метель недвижно ляжет,
Придет ко мне и тихо скажет,
Что я ни в чем не виноват.

1958

* * *

Паровик. Гудок его глухой.
Ночь. Платформа. Думы об одном.
Снег мотался, тонкий и сухой,
Железнодорожным полотном.

Извивался в свете фонаря,
Шел в порывах. Дрогнул паровик,
Белый дым, волнуясь и паря,
Снизу вверх окутал мост на миг.

Мост был выгнут через полотно.
Кто-то шел по этому мосту.
Шел незримо в клубах дыма, но
Сбоку луч вонзился в темноту.

И на дым летучий, на ничто
Пала человеческая тень.
Тень людская: кепка и пальто.
Дым качнулся, свет умчался в темь,

Паровик прогрохал под мостом,
Электричка встречная прошла.
И исчезла в воздухе пустом
Тень, что дымом поймана была.

Я не знал, что делать мне с тоской
О часах текучих... А кругом
Снег метался, тонкий и сухой,
Задышался и бежал бегом.

Только я запомнил не его.
Свет, и дым, и чью-то тень навек.
И не знал об этом ничего
Тот, мостом прошедший человек.

1959

ВОЛКИ

Ребята, спите по ночам.
По переулкам бродят волки.
Подкравшись медленно к дверям,
Они заглядывают в щелки.

Закройте свет, закройте дверь,
Крыльцо оставьте белым выюгам.
Нет ничего страшней, чем зверь,
Глухим страдающий недугом.

Заботой вызванный во тьму,
Не попадись им по дороге —
Они не верят ничему.
О, как ты мерзок им, двуногий.

Они к тебе, поджав хвосты,
Бредут, как добрые собаки.
Но оглянись!

Они двойки.

Улыбку волчью видел ты?

И начинается сюжет
Погони медленно-жестокой.
Они трусят тебе вослед,
В глаза заглядывают сбоку.

Спасибо, если ты сильней.
Но, встретясь взглядом с оборотнем,
Ты сам на улице своей
Уже не веришь подворотням.

Ребята, спите по ночам.
Не то подкидыша найдете.
Он будет ластиться к рукам,
Но в лес смотреть на повороте.

Не ошибитесь, подобрав,
Ему в глазенки нежно глядя,
Его по волчьей шерсти глядя.
Малютка свой блюдет устав.

Он будет мучиться укладом,
Где не обманывает речь.
И, вздрогнув, ты столкнешься взглядом
С ним.

И уже не уберечь

В себе уверенности прежней,
Что «нет» есть «нет», а «да» есть «да».
Все мнительней и безнадежней
Ты будешь чувствовать всегда,

Как за любимым твоим движением
Следит, забившись в уголок,
Страдая тягостным сомнением,
Зеленый злобный огонек.

1959

* * *

Какой сегодня сон приснится мне?
Недослужив труду, в постель я лягу,
Я малодушно лягу
И во сне
Опять увижу белую бумагу?

И будет так во сне моем бело,
И так петлять в нем буду,
 как в метели,
И будет так предательски тепло,
Что я замерзну мертвым сном в постели.

Но стих мой — друг бессонный...

Что покой

Ему,
 оборванному на полслове!
Своей еще горячею рукой
Холодную мою он руку ловит:

Идем, не спи!..
И где там ключья сна!
Победно на листке слова теснятся.
И все.

 Не так уж, если разобраться,
И непроглядна эта белизна.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

* * *

Снега белый карандаш
Обрисовывает зданья...
Я бы в старый домик ваш
Прибежал без опозданья.

Я б пришел тебе помочь
По путям трамвайных линий.
Но опять рисует ночь
Черным углем белый иней.

У тебя же все они,
Полудетские печали.
Погоди, повремени,
Наша жизнь еще в начале.

Пусть уходит мой трамвай!
Обращая к ночи зренье,
Я шепчу беззвучно: «Дай
Позаимствовать уменье.

Глазом, сердцем весь приник.
Помоги мне в миг бесплодный.
Я последний ученик
В мастерской твоей холодной».

МУРАВЕЙ

Извилист путь и долог.
Легко ли муравью
Сквозь тысячу иголок
Тащить одну свою?

А он, упрямец, тащит
Ее тропой рябой
И, видимо, таращит
Глаза перед собой.

И думает, уставший,
Под ношею своей,
Как скажет самый старший,
Мудрейший муравей:

«Тащил, собой рискуя,
А вот, поди ж ты, смог.
Хорошую какую
Иголку приволок».

1960

* * *

М. Луговской

Все как в добром старинном романе.
Дом в колоннах, и свет из окна.
Липы черные в синем тумане.
Элегическая тишина.

В купах вымокших — шорох вороний.
Тихо плавают листья в пруду.
Что за черт, я совсем посторонний
В этом желтом, забытом саду.

Но представьте.
Под лиственной сенью
Я часами брожу вдоль оград,
Как скрывающий происхождение,
Что-то вспомнивший аристократ.

Что мне в этих колоннах да нишах!
И как будто впервые я здесь.
И отец у меня не из бывших,
А из тех, что и были и есть.

Но с какой-то навязчивой грустью
Лезет в душу мне сырость колонн
И в садовом своем захолустье
Позабытый людьми Аполлон.

* * *

Ю. Алешковскому

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

Они со мной ночуют
В моем селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.

Звучат, гоня химеры
Пустого баловства,
Прозрачные размеры,
Обычные слова.

И хорошо мне...

В долах
Летит морозный пух.
Высокий лунный холод
Захватывает дух.

1960

* * *

Вот и нет меня на свете.
В мире тишина.
Все в свои поймала сети
Белая луна.

Сад поймала, лес поймала,
Поле и жнивье.
Озарила, осияла
Кладбище мое.

А на самом-то на деле
Все в заре, в цвету,
Я себя сквозь все недели
Гордого веду.

Не уйду, ступив со света,
Не оставлю дня,
Но — пока зависеть это
Будет от меня.

1961

* * *

«Можно жить и в придуманном мире», —
Мне сказали.
Но правда ли это?
Можно в мире?
Как в греческом мифе?
Как в легенде?
Как в шутке поэта?
Можно? Это не сложно.
Ребенку,
На рассвете.
На девичьем утре.
Но когда ты вдеваешь гребенку
В настоящие взрослые кудри,
Но когда что-то кануло в шири,
А пороги лишь ветром обиты,
Можно ль плакать в придуманном мире
От придуманной горькой обиды?

Я себе хорошо представляю,
Как по детскому зову преданья,
Как по знаку мечты

оставляю

Все мирские дела и свиданья
И вступаю в придуманный город,

В сад придуманный, милый до дрожи.
На придуманном озере гогот
Лебедей.

Я придумал их тоже.
Я придумал и даль, и округу,
И подругу придумал, и брата,
И врага сочинил я, и друга...

Ты конечно же не виновата,
Но заметил я, душу очистив
От земного, приняв неземное,
Тень летит от придуманных листьев
На мое безысходно земное,
Где не может пока что по маю
Цвeсть сухумская роза

в Сибири...

Но не думайте, я понимаю:
Можно жить и в придуманном мире.

1961

ВОСПОМИНАНИЕ О КРЕСТЕ

Я наконец добился своего.
Меня узнать не могут те и эти
За то, что я, один как перст на свете,
Живу превыше блага одного.

Вначале было так: средь слез и свар,
За то, что к сердцу принял все живое,
Все веры и черты приняв как дар,
Я из родных был выведен в изгой.

Затем я был последнего лишен.
В моем дому ветра заголосили.
И так я был обидой оглушен,
Что мне колдуньи зелье подносили.

Однако доброй дружбы торжество
Я испытал, когда собрата встретил.
Но я обидел шуткою его,
Желая быть, как он — в то время — весел.

Он был моим.

Но не был я своим,

Как оказалось.

Я права превысил.

И мысль пришла: а что, если, как дым,
Метнуться вверх от этих душ и чисел?

Но был я слаб.
И руку на себя
Поднять не смел.
Она как плеть висела.
И мысль пришла: все, чем живу, любя,
Обидеть так, чтоб хоть шурупы в тело
Ввинтили мне всем миром: что там ждать!
А вдруг не станут — как, зачем, откуда?
Пойти в Горсправку? Объявленье дать?
«Мне тридцать три. Я жив. Ищу Иуду».

1961

НА УЛИЦАХ СТАРОГО БРАТСКА

На улицах черные лодки
Прикованы к серым столбам.
А ветер, гудя в околотке,
Отчаянно бьет по губам.
Он хочет до сердца добраться
И свой передать ему хмель...
На улицах Старого Братска
Едва ль не последний апрель.

Я вижу дома и заборы —
Они и темны и стары,
На плотных воротах запоры
Почти позабытой поры.
Но жизнь и за старым забором
Бушует, полна новостей,
Со всем ее полным набором
Великих и малых страстей.

А дело-то, видно, не в малом,
Коль в собственном доме народ
Здесь, как на дворе постоялом,
Которое лето живет!
И почвы глубинная встряска,
Сердца будоража до дна,

На улицах Старого Братска
Как буря морская, слышна.

Ведь все, что казалось немилым:
Осевшие набок дома,
Сараи, — подернется илом,
Уйдет из души и ума.
И что-то заветное тоже
Уйдет для кого-то на дно,
Но если любимо до дрожи, —
Всплывет из забвенья оно.

И вижу я первое утро
Недальнего первого дня.
Волна над заборчиком утлым
Вскипает, шипя и звеня...
А ветер, волнением полный,
Гудит и гремит, верховой,
И светлые тучи, как волны,
Летят над моей головой.

1959–1961

* * *

Я забыл свою первую строчку.
А была она так хороша,
Что, как взрослый на первую дочку,
Я смотрел на нее не дыша.

Луч по кляксам, как по чечевицам,
Колыхался. И млело в груди.
Я единственным был очевидцем
Посвященья.

Тот миг позади.

Но донине всей кровью — в рассрочку —
За свое посвященье плачу.
Я забыл свою первую строчку.
А последней я знать не хочу.

1962

* * *

Хотел бы я долгие годы
На родине милой прожить,
Любить ее светлые воды
И темные воды любить.

И степи, и всходы посева,
И лес, и наплывы в крови
Ее соловьиного гнева,
Ее журавлиной любви.

Но, видно, во мне и железо
Сидит, как осколок в коре,
Коль, детище нежного леса,
Я льну и к Магнитной горе.

Хочу я любовью неустной
Служить им до крайнего дня,
Как звездам, как девочке русой,
Которая возле меня.

1963

МЕТАМОРФОЗЫ

Мир детства. Заборы и лужи.
Ручьев перекрученных пруть.
Я стал понимать его хуже.
И лучше о нем говорить.

Но как я хочу разучиться
И в мире заведомом том
Тайком от людей воплотиться
В какой-нибудь старенький дом!

И влажно глядеть в переулок,
Листвой заслонясь, как рукой,
В какой-нибудь там Ащеулов
Иль Подколокольный какой.

И знала б одна только осень,
Что это ведь я под числом,
А вовсе не дом номер восемь
Стоит, обреченный на слом.

А в час, как в иные строенья
Мои б уезжали жильцы,
Я им ни на миг настроенья
Не портил бы: мы не юнцы.

Мы дети отжившего века.
Старинные особняки
Для новых идей человека,
Наверно, не столь высоки.

Я просто, приветствуя силы,
У свежего рва на краю
Пропел бы им, как клавишины,
Прощальную песню свою...

Оранжевых листьев пиковки,
Сентябрь начинает с туза.
Я – старенький дом на Покровке –
Гляжу сквозь большие глаза.

Но – верный испытанным пробам –
Я тут же, почти не скорбя,
Бульдозером широколобым
Бесспорно иду на себя.

1962

* * *

Этих первых узнаю
Заморозков речь я.
Снег валится на скамью,
На Замоскворечье.

На сырую желтизну
Улочек Ордынки,
На тебя,
 мою звезду
В привозной косынке.

Зачернелись оттого
Голые деревья...
Так смотри же ты в него
Хоть до одуренья.

На мой кожаный рукав
Голову откинув,
Улыбайся, запропав,
Колеси в лавинах!

Не стесняйся,
 впопыхах
Прикоснувшись к раю,
Что витаешь в облаках.
Я с тобой витаю.

* * *

Г. Маргвелашвили

Не уважаю неревнивых.
Им, равнодушным, все равно,
Когда, какое, чье зерно
Взошло на их, не чьих-то, нивах.
Не уважаю неревнивых.

Они без прошлого, без горя,
Они без поля и тоски.
Они живут не по-людски,
С любимой женщиной не споря.
Не уважаю по-мужски.

Я сознаю свою беду:
Не уважаю неревнивых,
Всегда слывущих за счастливых.
Люблю пристрастных и спесивых
На горе женскому стыду.

Я завещаю сыновьям
Лишь ту безжалостную ревность,
Чья роковая повседневность
Рождает будущее нам.

На почве родственной осев,
Я потому твержу о нивах,
Что презираю неревнивых,
Люблю свой собственный посев.

1963

САЛЬЕРИ

Сальери, мастер в высшей мере,
Лишь одного не разумел:
Что сочинять умел Сальери,
А слушать нищих не умел.

Сальери думал: он не знает,
А Моцарт видел.

Моцарт знал,
Какая слабость наполняет
Неукоснительный бокал.
Сквозь лесты гордую улыбку —
Не просто зависть и расчет —
Он видел первое:

ошибку,
Что спать Сальери не дает.

Он отвернулся.
Пусть насыплет.
Да, Моцарт — бог.
Бог чашу выпьет.
Избыток жизни!

И вовеки
Убийства люди не простят.
А бред о черном человеке,

А прядь на лбу, беспечный взгляд...
Бог может искушать судьбу.
Но ведь свою!

Бессмертен в вере,
Суровый Моцарт спит в гробу.
А что без Моцарта Сальери?

1963

ЛЮБОВЬ

Утешь меня.
Скажи мне:
 все неправда.
И я поверю.
Я хочу поверить.
Я
 должен
 верить
 через «не могу».
На отдаленном синем берегу
Моей реки,
 зовущейся Непрядва,
На камушке сидишь ты.
 Злая челядь —
На противоположном берегу.

Утешь меня.
Скажи мне:
 все, что было,
Случайность,
 наважденье,
 не закон.
И я влюбленно,
 а не через силу
Тебе отвечу русским языком.

Утешь меня.
Чтоб впредь не попрекали.
Ведь я силен.
Еще сильнее — со зла.
И я погибну на реке Каяле,
Чтоб ты,
 как Русь,
 как девочка,
 жила.

1963

* * *

Р. Маргиани

Люблю, когда друзья мои в Тбилиси
В пылу беседы общей за столом
Заговорят, до звона речь возвысив,
Своим почти орлиным языком.

Я прислонюсь тогда щекой к ладони,
Заслушаюсь, на лица загляжусь,
Порадуюсь, что я не посторонний,
Что своего молчанья не стыжусь.

Что вот и сам твержу я с их же пылом
На языке, что дал мне дед-тверяк.
А небо над художническим пиром
Зашло за звезды... Полночь при дверях.

Но все внимают листья-непоседы,
И складки гор, и дуновенье трав,
Как мы ведем высокие беседы,
С грузинской речью русскую смешав.

Я говорю о стихотворном ладе,
Ликую. А пока я говорю,
Сосна Мтацминды клонится и гладит
По-матерински голову мою.

1963

* * *

Художник должен быть закрепощен,
Чтоб ощущал достойную свободу,
Чтоб понимал, когда и что почем,
Не суете, а доблести в угоду.

Художник должен быть закрепощен,
Как раб труда, достоинства и чести,
Ведь лишь тогда, питомец мира, он,
Как слово точно взятое, — на месте.

Художник должен быть раскрепощен,
Когда мальчонка ритмы отмеряет
Своей ручонкой — явь его и сон, —
Но он тогда от счастья
Умирает.

Художник знает музыку и цвет,
Он никогда не бог и не безбожник,
Он только мастер, сеятель, поэт.
На двух ногах стоит его треножник.

Одно замечу, обрывая стих,
Хоть в нем одном и участь, и отрада, —
В монархии подобных крепостных
Царей-освободителей
Не надо!

И всю эту влажную южную ночь
С открытыми спал я глазами.
И было уже мне мириться невмочь
С бездомными их голосами.

Но вот они смолкли, зажав в кулачке
Рассветной росинки монету...
И снилось тебе о домашнем сверчке,
Которого все еще нету.

1963

УКАЗ ПЕТРА

Незаконнорожденных записывать в художники.

Петр I

Забавна эта мысль Петра,
Но сколь мудра и величава,
Пронзающая до нутра,
Смешная с первого начала.

Мне интересен лик его
В тот миг, когда он быстро взвесил
Все «да» и «нет» до одного.
Он был тогда угрюм иль весел?

Он, может, так захохотал,
Что терем колоколом грянул,
А может быть, чертеж скатал
В трубу подзорную и глянул?

И увидал, как на страду, —
По всем колдобинам России,
С холстом и кистью не в ладу,
Идут внебрачноприжитые.

И, маясь дивною судьбой,
Находят лад и знаменито
Всей неприкаянной гурьбой
Грехи отмаливают чьи-то.

Владимир Соколов
1946

**С выпускниками Литературного института
1953**

Владимир Соколов
1960

С Марианной
1977

Владимир Соколов
Художник Дара Бонева. София. 1983

**Лермонтовские дни в Тарханах
1986**

Владимир Соколов
Перedelкино. 1980-е

**Владимир Соколов, Марианна и Нина Петровна Роговские
Перedelкино. 1988**

**Новый год в Ларушенском переулке
1989**

**С Марианной в Париже
1991**

**У памятника Аполлинеру
Париж. 1991**

В Болгари
1993

С любимым котом
Перedelкино. 1992

В Михайловском
1996

Македония. «Стружские вечера»
Сентябрь 1996

Международный гуманитарный фонд
“Гражданская альтернатива (ГРААЛЬ)”

Общероссийское Лево-Демократическое
Политическое Общественное
Движение “РОССИЯ”

Читальный зал Библиотеки имени Н. А. Добролюбова

24 января 2001 года, Среда

В день памяти выдающегося русского поэта

ВЛАДИМИРА СОКОЛОВА

состоятся первые “Соколовские чтения”

Стихи Владимира Соколова
исполняют поэты, артисты, музыканты,
участники литературно-музыкального
салона Издательского Дома “ГРААЛЬ”.

Программа подготовлена:

Марианной Rogovskoy-Sokolovoy
Владимиром Муравьевым
Андреем Францем

Адрес: 121099, Смоленская площадь, дом 13/21
Тел. 241-76-80, 241-51-85

Начало в 18.00

Изд. № 20 от 1998 года

Афиша первых «Соколовских чтений»

2001

Пусть в нас иной, несхожий пыл
Великой волею заронен,
Нам надо помнить, как он был,
Художник русский, узаконен.

1963

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

«Звезда полей,
Звезда полей над отчим домом
И матери моей
Печальная рука...» —
Осколок песни той
Вчера над тихим Доном
Из чуждых уст
Настиг меня издалека.

И воцарился мир,
Забвенью не подвластный,
И воцарилась даль —
Во славу ржи и льна...
Нам не нужны слова
В любви настолько ясной,
Что ясно только то,
Что жизнь у нас одна.

Звезда полей, звезда!
Как искорка на сини!
Она зайдет?
Тогда зайти звезде моей.
Мне нужен черный хлеб,
Как белый снег пустыне,

Мне нужен белый хлеб
Для женщины твоей.

Подруга, мать, земля,
Ты тлению не подвластна.
Не плачь, что я молчу:
Взрастила, так прости.
Нам не нужны слова,
Когда настолько ясно
Все, что друг другу
Мы должны произнести.

1963

СЕЛИГЕР

Ты помнишь, как молоды были
Мы той обручальной весной,
Где сосны водою сквозили
Вдоль нашей тропинки лесной?

Крученые ветхие листья
Да ветки желтели обочь,
И дождь еще первый не лился,
И холод прихватывал ночь.

Но вздохи озерного ветра
Ледок обращали в ничто.
Была ты в косыночке светлой
И в кожаном синем пальто.

Была ты мила без оглядки
И тем, что за мною вослед
Так смело на третьем десятке
Достигла шестнадцати лет.

Теперь я нисколько не знаю,
Ты помнишь ли это.

Но я

Себе хорошо представляю:
Синь, волны, косынка твоя.

Двух лип вековая обнимка,
Вчерашнего года трава
Да робкая вешняя дымка,
В которой висят деревья.

1963

ЖИВОПИСЦУ

Да что мы словно сговорились
Природу русскую считать
(Не оттого ль, что ель не ирис?)
Унылой скромнице под стать?

Я говорю о том,
 что зренье
Не всем реальное дано.
Иной лишь смутное виденье
Переведет на полотно.

Другой лесок сквозь мелкий дождик
Умело выдаст напоказ,
И говорит уже художник:
«Она застенчива у нас».

А что ей, собственно, стесняться?
Чего ей скромничать,
 когда
Такие краски в ней теснятся
И в май,
 и в зной,
 и в холода!

А только бабочкой сновало
Да из-под лип травой росло.

Но невозможно оторваться
От общих действий ни на час.

Но в дождь и ведро

жадно длятся

Дела,

связующие нас.

И на ходу в машину села

Душа,

предчувствуя поля,

Где дыбилась в горячке сева

Тревожно-влажная земля.

1963

И южных звезд смотрели очи
В мое окно.
Совсем как ты.

И если что-то мне мешало,
Так только то, что за стеной
Пора осенняя шуршала
Да мышь летучая летала,
В окно влетала.

 И витала,
Как тень,
 за бабочкой ночной.

1963

* * *

Все выпадает снег
И тает, тает, тает.
Зачем я слово дал
Деревьям и весне,
Что первая капель
Меня другим застанет
И что зеленый шум
Появится во мне?

Холодный, ясный час.
Горит зари полоска.
Зачем я пил вино,
И плакал, и шумел?
Я вовсе не хотел
Такого отголоска,
Такой тоски в себе
Я вовсе не хотел.

Я сетовал на снег,
Я проклинал погоду,
Я повторял слова
пустые горячо.
Но как я мог винить
Любимую природу

В том, что стихи мои
Не выросли еще?

Все вовремя живет.
Ничто не пропадает.
Никто не виноват...
А между тем в окне
Все выпадает снег
И тает, тает, тает,
Как будто слово дал
Деревьям и весне.

1963

* * *

Ты камнем упала, я умер под ним.
Ты миг умирала, я — долгие дни.
Я все хоронил, хоронил, хороним
Друзьями — меня выносили они.
За выносом тела шел вынос души.
Душа не хотела, совала гроши.
А много ли может такая душа,
Когда и у тела уже ни гроша.

Однако могильщики ну и народ —
Умелые руки, большой оборот.
И знаешь, все просят подумать о них:
Работать на пару, а пить на троих.
И знаешь, как шутят, дыша в кулаки:
Метро наменяло на всех пятаки.
...Там желтая глина, там воздух сырой.
Там люди сговорчивей между собой.

Кто звезды попутал, кто карты смешал?
Кто боженьке в ухо чего надышал?
Я что-то не помню — за что бы с меня —
Дарованной ночи, дареного дня.

Уж так ли высоко на свете я жил,
Чтоб бог мне на душу тебя положил.
И так ли остался, в таком ли долгу,
Что сам до земли долететь не могу.

1963

* * *

Памяти А. Фатьянова

Друзья мои, не умирайте.
Не засыпайте насовсем.
Ложитесь спать, но и вставайте,
Неважно, в десять или в семь.

Чтоб не стоял я, как под дулом,
Под вестью, бьющей на ходу.
Чтоб я на кладбищах не думал:
Пусть лучше раньше я уйду.

Друзья мои, не исчезайте,
Не покидайте мрак и свет.
Что люди есть, не уверяйте.
Других таких на свете нет.

Но если час придет, и свалит,
И погребет ваш лик земной,
Я буду с вами, буду с вами,
Как вы, хоть изредка, со мной.

1964

ОКА

Мы так и не доехали тогда...
Какой-то лодки не было под боком.
Запомнилась река да лебеда
На берегу довольно невысоком.
Да то село, глядевшее с откоса, —
Голубоглазо и желтоволосо.
Да ребятня, да лодка на мели.
Да чей-то дед при всех его притворствах:
— Мол, нету лодки. Нет. Не завели... —
Да мы без шапок, трое стихотворцев.
Да как вдали автобус наш гудел,
Что люди ждут, что все же есть предел...

Да мысль о том, что родственные сени
Когда-то называл Сергей Есенин
Не Константиновом и не Окой,
А просто лесом, полем да рекой.
Мы так и не доехали тогда.
Оки не переехали...

Ну что же,
Прав лодочник, седая борода:
— Поэты? Как же, знаю. Был Сережа...

И впереди,
 трубя.
Пожалел меня?
Иди,
Пожалей себя.

1964

Здесь,
 где сомнения нелепы,
Милы мне всплески зимних птах
И снега влажные прилепы
На бронзовеющих стволах.

1964

* * *

В продолжение долгого времени
Ворковала по крышам вода.
В продолжение долгого времени
Зной качался и шли холода.

И, мелькая под ветром, как веточка,
Не однажды в течение дня
Выбегала прозрачная девочка
Из-под солнца
Взглянуть на меня.

1964

* * *

Время пройдет.

Охладеет

Имя мое для тебя.

Буду я спать,

не вставая,

Не лепеча, не грубя.

Но и забыв о колоде,

Легшей на прах моих мук,

Чье-то слышав «Володя!»,

Как ты оглянешься вдруг...

1965

ЗАСТАВА

Я здесь, усни, моя родная.
Спи. Я с тобой. Я не уйду.
Трава за окнами ночная
Тихонько клонится в саду.

Там на изведанных дорожках
Следы вчерашние пока.
Там на высоких тонких ножках
Белеют звезды табака.

А там, где вишни созревают,
Там отдыхают ветерки,
Что наши лица обвевают
Днем под лучами у реки.

И так как дети спят в постелях,
А все луною залито,
Они играют на качелях,
Пока не видит их никто...

Я здесь. Усни, моя большая,
Спи. Я с тобой. Я не уйду.
Отрадой землю орошая,
Ночь продолжается в саду.

Там достигают небосвода
Березы в венчиках своих.
Там трубы длинные завода
Далеко смотрят из-за них.

Там, спать не в силах, в узорочьях,
Два самых юных соловья
Глядят, как зыблется на рощах
Косынка белая твоя.

Спи, милая. Идя на стражу,
Любуясь миром в забытьи,
Я только мысленно поглажу,
Как нивы, волосы твои.

Пусть так и будет. Люди знают —
Околыш вечно зелен мой.
Проснешься: птицы запевают!
Очнешься: где он?..
Я с тобой.

1965

ПУШКИНСКИЙ ЧАС

1957-1965

* * *

Скорей в начале жизни, чем в конце,
Он в самовольной ссылке величает
Беспечность рифм у всех забот в кольце,
Его чело лишь свет свечи венчает.
С ним только то, чего и друг не чает,
Да мир, да дева юная в венце.

На нивы, на желтеющие купы,
Как на виски, ложится серебро.
«Пора иль не пора!..»

Щекочет губы
Прохладное гусиное перо.

* * *

Гусиные перья
На птичьем дворе
Белы и блестящи,
Как снег в январе.

С наивным отливом
В легчайшую синь,
Нежны и пугливы.
Наверно, с гусынь.

Закрылий утраты,
Потери боков.
Крепки и помяты.
Видать, с гусаков.

Лишь ветер ударит,
Закружится пух.
И – хлопанье крыльев,
И бег во весь дух.

Лишь ветер ударит,
Взовьется перо...
На снега порхающего
Серебро,

Не пух из подушки –
Под гаубиц гром, –
Мне вспомнится Пушкин
С гусиным пером.

Увидится утро –
Туманно, серо.
Он из дому вышел.
Он поднял перо.

Второе и третье.
Он молод и скор.
Ему на рассвете
Докончить бы спор.

Ответить бы этим,
И тем, и судьбе,
И ей, и столетью,
И нам, и себе.

.....
 На Черной речке белый снег.
 Такой же белый, как в Тригорском.
 Играл на печке —

ну и смех —

Котенок няниным наперстком.
 Детей укладывают спать.
 Отцу готовят на ночь свечи.
 Как хорошо на снег ступать
 В Михайловском в такой же вечер.

На Черной речке белый снег.
 И вот —

хоть на иные реки

Давно замыслил он побег —
 Шаги отмерены навеки.

.....
 Меж императорским дворцом
 И императорской конюшней,
 Не в том,

с бесхитростным крыльцом,

Дому,

что многих простодушней,

А в строгом,

каменном,

большом

Наемном здании чужом

Лежал он,

просветлев лицом

Еще сильней и непослушней.

Меж императорским дворцом

И императорской конюшней.

* * *

Мчатся тучи...

А. Пушкин

«Натали, Наталья, Ната...»

Что такое, господа?

Это, милые, чревато

Волей Божьего суда.

Для того ли русский гений

В поле голову сложил,

Чтобы сонм стихотворений

Той же

Надобе

служил?

Есть прямое указанье,

Чтоб ее нетленный свет

Защищал стихом и дланью

Божьей милостью поэт.

* * *

На крайнем юге, солнечном и синем,
Так много листьев глянцевого, любых.

Октябрь уж наступил.

Но не для них.

А мы их все ж

так весело покинем

И улетим на север, на восток,

Где, испытанье выдержав на ветхость,

Желтеет каждый болдинский листок,

Как библиографическая редкость.

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Осеннее золото куполов
Всплывает на синеве
При полном молчанье колоколов
Со звонницей во главе.

Не знаю, не знаю!
Но этот лист
С прожилками черноты,
Как купол, округл и, как купол, чист
И звонок до высоты.

Под ясными сумерками стволов
Не холодно ль вам со мной?
Осеннее золото куполов
Восходит над белизной.

Качается дерево у стены.
И листья его вершин
Касаются самой голубизны
И падают у машин.

1965

ВЕШНИЕ ДАЛИ

Леониду Леонову

Низкая впадина, речка высокая,
Ветер, шумящий отпевшей осокой.
Где это было, когда это было?
Лишь бы не думать, что было, да сплыло.
Что бы там ни было, как бы там ни было,
Только б не убыло, только бы прибыло.

Черные гнезда в дыму налетающем,
Легком, но, кажется, ветки шатающем,
Чтобы унести их вослед за гудком,
Чтобы не жили своим закутком.
И взбаламученных галок орда
Смотрит на гнезда и на поезда.

Где это было, когда это было?
Даль окликала, мелькала, трубила.
Ветром и веткой будила чуть свет.
Сердце твое изучало на свет.

Там это было. Тогда это было.
Девочка русая парня любила.
Да развела их, развеяла даль.
Разве не весело? Разве не жаль?

Мальчик у стрелки услышал рожок —
И развязался у книг ремешок.

Мальчик, беги за прошествием лет,
За убегаящей далью вослед.

Прошелестели, пропели шаги...
Мальчик, от девочки тоже — беги!
Где это было? Да там это было,
Где еще наша земля не остыла,
Где еще ленточка вьется твоя
Возле опушки тропой у жнивья.

Так это было. И так это будет.
Даль разведет, да сведет, не остудит.
Только б не убыло, только бы прибыло
Как бы там ни было, что бы там ни было.

1965

* * *

Ученический зимний рассвет.
На окне ледяные подтеки.
Я не знал до шестнадцати лет,
Как бывают пленительны строки.

Из постели на прорубь окна
Я гляжу, не спеша из постели.
У меня есть тетрадка одна,
Для которой нет места в портфеле.

Я портфельчик под мышку возьму.
От зимы воротник побелеет.
Я о том не скажу никому,
Что в тетрадке моей лиловет.

Вот растет из сугроба метла,
Вот оплывшая наша колонка,
Как задутая свечка, бела
Ото льда, затвердевшего ломко.

Мне отныне спасения нет.
Все, что пройдено, вижу в обломках.
Ученический зимний рассвет.
Тонет улица в ранних потемках.

Я пропал!
Но кому объяснишь,
Что она меня вновь отстояла
Этим снегом, свисающим с крыш,
Словно съехавшее одеяло.

Спите, улицы,
Спи, календарь!
Через день, виновато сутулясь,
Я скажу, что замазал январь
Белым снегом названия улиц.

И не смог я дорогу найти.
Но в училище был небывалом...
Я ворочаюсь под одеялом.
Я встаю.
Надо в школу идти.

У меня есть тетрадка одна.
Там грядущие зреют напасти.
Там каракули, там письмена.
Но хоть лаврами путь разукрасьте,

Хоть наметьте любой юбилей,
Я туда убегу без оглядки,
В тот рассвет, что синей и белей
Ученической чистой тетрадки.

1965

* * *

Ночевала тучка...

М. Лермонтов

Весь в перьях сад,
Весь в белых перьях сад.
Бери перо любое наугад.

Большие дети неба и земли,
Здесь ночевали, спали журавли.

Остался пух.
Остались перья те,
Что на земле видны и в темноте.

Да этот пруд в заброшенном саду,
Что лишь у птиц и неба на виду.

Весь в перьях сад,
Весь в белых перьях сад.
Возьму перо любое наугад.

И напишу о маленьких синицах
И о больших взметающихся птицах.

И напишу, что сад синицу в руки
Взял, с журавлями белыми в разлуке.

Листвой сухой, седой расхлопотался.
Красавицей своей залюбовался.

Весь в перьях сад,
Весь в белых перьях сад.
И пруд, и вся прорешливость оград.

Он не шепнет, как кто-то там и сям,
Что журавли завидуют гусям.

Он знает сам, что каплями зари
В нем замелькают скоро снегири,

Что в ноябре в нем хрупко и светло,
От перистого инея бело...

1965

ПАРОМ

...Грустно было мне
Покидать обветренные стены
Домика на правой стороне.
Полз паром.
На нем мерцало сено.
И платки помахивали мне.
Розовые, белые, шума,
Ссорясь меж собой, крича, как чайки,
То с базара ехали хозяйки.
Мужики их слушали. Дымя.

Грустно было мне,
Что под этой синью беспощадно
Я сидел безбабий, безлошадный,
Необобществленный.
В стороне.
Здесь провел я лето.
Эти стены,
Этот жар и ливней перемены,
Этот говор акающий наш,
Этот – в волнах – окающий говор,
Эта дружба выгонов и горок...
Ах, идет, идет паромщик наш.
Выпиваем с ним по чашке чаю.
Отвечаю: «Что ж, ну поскучаю...

Вновь приеду, ежели смогу».
Говорю с неслышанным зазнайством:
«Может, сам обзаведусь хозяйством».
Кланяюсь ромашке, иван-чаю,
Как иду к воде, не замечаю.
Что-то там, на левом берегу?

1966

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Всю даль последующих весен
Представить было не хитро...
Тебе сопутствовала осень,
Когда входили мы в метро.
Когда мы вышли из него,
Шел снег по направлению к Химкам
Или оттуда.
И мело.
И липло к туфлям и ботинкам.
И ты сказала у дверей
(В пальто осеннем, в шарфе тоненьком),
Что снег идет у фонарей –
Домиком...

На протяжении зимы
От «Войковской» и до «Плотины»
Летели белые холмы,
Снег обращал дома в руины
И восстанавливал скорей,
Ложась по внешним подоконникам.
И шел опять у фонарей –
Домиком.

Входили в мокром серебре
В автобус

Тающие люди
И разговоры о простуде —
Снег в сентябре!
Снег в сентябре
Мел, торжествуя над листвою,
Глуша собой непониманье,
Как Первое Напоминанье.
Мы зиму прожили с тобой
В течение этого маршрута
Всю от начала до конца.
Мелькали призраки уюта,
Попытки воду пить с лица.
В последних числах сентября
(Мне не забыть, пожалуй, до веку)
Валился лист у фонаря
Подобно карточному домику.

Зима кончалась у стены
Окраинных дубов и сосен,
И не было за ней весны,
А снова — наступала осень.

1966

* * *

Опять с непогашенным светом
Короткие ночи делю...
Не надо. Не думай об этом.
Я больше тебя не люблю.

Я вижу из этого мира,
Где нет ни тебя, ни меня,
Как где-то мертвеет квартира,
Беззвучная в топоте дня.

Там пыль оседает на книги
И плавает нежная моль.
Я так не люблю эти миги,
Их теплую, легкую боль.

Я вижу из третьего дома,
Как в том отзвучавшем дому
Так ветрено и незнакомо
Мы сходимся по одному.

Как будто влюбленные тени,
От нас молчаливо уйдя,
Там ночь коротают в измене,
Друг с друга очей не сводя.

Живут они в облаке света,
Как смерти, боясь темноты,
Два призрака, два силуэта.
Но это не я и не ты.

Я знаю: и то наважденье
Сойдет, как по инею след.
И все ж я не сплю до мгновенья,
Когда они выключат свет.

1966

ВЕНОК

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поет за него.

Как он ликует божественно
Там, где у розовых верб
Тень твоя, милая женщина,
Нежно идет на ущерб.

Истина не наказуема.
Ты указала между.
Я ни о чем не скажу ему,
Я ни о чем не скажу.

Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.

1966

* * *

Мне нравятся поэтессы,
Их пристальные стихи,
Их сложные интересы,
Загадочные грехи.

Как бледностью щеки пишут
У всех на иной манер
И как о мужчинах пишут
По-рыцарски. Не в пример.

Их доблесть — не быть обузой
Ни в цехе, ни в мастерстве
И жить, пребывая с музой
В мешающем им родстве.

Я рад, что в наш век тревожный,
Где с пылом враждует пыл,
Их дружбою осторожной
Порою отмечен был.

1966

УЛИЦА

Мне издали ты кажешься иной.
Стоит зима, степенная покуда.
Стоят сугробы маленькой стеной,
Как будто это детская причуда.
Но это нет.
Вал это крепостной.

Я думаю, что в возрасте моем,
Когда слова приобретают цену,
Поскольку трижды были об одном
И отрицались, мне нельзя на сцену.
Я лучше погуляю перед сном.

Я лучше просто так тебе скажу:
Маршрутами своими, что по краю
Твоей реки, по берегу, хожу
И ничего уже не повторяю.

Твоей реки застывших лет и дней.
Ты на коньках катаешься по ней.

Мне издали все кажется иным.
Я расскажу, пожалуй, что случилось,
Когда ты на день, на два отлучилась...
Нет, нет, не то...
По улицам твоим

Я так ходил, что вьюга закружилась
И понеслась, как прежде, по кривым,
По осторожным улочкам Арбата.

И дом на дом пошел, как брат на брата.
И время вспять — к твоим следам чужим.

Об этом мне неловко говорить.
Я о любви предпочитал не спорить.
Я разучился так внимать и вторить.
Мне было б страшно что-то повторить.

Но в час, когда меня к стене прибили
Десятилетней давности снега,
Что мне совсем недружественны были,
Но и во мне не видели врага,

Я наблюдал, смиряясь, с тем, что счастье,
Наверно, есть и стоит падать ниц
И подниматься.

Знал: на белом настe
Дрожали тени от твоих ресниц.
И взлеты ламп условленного знака,
Что посылала словно ты сама.
И взмахи целомудренного мрака.
Вся неприкосновенная зима...

Вот что со мной случилось возле дома,
Где ты высокой девочкой жила,
Когда еще была мне незнакома,
Но слава Богу, что уже была.
И возносила ночь хоромы, громы,
Как церкви все и все колокола.

Тот миг, когда —
Весь в белых детских звездах —

След возникал твой, тесный и чужой,
Я наблюдал, как школьник-переросток,
И, не желая и боясь, — домой.

А ты спала...

И все тонуло в верстах
Земли, пурги, жилой и нежилой.

Давай снежок из прошлого слеплю.
Метни его вон к той оконной раме...
Я говорю, что я тебя люблю,
Немыми, одичалыми словами.
И недоверье, кажется, стерплю.

За эти годы стал я некрасивый.
Я так лицо однажды в руки вмял,
Что линии ладоней странной силой
Щекам, вискам навечно передал.
Теперь — гожусь ли, близок ли к концу,
Гадай, коль хочешь, прямо по лицу.

А ты красива.

И во всем права.

Живой узкоколейкою метели
Бегут, бегут, бегут мои слова,
И я уж не раздумываю: те ли.

Но что-то их велит тебе сказать,
Пока шнурок ты хочешь завязать
Здесь, у реки твоих застывших дней.
Ты на коньках катаешься по ней.

Мне издали ты кажешься иной.
Стоят сугробы маленькой стеной.
А фонари так пышно разодеты
У булочной и у твоих дверей.

Мне хорошо.
Уже давно поэты
Не говорят о булках фонарей.

А, боже мой, какие были зимы!
Я даже летом зябну иногда,
Припомнив холод невообразимый
И эти рельсы, эти поезда.
Как замерзали где-нибудь в хвосте мы,
Когда на нас взирали свысока
Из-за решетки карточной системы
Сырых буханок сытные бока...

Какие зимы были!
Без отцов,
Без матерей.
Прошли в конце концов,
Что унесли, то не вернут обратно.
Но что это, куда же я с Арбата
Свернул — бежит беспечная метель,
А я за ней, как за тобой.
Как тень...
Мне издали все кажется иным.
А этой ночью вот как было дело.
Как из совка, из фонаря летела
Крупа,
Скользя по коркам ледяным.
Я впал тогда в ничтожество теней,
В ничтожество скрипучих черных веток.

И вы прошли, оставив столько меток
На черно-белой памяти моей.
Играли хлопья с ночью в домино.
Два-два. Один-один.

И пусто-пусто...

Мне не забыть пленительного хруста,
Когда вы шли ко мне давным-давно.

На поприще твоих чужих домов
Нетрудно стать холодным тротуаром.
Недаром я любил тебя.

Недаром

Валился снег из высших закровов
И заносил меня в такую даль.
Я вас глазами льдистых лип увидел.

Залюбовался.

И в метельный выдел

Моя метнулась легкая печаль.

Вы шли, так стройно за руки держась.

Над вами купол ввысь белел, кружась.

Вы разошлись.

Но вы сойдетесь снова.

Исчезли вы, а я еще лежал.

Вернулись вы, а я, как снег, бежал.

Я не давал, мне не давали слова.

Потом я шел по улице пустой,

Отряхивая снег десятилетний.

Он плохо таял, был он беззаветней

Себялюбивой памяти людской.

Давай снежок из прошлого слеплю.

Метни его вон к той оконной раме.

Я рассказал скользящими словами...

Иди катайся.

Я не тороплю.

Когда-то я задумался:

О чем

Умалчивают ангелы?
О чем
Умалчивают, заслонясь плечом,
Как бы стыдясь нескромного вопроса?
Я о тебе все выведал без спроса,
Нечаянной метелью увлечен.

Я улицу твою застал тогда,
Когда она тебя припоминала,
Тебя, когда легко ты принимала
Тот самый снег, в те давние года.

Снег этот, полный сдержанного пыла,
Запечатлевший набело черты
Домов, надежд, деревьев, —
Это было
Все то, о чем умалчивала ты.

Снег тянет вверх.
Лови его, кружись.
Лови, лови снежинку строчкой точной.

.....

Ну не смешно ль:
Обманывает жизнь,
А остается столь же непорочной.

1966

* * *

Безвестность — это не бесславье.
Безвестен лютик полевой,
Всем золотеющий во здравье,
А иногда за упокой.

Безвестно множество селений
Для ослепительных столиц.
Безвестны кустики сиреней
У непрославленных криниц.

Безвестен врач, в размыве стужи
Идущий за полночь по льду...
А вот бесславье — это хуже.
Оно как слава.
На виду.

1966

* * *

Время тянется, катится, мчится.
Штемпелюет.
И ставит печать...
Надо письма читать научиться,
Научиться на них отвечать.

Не пора ли!
Затеряна в росах,
В бездорожьях печаль затая,
Я ведь знаю, в каких ты вопросах
Бьешься там, незадача моя.

И рука моя сызнава метит
За тетрадью другую тетрадь.
Кто напишет тебе, кто ответит,
Если я перестану писать!

1966

* * *

Поймай меня на том,
На чем нас ловят,
На пустяке,
Неосторожном слове.
Прошу, попробуй вымани секрет.
Я всех болтливее и бессловесней.
И запиши.
И это будет песней,
Которую ищу я с детских лет.

1967

* * *

Попробуй вытянуться,
Стать повыше.
Слезами, дождиком
Стучать по крыше.
Руками, ветками,
Виском, сиренью
Касаться здания
С поблекшей тенью.

Попробуй вырасти
Такой большою,
Чтоб эти улицы
Обнять душою,
Чтоб эти площади
И эти рынки
От малой вымокли
Твоей слезинки.

Упав локтями
На холмы окраин,
Будь над путями,
Над любым трамваем,
Над тополями,
Что боятся вдоха.

И не касайся их,
Не делай плохо.

Потом подумай
О такой причуде:
Все слезы выплавав,
Вернуться в люди.
По горькой сырости,
Босой душою.
Попробуй вырасти
Такой большою —
И в том

оплаканном

Тобою мире
Жить в той же комнате
И в той квартире.

1967

НОВОАРБАТСКАЯ БАЛЛАДА

Гляжу все чаще я
Средь шума будничного
На уходящее
С чертами будущего.

Мне жалко поезда,
Вспять откатившегося,
Дымка и посвиста
Невоплотившегося.

Ташкентской пылью
Вполне реальной
Арбат накрыло
Мемориальный.
Здесь жили-были,
Вершили подвиги,
Швырнули бомбу
Царизму под ноги.
Смыт перекресток
С домами этими
Взрывной волною
Через полстолетия.
Находят кольца.
А было — здание.

Твои оконца
И опоздания.

Но вот! У зданий
Арбата нового,
Вблизи блистаний
Кольца Садового,
Пройдя сквозь сырость
Древесной оголи,
Остановилась
Карета Гоголя.
Он спрыгнул, пряча
Себя в крылатку,
На ту — Собачью —
Прошел площадку.

Кто сел в карету?
Кто автодверцей
В минуту эту
Ударил с сердцем?
Кто, дав спасибо,
А не мерси,
Расстался с нею —
Уже в такси!

Ведь вот, послушай,
Какое дело.
Волной воздушной
И стих задело.
Где зона слома
И зона сноса,
Застряло слово
Полувопроса.
Полумашина,

Полукарета
Умчала отзвук
Полуответа...

Прощай, любимая!
В твоём обличье
Неуловимое
Есть что-то птичье,
Все улетающее,
Все ускользающее,
Одна слеза еще,
В улыбке тающая.
И все. С обломками
Я за чертою,
С мечтой, с обмолвками,
Со всей тщетою.
Прощай, летящая,
Прическу путающая.
Все уходящее
Уходит в будущее.

1967

* * *

Нет сил никаких улыбаться,
Как раньше, с тобой говорить,
На доброе слово сдаваться,
Недоброе слово хулить.

Я все тебе отдал.

И тело,
И душу — до крайнего дня.
Послушай, куда же ты дела,
Куда же ты дела меня?

На узкие листья рябины,
Шумя, налетает закат,
И тучи на нас, как руины
Воздушного замка, летят.

1967

РЕЧНОЙ ВОКЗАЛ

Заиндедеввшие снасти,
Синь, затаившая дух.
Как привалившее счастье
Эти сугробы и пух.

Это ведь было до снега,
Возле воды и весла.
Льстивая тайна побега
Славою нас обошла.

Помню осенние воды,
Сеть расписаний сухих.
Вмерзли твои пароходы
В лед опозданий моих.

На берегу, как в затоне,
Остановились года.
Лишь дуновенье погони
Шло по воде иногда...

Нет ни бесславья, ни славы
В том, что, темнея на цвет,
Чьи-то заставы и травы
Нам уносились вослед.

Здесь задыхались от бега
И не прощались они...
Все это было до снега,
Перебелившего дни.

Заиндевелившие снасти,
Даль, затаившая дух,
Как привалившее счастье
Эти сугробы и пух.

1967

ЧУЖАЯ КНИГА

После дней обаянья,
После белых ночей
С этой книгой свиданья
Все нежней и горчей.

Это очень похоже
На ближайший отлет.
Гул винта, как по коже,
По обложке идет.
Средь вокзального быта,
Вся — поющая, вся
На скамейке забыта,
Остающаяся.

Не средь шумного бала,
А под вопли грачей
Ты меня испугала
Страхом юных ночей.
Невозможностью слиться,
Невозможностью взять,
И отдать, и открыться,
То есть все рассказать.

Невозможность я в и т ь с я
И в любом пустяке

Невзначай воплотиться,
Как дано пустельге.

На скамейке, подмокшей
От весеннего льда,
Голос, не превозмогший
Красоты и стыда.
Это даже не слово,
Что в сердцах говорим...
Дивный слепок с чужого,
Населенный своим.

1967

ВЕСНА НА АРБАТЕ

Снег и ржавчина...
Разве так можно!
Рыжею прошвою ваш особняк
Подчеркнула весна,
Осторожно,
Первой строчкой.
А в доме сквозняк.

Дом снаружи красив и опрятен.
Но тазам на его чердаке
Все трудней
Географию пятен
Сохранить
На лепном потолке.

Все течет...
Полушарье размыло
У амура над левым плечом.
В перекройку
Наружного мира
Дом и этим уже вовлечен.

Ты выходишь,
Сжимая перчатки,
Кто-то новый уже

Тут как тут.
Говорит,
На Собачьей площадке
Должен быть
Через десять минут.

Вот записка.
Она непреложна.
Ах, доверчивый провинциал?
Кто-то шутит.
Но разве так можно!
Вместо подписи —
Инициал.

Ты идешь.
И какое-то время,
Как влюбленный,
И он за тобой.
«Это там!..»
За заборами теми
Вздых кувалды.
А день голубой!

Он берется
В каркасы литые.
Пыль вонзается
В тающий снег.
В этом доме как сны золотые...
В этом доме...
Он был или нет?

Я ищу тебя.
Влажны и гулки,
Оглушают меня
Вечера.

Просто выбыли
Те переулки,
Те названия
И номера.

Сколько писем
Любви и привета
В это лето
Вернется
Назад!
Адрес выбыл.
Но ждите ответа.
Если жив на земле
Адресат!

1967

* * *

Эта память
Как странное зимнее озеро,
Что зима вплоть до лунок
Совсем заморозила.
И стоишь перед ним.
И боишься весны:
Вдруг оттают
И тайны, и весла, сны.

Это было давно,
В декабре, в феврале.
Все оттает
На новой зеленой земле.
Но опять оживут —
Что нам делать тогда? —
Неприязни,
Замерзшие в те холода.

Эта память
Как странное рыхлое озеро,
Что зима вплоть до лодок
Совсем заморозила.
Продолжался бы март.
Не спешил бы апрель.

Начинается
Первая наша капель.

* * *

И самый юный в мире дождь
Исчез за первым поворотом.
И показалось: ты идешь
По тротуарам, как по нотам.

И я впервые ждал: тобой,
Тебе навеки посвященный.
Как переулочек голубой,
Не камнем — лунами мощный.

Был в лужах весь окрестный свет,
А их оставил дождик краткий,
Как перевернутый ответ
Под легкой детской загадкой.

Ведь воробьиной тишины
Мерцала первая отрада.
Ведь больше не было войны
И было в мире столько лада.

И снова голубь ускользал
От голубей в иные сети.
И я тогда еще не знал,
Что нет единственной на свете.

1967

* * *

На влажные планки ограды
Упав,
 золотые шары
Снопом намокают,
 не рады
Началу осенней поры.

– Ты любишь ли эту погоду,
Когда моросит, моросит...
И желтое око на воду
Фонарь из-за веток косит?

...Люблю. Что, как в юности, бредим,
Что дождиком пахнет пальто.
Люблю.

 Но уедем, уедем
Туда, где не знает никто...

И долго еще у забора,
Где каплют секунды в ушат,
Обрывки того разговора,
Как листья, шуршат и шуршат.

1967

* * *

Однажды проснется она
Со мной совершенно одна.

Рукой пустоту она тронет,
Разбудит ее и прогонит.

И на два запрется замка
От призрака и двойника.

Так что ж это все-таки было,
Какая нас сила сводила?!

Я выйду.

Пойму: не вернусь.

И все ж, уходя, оглянусь.

1967

* * *

Дышала беглым холодом вода.
Осенний ветер горек был на вкус.
Неву оставив,
Мы сошли тогда
У самой Академии искусств.

В тени молчали пары,
Млели мхи.
Ветвистый сумрак сверху нависал.
И я тебе рассказывал стихи,
Которых я потом не написал.

1967

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

После первых ночей,
Отшумевших лесами,
После белых подушек
И черных ручьев
У сугробов опять
Синяки под глазами,
Синева под глазами
У всех облаков.

Как в гостиницах
Шишкинские канители,
Этих сосен и елей
Развес и наклон,
Так сегодня – Саврасов,
«Грачи прилетели»
Наштампован в апреле
И в жизнь проведен.

Он бросает готовое,
Птиц не осилив.
Ветки долго пустуют
Под небом нагим.
Но приходит на помощь
Художник Васильев

И рисует грачей
Одного за другим.

То слетаются, то
Разлетаются тучей,
Обживая вне рамы
И в раме жилье.
И бросается гвалт,
Этот гомон летучий,
То ль в окно мастерской,
То ль из окон ее.

Белый храм, над которым
Грачиная давка,
То к глазам подплывет,
То, как по ветру, — вспять.
Так что надпись на нем
«Керосинная лавка»
То является, то
Исчезает опять.

Тают черные сучья
И синие вены.
Но, творец, а художники?
Где же они?
Беспорядок, беспамятство...
Благословенны
Эти первые ночи
И первые дни!

1967

РОДНЫЕ СТЕНЫ

Эти окна подернуты инеем,
Эти стекла запаяны льдом.
Только свечкой да собственным именем
Оживил я заброшенный дом.

И сижу.

Пригорюнилась рядышком

Тень,

во тьме потерявшая спесь.

Одиноко жила моя бабушка,
Александра Ивановна, здесь.

Все сыновние жизни,

дочерние

Озаряла ее доброта.

Час,

как областью стала губерния,

Пропустила,

была занята.

В наших судьбах являясь провидицей,

Малограмотна бабка была.

И нехватку обоев в провинции

Возмещала

чем только могла.

Клей ведерными лился замесами,

Одевали стену за стеной

И газеты с большими процессами,
И плакаты любой стороной.

Назубок и парады и бедствия
Знал по стенам бревенчатым я,
Педагогов пугала впоследствии
Образованность эта моя.

Там, где окна мне кажутся льдинками,
Помню,

 возле кровати моей
Две огромных бумаги с картинками,
Льва Толстого большой юбилей.

Помню выезды Анны и Вронского.
Помню Левина,

 Кити,
 каток,
И собаку парения броского,
Узколицу,
 длинную.

Дог?

Печь, как бабка,
 поет в полутемени.

Помогают мне с легкой руки
Сообщения нового времени
И попутные черновики.

О малине,
 о черной смородине,
О годах,
 уносящихся прочь...

Помогают и стены на родине,
Отчего же им нам не помочь!

* * *

Пластинка должна быть хрипящей,
Заигранной...

Должен быть сад,
В акациях так шелестящий,
Как лет восемнадцать назад.

Должны быть большие сирени —
Султаны, туманы, дымки.
Со станции из-за деревьев
Должны доноситься гудки.

И чья-то настольная книга
Должна трепетать на земле,
Как будто в предчувствии мига,
Что все это канет во мгле.

1967

* * *

В дни, когда рано темнеет,
Сразу становится поздно.
Но тем не менее веет
Ранью.
Туманно и звездно.
Шел я.
Менялась погода.
Жил, не считая мгновений.
Ждал я тебя, как прихода
Лучшего из вдохновений.
Вот и возникла, как завязь,
Ты — из любви и участия.
Вот и запел я, склоняясь
И улыбаясь от счастья.
Дерево к ночи синеет.
Листья качаются грозно.
В дни, когда рано темнеет,
Сразу становится поздно.

1968

РАЗЛАД

Сразу несколько стихотворений
Я пишу, ни одно не выходит.
Сразу несколько книжек читаю,
Ни одна далеко не уводит.

На бумаге нелепо смешались
Времена миновавшего года.
В дом, где окна распахнуты в зелень,
Снег является с черного хода.

Начинается бестолочь, глупость...
Затевая интимную свару,
Третий лишний огромным мольбертом
Заслоняет влюбленную пару

И рисует себя, горемыка,
А выходит соперник счастливый.
С этим каверзным автопортретом
Он уходит, такой сиротливый.

Он идет в голубом пересвисте,
И хотя все цветы процветают,
Над душой его желтые листья
Совершенно спокойно витают.

Мне ужасен подобный художник,
Потому что хорошего мало:
Все-то краски смешал, перепутал,
Потерял и концы и начала.

Сразу несколько пишет портретов,
Ни один у него не выходит.
Сразу несколько книжек читает,
Ни одна ни к чему не приводит.

1968

* * *

Белые гнезда снега
Тают под переклик
Птиц, осадивших небо
Пристанционных лип.

Насыпью там, где тает
Наст под березняком,
С грохотом пролетает
Ветер порожняком.

Там, перед ним, — перроны,
Встречные города,
Встречные перегоны,
Встречные поезда.

Солнце по всем Россиям
Фабрик и деревень.
И облака на синем
Белые, как сирень.

1968

* * *

Черные ветки России
В белом, как небо, снегу.
Эти тропинки глухие
Я позабыть не смогу.

С веток в лесу безымянном
Падает маленький снег.
Там, в отдаленье туманном,
Тихо прошел человек.

Между сугробами дровни
Прошелестели едва.
Белая ель, как часовня,
Ждет своего Рождества.

Белые ветки России
В синем, как небо, снегу.
Эти проселки седые
Я позабыть не смогу...

Острое выставив ушко,
Белка, мала и бела,
Как часовая кукушка,
Выглянула из дупла.

ЭТЮД I

Я ощущал прямую связь
Меж тонким голосом ребенка
И уходившей прямо в ясь
Звездой, светившей тонко-тонко,

И одинаковость огня
Моей под ветром зыбкой лампы
С тем, за шесть станций от меня,
Туманом театральной рампы.

Я был артистом.

Я слагал
Себя из тысячи явлений
И без раздумья полагал,
Что только мир и бог, и гений.

Что два плюс два совсем не пять.
Я растворялся в этом мире,
Чтоб сотворить его опять
Свежо, как дважды два четыре .

Чтобы итогом и концом
Моих самозабвенных бдений
Он с тем же собственным лицом
Восстал из всех несовпадений.

Я был артистом.

В этот миг

Я строил мир, как он велит мне,
Чтоб с ним зажить в таком же ритме,
В каком живет он, милый мир.

С развалинами чувств моих
Восстановленьем расквитаться,
Стать человеком.

И остаться

Им до скончанья дней своих.

Я слишком яростно тужил,
Чтоб утешаться чашкой чая...
А мир, как прежде, жил да жил,
Моих страстей не замечая.

Он пел, работал, ел и спал.
Но в том-то все и было дело:
Как надо мир существовал.
Земля как следует гудела.

Я, как младенец, наяву
Всплывал из пламенного мрака,
Я жил.

Я отыскал траву,
Как заболевшая собака.

Ты снова шла ко мне лицом,
А стих, дыша росой и мятой,
Бросался в руки и во всем
Послушен был, как виноватый.

1955, 1968

ЭТЮД II

...А если ты искал дорогу,
Выискивал в ухабах путь
И подвернул в тумане ногу
Так, что без друга не шагнуть?

И спутники, ну, скажем, двое,
Товарищи твои, уйдут
Одни и даже взгляд с собою,
Твой взгляд последний не возьмут.

И унесут не только слитки
Открытий на ученый суд.
Виденье солнечной калитки,
Любимый голос унесут?

Скорей, скорей вздохнуть в тени,
В кусты глаза и плечи пряча.
Как будто это не они,
А ты сильнее, ты, лежачий...

Днем прелых веток тяжкий дух
До головокруженья.

Ночью ж

Не иней – снег.

Не сделать двух

Шагов.

Да ты уж и не хочешь

Стоять, идти;

лишь бы ползком,
Рывком, лишь бы водички ржавой
Испить под тем гнилым пеньком,
К воде припав щекой шершавой.

Лишь бы трухлявый ствол какой
Не лег бы поперек дороги.
Когда, как горные отроги,
Вершины пихт над головой.

Когда и звать на помощь лишне.
Ползком, рывком, почти без ног,
Лишь сердце собственное слыша,
Ты думаешь, ты одинок?

Тогда зови на помощь силы,
Последние, что есть в крови,
Зови на помощь облик милой,
Порог родительский зови.

Все, что не сделано тобою,
Все, что огромной целиной
Лежит вдали.

Все, что весною
Не поднято.
Былой весной.

И все, что будущим апрелем
Замахивался — молодым —
Поднять, охвачен дела хмелем,
Апрелем, будущим, твоим.

.....

И человек сквозь хлябь и тьму
Придет и не найти не сможет.

И ухо чуткое приложит
С надеждой к сердцу твоему.

Ты думаешь, что те — ну, двое,
Ну сколько, бедных, было их —
И вправду унесли с собою
Все, что дано на всех живых?

1955, 1968

* * *

Была зима белым-бела.
Мы часто окна отпирали.
На раме бабочка жила,
И птицы в комнате летали.

Потом мы выпустили птиц.
Куда-то бабочка пропала.
И так растаял лед ресниц,
Как будто их и не бывало.

Зачем же мне все шепчет стих
О том, как ты в мерцанье чистом
На лыжах с хлопаньем и свистом
Летишь по склону дней моих?

1968

* * *

...Птица малая лесная.

А. Пушкин

Все чернила вышли, вся бумага,
Все карандаши.

На краю бузинного оврага
Стой и не дыши.
Сквозь туман просвечивает зелень,
Клейкая пока.
Где-то здесь, среди ее расселин,
Он наверняка.

Вот! Ни с чем, конечно, не сравнимый
Сколок с пенья льдин.
Первый, пробный, но неоспоримый.
Вот еще один.
Вот опять!
Раскатисто и тесно.
Тишь...

В листьях куста
Происходит перемена места —
Веточка не та.

И куда тишь не раскололась
Льдиною на льду,
Есть во всем
Извечный жаркий голос:
«Что же ты, я жду».

Замиранье целого оврага,
Листьев и души.
Все чернила вышли, вся бумага,
Все карандаши.

1968

Всем чудакам

копили

в назидание

Одну лишь сажу, копать да уродства.

Ведь вот сбегает по ступенькам девочка,

Вся в голубом и белом,

чтобы, чтобы

Пощекотать сырой весенней веточкой

Ушко большого старого сугроба...

1968

* * *

Листья прыгают, как лягушата,
Через стежку туда и сюда.
Только миг!

Через край из ушата
Дождевая польется вода.

Только ветер еще, а не туча.
Только облако в пятнах сырых.
Но малинник уже взбаламучен,
А ведь был удивительно тих.

Может быть, с этим ливнем осенним
Что-то с сердца и схлынет у нас.
Я могу с небывалым уменьем
Рассказать все, что будет сейчас...

Прекращаются вздохи и всхлипы,
И спокойно несет водосток
Опрометчиво сорванный с липы,
Словно яблоко круглый, листок.

Но, бумажному влажному змею
Улыбаясь, как дети лучу,
Я опять ничего не умею
И уметь ничего не хочу.

* * *

Шумящие глухо деревья.
Качанье ветвей и стволов.
Зачем ты нужна мне, ночная
Тропинка в тенях облаков?

Я знаю, как зелены кроны
И как сиротливы стволы.
Для них и седой, и влюбленный
Превыше любой похвалы.

Когда я иду от любимой,
Я счастлив, как брошенный дом.
Шумящие глухо деревья
Одни только знают о том.

Шумящие глухо деревья.
Качанье ветвей и стволов.
Шумящие глухо деревья.
Тропинка в тенях облаков.

1968

ПЕРЕМНЫ

Завидовать нечему.
Осень
Подкинула несколько дней
К началу весны.
С безголосьем
Лесов и безличьем теней.

Снег выдал, как только растаял,
И лес, и листы на земле
В том виде, в каком их оставил
Октябрь, уступая зиме.

Огромные желтые кочки.
В сухой паутине паук.
И ласточки, поодиночке
На небе возникшие вдруг.

Слетались они и сплетались
(Потом появлялись стрижи),
Их на небе обозначались
Невидимые чертежи.

Завидовать нечему.
Осень
Подкинула несколько дней
К началу весны.

С безголосьем
Лесов и безличьем теней.

Я помню,
Что желтой землею
Как будто бы нам по пути, —
Я с девушкой шел неземною,
Велевшей, куда мне идти.

Меня не томило тиранство.
Я думал, что это любовь.
И мучит меня постоянство,
Хоть все не появится вновь.

Мне дорого то, что весной
Меня посетили они
(Как будущее за спиною),
Осенние дальние дни.

И странная девушка эта,
И листья в сырой тишине,
На дереве мертвого цвета
Возникшие как бы извне.

1968

ДЕВЯТОЕ МАЯ

В. Кожинovu

У сигареты сиреневый пепел.
С другом я пил, а как будто и не пил.
Как хорошо на зеленой земле —
Небо в окне, цветы на столе.

У сигареты сиреневый пепел.
С братом я пил, а как будто и не пил.
Пил я девятого мая с Вадимом
Неосторожным и необходимым.

Дима сказал: «Почитай-ка мне стансы.
А я спою золотые романсы,
Ведь отстояли Россию и мы,
Наши заботы и наши умы».

У сигареты сиреневый пепел.
С другом я пил, а как будто и не пил.
...Как вырывались сирени из рук
У матерей, дочерей и подруг...

Мы вспоминали черты и детали.
Мы Боратынского долго читали
И поминали почти между строчек
Скромную песенку «Синий платочек».

У сигареты сиреневый пепел.
Жалко, что третий в тот день с нами не пил.
Он под Варшавой остался лежать.
С ним мы и выпили за благодать.

<Конец 60-х>

* * *

Боже, как ей все это знакомо!
И внезапные вспышки,
и бред
Полуночных побегов из дома
На одну из соседних планет.

И внезапные, как наущенья,
Возвращения с кипой стихов,
Чтение вслух и момент отпущенья
Тех коварных, как детство, грехов.

Боже, как ей все это известно,
Как от буквы до буквы ясны
Те стихи, где черты ее лестно
Карандашиком обведены...

1968

* * *

Нужно плотно прижаться
Лицом к стеклу,
От вагонного света
Рукой отстраниться,
Чтоб увидеть, как в ночь,
Не успев появиться,
Исчезает вокзал
С фонарем на углу.

Нужно плотно прижаться
Лицом к стеклу,
Чтоб увидеть в окне
Не понурые спины
Задремавших людей,
Не узлы, не корзины,
А дома и деревья,
Кустарник и мглу.

Нужно плотно прижаться
К стеклу лицом,
Сжав дыханье в груди,
Чтоб глазам не мешало,
Чтоб волнение твое
На стекло не дышало,
Чтоб увидеть в окне
То, что есть за окном.

* * *

Я снова юность повторяю,
Уроки давние твержу.
Приобретенное теряю,
Потерянное нахожу.

Теряю старости начатки,
Пустой иронии смешки.
Теряю теплые перчатки
И костяные мундштуки.

И шапка, видимо, по Сеньке.
Со лба откидывая прядь,
Теряю сон,
Теряю деньги,
Хоть их не стоило б терять.

Пропажи эти не зловещи.
Мой день каникулам под стать.
А нахожу...
О, эти вещи!
Их не купить и не достать.

1969

* * *

Я славы не искал.

Зачем огласка?

Зачем толпа вокруг одной любви?

Вас назовут, в лицо метнется краска,

Сбежит со щек, и где она — лови.

Он целый мир, казалось, приобрел,

Но потерял товарищей немногих,

Зато нашел ценителей нестрогих,

Их ослеплял незримый ореол.

Когда проходит,

глаз с него не сводят,

Его же взгляд для них под стать лучу.

Но просто так, как раньше, не подходят,

Ну хоть бы кто-то хлопнул по плечу.

Уйти бы в лес, оставив пустыки.

Собрать минут рассыпанные звенья

И написать прекрасные стихи

О славе,

столь похожей на забвенье.

* * *

Все время чувствую вину.
Одну.
Потом еще одну.

Когда судьба и не судьба.
Когда не рано и не поздно.
Вину тирана и раба.
Вину больных и вши тифозной.

Все время чувствую вину.
Как будто я разжег войну,
А не она меня палила.
Все время чувствую вину.
Бессилье это или сила,
Когда и малую твою
Я ощущаю
как свою.

1969

НОЯБРЬ

В мое отсутствие...
В мое отсутствие деревья
Так обеднели, похудели.
Они так много потеряли
В мое отсутствие.

В мое отсутствие сломали
Дом двухэтажный деревянный.
И всех жильцов переселили
В мое отсутствие.

В мое отсутствие возникли
Чужие сны, чужие вздохи.
Был кто-то выпущен и впущен
В мое отсутствие.

Тот здесь ходил и отражался,
Тот говорил и улыбался,
Тот делал то, что я, не больше,
В мое отсутствие.

В мое отсутствие деревья
Так обеднели, исхудали.
Они так много потеряли
В мое отсутствие.

Мне не вернуть им этих листьев,
Как не вернуть былого дома.
И впредь да будет незаметным
Мое отсутствие.

1969

* * *

«Как страшно с тобой расставаться...»
Какие простые слова.
Зачем журавлю оставаться,
Когда улетает листва?

И, руки подняв от испуга,
Что неба опять не боюсь,
Кричу я: «Подруга, подруга» —
На всю поднебесную Русь.

Прощай.

Я в любви не прощаю.
Прощай, поминай обо мне.
Я помнить тебя обещаю,
Как в юности, как на войне.

1969

* * *

Открытая внешняя рама
В большом полукруглом окне,
Как ставня скрипела — упрямо.
Незлобно, в любой тишине.

Тогда-то под ветер насадный
Простою казалось избой
Пустое подобье мансарды,
Где мы пребывали с тобой.

А что еще было?

Деревья

Скрипели, как двери, в лесу.
На них, как гусиные перья,
Качался снежок на весу.

Деревья, овраги, сугробы,
Потемок серебряный дым
Сходились и таяли,

чтобы

Не так было скучно двоим.

1969

* * *

Мой учитель был берегом, улицей, домом
За сетями дождей, меж мостами двумя,
Парой книг на столе у меня, под альбомом,
Где шумела под корками юность моя.
Тени хлопьев летели скорее, чем хлопья,
Ветер славы чужой холодил до костей.
Я шепнул его строки, но встретили в копья
Мои слабые строки желанных гостей.
Мой учитель был домом январских карнизов,
Жутким вздохом открывшейся враз полыньи.
Я шепнул его строки, но гневно, как вызов,
Встали вдруг побледневшие строки мои.
Я его ненавидел за то, что предвидел
Он все то, что случится с ребячьей душой.
Но меня он ничем и никак не обидел,
Просто за руку взял и повел, как большой.
Я уже никогда не забуду об этом.
За сетями погод, за мостами двумя
Ученическим синим морозным рассветом
Был учитель мой старый белее луны.
Был он первою каплей весеннего пенья,
Был последнею каплей терпенья стиха,
Вырывавшего руку из повиновенья
И не знавшего больше, чем кража, греха.

Я шепнул его строки, стараясь потише,
Но шепнули мои: ничего, ты шепчи!
Поднимись и птенца, соскользнувшего с крыши,
Подними, он живой, это наши грачи!
Это наши деревья, и почки, и споры.
И подрос, и под небо птенец мой ушел...
На столбах напевали птенцы и монтеры,
На окраине вновь зацветал частокол.
Из окна паровоза махнула мне кепка.
Я не сразу узнал эти роскиды верст.
Мой учитель был краном, что взял меня крепко
И, смеясь, на крюке от себя перенес.

1969

Не отделаешься от славы,
Даже если томит дорога.
Говорят, ты играешь слабо —
Отсебятины слишком много.

Это к лучшему. Так! И выше.
Облака как немая карта.
Вьются клочья большой афиши,
Как последние хлопья марта.

1969

ПЕЙЗАЖ С ДОРОГОЙ

Интеллигентной милой недотрогой
Сидела б дома возле мамы строгой,
Задумав свой лесной пейзаж с дорогой.

Он целый год туманился во мне.
И в тишине. И в шуме. И во сне.
Я рассказал — мы тут как тут.
С треногой.

Знай черный ворон каркает в лесу.
Не «никогда», а «навсегда» вопит он.
Поскольку плохо, видимо, воспитан.
Сосну заденет, мглой веков пропитан, —
Сосна роняет иглы и росу.

Огромный бор.
Он нынче свеж и темен.
Поскольку ливень тоже был огромен,
Как ворон древен и как голубь чист.
А ты, мое любимое создание,
Уже бежишь, не приходя в сознание,
Когда к тебе осина тянет лист.

Стой, у рябины — ягоды в горсти.
Возьми.

Знакомых дома угости.
Черт надоумил взять тебя с собой.
Да. Я влюблен в свою же ученицу.
И даже — хоть сейчас готов жениться...
Какой, однако, все же разнбой.

Столбы лучей сияют меж стволами.
Взлетает ворон, каркая над нами
Уже по-иностранному почти.
На «невермор» от злости переходит.
От черных крыл вершины так и ходят.
А ты дрожишь.
Тебя волнение сводит.
Я понимаю, бог тебя прости.

Ты говоришь: а где ж пейзаж с дорогой?
Вот это все и есть пейзаж с дорогой.
А впрочем, там, за выселкой убогой,
Есть электричка...
Клумбы. И пути.

Я повторяю: вот пейзаж с дорогой.
Гуляй.
Но красок масляных не трогай.
Ширяет черный ворон над треногой
В художническом пристальном лесу.

Он чует запах, душами пропитан.
Не «никогда», а «навсегда» вопит он.
Качнет сосной, поскольку так воспитан, —
Сосна уронит иглы и росу.

Еще ты будешь счастлива, я знаю.
Смотри, как тянет просека лесная.
Ее считать дорогою не след.

Вернусь сюда один,
На склон пологий.
Под шум вершин.
Я не собьюсь с дороги.
Я не скажу тебе, что весь секрет
В том, что дороги не было и нет.
Она пройдет сквозь строй стволов в итоге.
Просветом. Птицей...
Мало ли примет?

1969

МОЛЕНИЕ О РАЗЛУКЕ

Пишу, а сам уже не понимаю,
Кого письмом нелепым донимаю,
Кому, зачем, о чем напоминаю?
Вы все смешались у меня в уме.

Еще чуть жив один последний абрис,
Но я забыл его обратный адрес,
Он так расплылся, этот абрис бедный,
Как бледный промельк чей-то в полутьме.

Я уходил — меня вы находили.
Я приходил — вы тотчас уходили.
Так, значит, что ж, разлуки все же были?
Ведь вы навзрыд холсты мои рубили;
Сбегали плача (от любви ко мне?).

Я понимаю, это очень трудно —
Знать, что художник — это неподсудно.
И не ославит, и что есть — оставит.
Ну разве что прославит.

«Но кого?
Ведь на ином московском вернисаже
Себя самой и не узнаешь даже.
А вся толпа опять вокруг него.

Какое «испытанье на разрыв»?
Вы! На разрыв испытывали женщин.
Те, кто увенчан,
И те, кто развенчан.
Как сладок был кратчайший перерыв.

В индустриальном явимся пейзаже.
Со счетоводом полежим на пляже.
Устроимся. Найдем.

Но все же даже...

Какой-то отблеск ваш — зачем он жив?»

Любимая, прости. Я не преминаю.
Но я сейчас пишу одну картину!
Но я забыл: с которой говорю?

Я вспомню всех.
Но я ломаю руки.
Ведь я пишу картину о разлуке.
Я вас любил.
Любя, а не от скуки.
И за разлуки
не благодарю.

Я вспоминаю только встречи, встречи,
Чистейшие, как снег, черты и речи.
Улыбки ваши, слезы, очи, плечи —
И жду свою последнюю зарю.

1969

СЕМИДЕСЯТЫЕ

СОЛОВЕЙ

Птицы свищут в мокрых перехлестах
Ветра и ветвей.
Где-то там, без памяти о гнездах,
Замер соловей.

Сколько в свистах новостей, посылки,
Радостей лучу!
Только голос вдруг, как после ссылок:
«Я домой хочу».

И дрожмя дрожит листва сырая,
Лепестки бренчат.
Это — он! О гнездах забывая,
Певчие молчат.

Но как только, отпылав, отщелкал,
Замер соловей,
Все опять по гнездам, тихомолкам
Дупел и ветвей.

Лишь трава пятнистая, ночная
Встрепенется, чу!
«Я домой хочу, куда — не знаю,
Я домой хочу».

* * *

М. Rogovской

Ты плачешь в зимней темени,
Что годы жизнь уводят.
А мне не жалко времени,
Пускай оно уходит.

Оно так долго мучило
Своим непостоянством,
Что мне с ним жить наскучило,
Как дорожить тиранством.

Я так боялся сызмала
Остаться в жалком прахе!
Я делал все.

Но сызнова
Томился в том же страхе:

Бежит, бежит, не поймано,
Не повергаясь в трепет,
Что мне своей рукой оно
Лицо другое лепит.

Ты плачешь в поздней темени,
Что годы жизнь уводят?
А мне не жалко времени,
Пускай оно уходит.

Есть в нашей повседневности
Одно благое чувство,
Которое из ревности
Дарует нам искусство, —

Не поддаваться времени,
Его собою полнить
И даже в поздней темени
О том, что будет, помнить.

Не надо плакать, милая,
Ты наших поколений.
Стань домом, словом, силою
Больших преодолений.

Тогда и в зимней темени
Ты скажешь и под старость:
А мне не жалко времени,
Уйдет, а я останусь!

1970

БОЛЕЗНЬ

Третий класс. Температура.
Значит, в школу не идти.
Апельсин. Лимон. Микстура.
Сладковатая почти.

Полежим тихонько дома.
Порисуем для себя,
Почитаем «Детство Темы»,
Книжки умные любя.

Ишь как холодно снаружи,
Как там свищет и метет.
Как тепло! Хотя все туже
Окна стягивает лед.

Как тепло. Как небывало
Многоочия растут!
С головой под одеяло
Спрячься, съежься – не найдут.
Жар проходит. Вяло-вяло
Дни с картинками
Бегут.

Звонко шаркает терраса.
Бьет сосулька по ведру.

Капитана Гаттераса
Приключения беру.

Впечатленья производит
Все, где шум, отвага, звон.
Одноклассница приходит.
Навещает.
Я влюблен.

Я лежу такой красивый,
Как солдат, что ранен был.
Говорит она: «Счастливый,
Две контрольных пропустил.
Находилась.
Научилась.
Заболею к декабрю».

Я рисую «Наутилус»
И на память ей дарю.

1970

ПАМЯТИ АФАНАСИЯ ФЕТА

Здесь человек сгорел...

Ничего от той жизни,
Что бессмертной была,
Не осталось в отчизне,
Все сгорело дотла.

Роковые изъятья.
Неназначенный бал.
Край светлейшего платья
Разве я целовал?

Как в иную присягу
На погибель и рай
Небывалого стяга
Независимый край...

Ничего от той жизни,
Что бессмертной была,
Не осталось в отчизне.
Все сгорело дотла.

Все в снегу, точно в пепле,
Толпы зимних пальто.
Как исчезли мы в пекле,
И не видел никто.

Я грущу о зажиме
Чрезвычайной тоски,
Как при старом режиме
Вашей белой руки.

Вспомнить — сажей несметной
Так и застится высь.

— Да была ли бессмертной
Ваша личная жизнь?
Есть ли Вечная запись
В Книге Актов благих?

— Только стих.

Доказательств
Больше нет никаких.

1970

* * *

Когда мы были незнакомы,
А только виделись во сне,
Твои таинственные гномы
Сошлись подумать обо мне.

Они, предвидя все на деле,
В кружок присели на пеньки.
И так печально прозвенели
Их голубые колпачки.

Они решали и решали,
Шептали: — Это ни к чему. —
Но ничему не помешали.
Не помешали ничему.

Неудивительно, что служат
Тебе и мне они теперь,
Но по весне о чем-то тужат...
Звенит бубенчиком капель.

1970

* * *

Не торопись.
Погоди.
Обожди.
Скоро пойдут
Проливные дожди.

Не говори мне того,
Что я сам
Скоро узнаю
По чьим-то глазам.

Не торопись.
Помолчи.
Погоди.
Ведь у меня
Еще все впереди.

Тают дороги.
Ломаются льды.
Дай постоять
На пороге беды.

1970

* * *

Я вторгся в маленькой уют
Ее открыток и заметок.
Так часто дети достают
Гнездо из путаницы веток...

Разворотив ее альбом
И полудетскую шкатулку,
Что так напоминала дом
И отвечала переулку,

Ночной таинственной порой
Искал ненужно и устало.
И возмутился, как герой,
Когда она меня застала...

Я думаю, верней всего
Доверить искренности пыла
И не касаться ничего,
Что было — было, было — было.

Ведь так легко свою вину
Понять как крах, перестараться —
Вдруг устыдиться, растеряться
И... накричать на тишину.

* * *

Надо писать
О том, чего больше не будет,
Надо спасать
То, что другой позабудет.

Маленький миг,
Незаметный
 для мира большого, —
Все, даже крик,
Там, где надо бы тихое слово.

Липы и вязы,
Кажется, полнятся слухом
О том, что рассказы
Напишут о них одним духом.

Тропка аллея,
Кажется, исподволь знает:
Вспомнят о ней,
Когда и сугробы растают.

1970

* * *

Нет школ никаких.

Только совесть,
Да кем-то завещанный дар,
Да жизнь, как любимая повесть,
В которой и холод и жар.

Я думаю, припоминая,
Как школила юность мою
Война и краюшка сырая
В любом всероссийском краю.

Учебников мы не сжигали,
Да и не сожжем никогда,
Ведь стекла у нас вышибали
Не мячики в эти года.

Но знаешь, зеленые даты
Я помню не хуже других.
Черемуха... Май... Аттестаты...
Березы...
Нет школ никаких...

1971

ИГРУШКИ

Помню первые игрушки,
Словно первые мечты.
Металлические стружки
Небывалой красоты.

Во дворе многоголосом
(Бросив книжечный уют)
Задавался я вопросом,
Где и как их достают.

Но однажды возле дома
Задержался грузовик.
Блеском сказочным ведомый,
Подбежал я в тот же миг.

Самым радостным из грузов,
Стружкой остро завитой,
Полон был зеленый кузов
У полуторки у той.

И пока шофер вернулся
За баранку, за штурвал,
Целый двор перемигнулся
И сокровищ нахватал.

Было время первых елок,
Время первого метро.
Как сияло меж иголок
Это злато-серебро.

Как иголки зеленели,
Помнишь ты и помню я.
Металлическая стружка...
Подмосковная хвоя...

Сколько елочных игрушек
Получали мы потом!
Тьму наборов и хлопушек,
Все с серебряным дождем.

И на елочке ветвистой
Сколько раз перед войной
Плавал дождик серебристый,
Золотистый, покупной.

Только первую игрушку,
Словно я у ней в долгу,
Металлическую стружку
Не забуду, не смогу.

1971

СТИХИ МАРИАННЕ

1

А мне надоело скрывать,
Что я Вас люблю, Марианна;
Держась и неловко и странно,
Невинность, как грех, покрывать,

Мечтать о балконе твоём,
О дереве на перекрестке,
Где ждали, наверно, подростки
И ждут... Ну, а я-то при чем,

Раз мне надоело скрывать,
Молчать глубоко и пространно,
Что я Вас люблю, Марианна.
Невинность, как грех, покрывать.

2

Счастливого славя житье,
Вдруг личное счастье представив,
Я выдумал имя твое,
Из двух его нежно составив.

Вот Машенькин дом под сосной,
Вот Аннушкин дом под березой...
В России, как в сказке лесной,
Надолго надышишься прозой.

Конечно же, помню и я,
Что имя твое долгосрочно.
Но все ж и его и тебя
И я сочинил. Это точно.

По городу Машенька шла,
Узнав меня, вкось поглядела...
Такие уж, видно, дела.
Такое уж, видимо, дело.

Прощайте, и дни и часы
Доверчивости и опаски.
Нельзя! Но я выпью росы
За Ваши Анютины глазки.

1971

* * *

Она души не приняла.

А я старался.

Так старался,

Что и свои забыл дела,

И без иной души остался.

Я говорю о ней: была.

Нехорошо.

Она живая.

Она по-прежнему светла.

Она живет, переживая,

Но – там, где я сгорел дотла,

С ней все на свете забывая.

Я говорю о ней: была.

Она души не приняла.

Но это – малые дела

Среди дерзаний и сказаний.

Живи, да будет лик твой тих

И чист, как той весною ранней,

Среди оставшихся в живых

Воспоминаний...

Поминаний.

1971

* * *

Дождь оборвал на полуслове.
Качнулись желтые круги...
Твои шаги теперь во Пскове,
В Михайловском твои шаги.

Льет дождик, пахнущий полынью,
Над омраченной Москвой.
Мне хорошо, что ты под синью,
Что ты под зеленью святой.

С каких-то лип очей не сводишь,
Твердишь рассеянно «да-да»...
Мне хорошо, что ты там ходишь,
Ведь я там не был никогда.

1971

СНЕГ

О, я еще не изучил
Его манеры и повадки.
Он не такой, он старой складки.
Его никто не приручил.

О том, что где-то вас не ждут,
Он вам нашепчет без запинки.
И будет рисовать картинки,
Какие в голову взбредут...
И складывать свои снежинки.

Внезапно вздумает помочь
Тому, кто от безделья тужит,
Кому от темноты невмочь...
Вдруг выпадет.
И обнаружит
Все, что хотела спрятать ночь.

1971

ВСТРЕЧА

Шутка.

Шубка.

Взгляд мерцающий.

Монастырские ворота.

Синий,

Желтый,

Белый,

Тающий

Снег осеннего прилета.

И ряды стволов томительных,

Веток,

выглядающих голо, —

Словно сонмы существительных

В ожидании глагола.

1971

ПЯТИГОРСКИЕ СТИХИ

Не в музейном пыльном кивере,
Не в странице шелестящей,
Я его увидел в кипени,
Слома голову летящей.
Я в бессмертно наплывающем,
Романтическом тумане
Ощутил его товарищем
И Сомненью, и Тамаре.
Тень героя...
От лица ее
Повторяю — вслед за тенью —
Щит и шпагу отрицания
Он держал как утвержденье.
И когда они сумели бы
Свергнуть кодекс вахтпарада,
Птицы райские запели бы
На ветвях родного ада.

Сразу вместе мглой и яркостью
Даль давила.
Я на воды
Уходил, томясь двоякостью
Переменчивой погоды.

Днем дожди по крышам топали.
Ночью стужа шла, стеная.
Утром к каждой ветке тополя
Жалась ветка ледяная.
И, любуясь белой тихостью,
Можно было без зазренья
Счесть ночной минутной прихотью
Настоящие деревья.
И не столь уж удивительным
Было б – шуткой, понарошку –
Льдяный тополь счесть действительным,
Став на скользкую дорожку.
И, учтя все эти данности,
Заскользил я стежкой детства.
И пришел ко мне из давности
Мой герой, поэт и деспот.

...Ранним утром, поздним вечером,
В полдень, в полночь, днем и ночью
Сталью взгляд его отсвечивал,
Мною видимый воочью.
Что там бурка!
Бурки не было.
Так входил он в куртке жесткой,
Словно сам меня затребовал
К этой скуке пятигорской.
Словно должен отчитаться я
Перед ним, как юный юнкер,
Словно ждет меня нотация, –
И тянулся я по струнке.
Над учтивостью поспешливой
Хохотал он, крут и пылок,
Некрасивый и насмешливый,
Сбив фуражку на затылок.

Но как только рот я скашивал,
Улыбнуться тоже силясь,
Он, откидываясь, спрашивал:
«Вы-то что развеселились?»
И действительно — я чувствовал,
Мне, по правде, не до смеха.
Он костяшками похрустывал,
Словно б все ему потеха.
Предо мной в тумане стынущем
Машука двоился конус...
Но потом, потом все иначе —
И слова, и смех, и голос.

И торжественно обрадован —
Все, чем рад, с чего печален,
Я как на духу выкладывал,
Хоть не знал исповедален.
И застенчивость несносная
Истончалась, льдинка точно.
И смывалось все наносное,
Оставалась только почва.
О, как трепетно я впитывал
Жест и мановенье ока!
Как он пристально выпытывал,
Как отвечивал жестоко!

О, когда б от взгляда этого
У меня в глазах осталась
Искорка металла светлого,
Бьющая и сквозь усталость!

О, когда б во всей сохранности
Я унес сквозь смену буден
Эту смелость, в высшей крайности
Лучшим свойственную людям!

Я не хвастаюсь по младости,
Я ко лжи не прибегаю.
Но как много тайной радости
Я с тех пор приберегаю!
Говорили мы...
И в ропоте
Не качали головами.
А подробности...
Попробуйте
Побеседуйте-ка сами.

Пятигорск.
Погода вешняя
Наконец установилась.
На цветы сырые здешние
Я глядел.
Земля дымилась.
Шли с источника нарзанного,
Пел фотограф у Провала.
Лед растаял.
Сада ледяного
Словно бы и не бывало.

1971

* * *

Лучшие годы я прожил
В двух удивительных странах,
Далее в двух городах,
Далее в двух районах,
Далее
в двух домах.

И начало мне казаться,
Что меж двумя столами
И меж двумя стульями
Я с четырьмя руками
И о двух головах.

Как мне домой захотелось.
Как мне домой захотелось!
Так мне домой захотелось...
Но я забыл, где мой дом.

А ведь я не был двурушным,
Не был и двоедушным.
Просто служил я любимым,
А о себе забывал.

И полюбил я гостиницы,
Где лишь мои шаги.

...Вот, брат, какие гостинцы,
Какие, брат, пироги...

Вот соберусь и уеду,
В свой Лихославль уеду,
В русскую деревеньку,
Где мои прадеды спят.

А те пусть себе послужат,
Пусть обо мне потужат,
А не потужат, что же,
Кто же тут виноват.

1972

* * *

Было время, льнул я к любой судьбе,
Думал о других, о чужой родне.
А сейчас я думаю о себе
И о тех, кто думает обо мне.

Это удивительно! — Я один...
Хорошо качается снежный мрак...
С малых начиная, до больших седин
Доживу и сдохну, не заметив как.

Было время, по следу бежал бегом:
Ты меня обидела, ушла в слезах.
Догоню! Пусть думает, что я кругом
Виноват. Пусть в собственных паду глазах:

Только пусть не плачут... Зачем я так?
С недругом из жалости пил до дна.
Хорошо качается снежный мрак...
А она не будет никогда одна.

Было время, льнул я к любой судьбе,
Думал о других, о чужой родне.
А теперь я думаю о себе
И о тех, кто думает обо мне.

ВЕСНОЙ

Хочу писать стихи о том,
Что я хочу писать стихи.
Про все на свете.

На потом

Иль на сегодня.
Но стихи.
Так разбегаются глаза
То за ручьем, то за листом.
Хочу писать стихи о том,
Что разбегаются глаза.
Что я хочу на слух, на цвет
Определять не знаю что.
Что для меня весь белый свет
Сегодня в розовом пальто.
Что на заре стоят дома,
Как декорации домов.
Что я почти сошел с ума
От ваших звонких каблуков.

Хочу писать стихи о том,
Что слышно в воздухе пустом,
О журавлях, о мотыльке,
Что с вечностью накоротке.
Что бесполезное — не зло.
А может пользу принести.

А может, даже принесло,
Как зайчик солнца на горсти.
Перенимай.

Перенимай

У непокая непокой.
Неуловимое поймай.
Не обязательно рукой.
Шумит береза надо мной
Нераспустившейся листвою,
Что листья даже зеленей,
Когда их нет еще на ней.

1973

* * *

Гербарий сырых тротуаров,
Легчайшие в мире шаги.
Как самый цветной из пожаров —
Волненье листочной пурги.

Березы, акации, клены
Даруют листы, как цветы,
Душе молодой и влюбленной,
Такой же красивой, как ты.

В сплетенье кругов, и полосок,
И звезд, рыжеватых на цвет,
Весенний летит отголосок:
«Ты любишь меня или нет?»

И, не дожидаясь ответа,
Под ветром большой синевы
Твой зонтик лимонного цвета
Уносится в вихре листвы.

1973

ТЕЛЕФОН

— С утра такой дождливый день.

Все крыши точно набекрень,

А все деревья так стоят,

Как будто это листопад.

Все оттого, что нет тебя.

— Да, Машенька.

— Вчера котенка я спасла.

Он вылетел из-за угла

И сразу, маленький, упал,

Чуть под колеса не попал.

Все оттого, что нет тебя.

— Да, Машенька.

— А знаешь, в проходном дворе

Щенок заплакал в конуре

О том, что выпал из гнезда

Птенец, не знающий куда...

Ты, как всегда, недоглядел.

— Да, Машенька.

— С утра дождливый день такой.

Все оттого, что ты плохой,

Что мы не виделись с тобой,

Не знаю, век уже какой,

Что забываю я тебя...

— Нет, Машенька.

РАЗЛУКА

Боже мой, разве
Это разлука?
На расстоянии улицы,
На расстоянии площади,
На расстоянии нескольких
Тысяч шагов.

Боже мой, разве
Это разлука?
Это же праздник,
Дивная мука
На расстоянии улицы,
На расстоянии площади,
На расстоянии нескольких
Тысяч шагов...

Можно молчать — ни слова,
Можно гадать и ждать,
Но постоянно знать,
Что от живой до живого
Все же рукой подать.

1973

БЕССОННИЦА

Почему ты не спишь и глядишь в окно?
За окном никаких происшествий нет.
Только листья шумят, только дождь идет.
Ты кого-нибудь ждешь? Не придет никто.
Потому что все спят. И дождь прошел.
Даже мокрая бабочка в раме спит.
Отдохни, никаких происшествий нет.
За окном не горит ни одно окно.

Я не сплю потому, что не спит трава.
И влажнеет земля от большой росы.
И кузнечик задумался: может, встать
И оспорить какие-нибудь часы?
Я не сплю потому, что у всех застав
Отдыхают стволы от дневной жары.
Я не сплю потому, что не спит вода,
А куда-то бежит, как твои года...

1973

* * *

Я к дороге так привык,
Что не знаю, где мой дом.
Туполицый грузовик
Пробирается с трудом.

Бьет метелица в упор.
Воздух холоден и сыр.
Слева — в ватнике шофер,
Справа — левый пассажир.

Это я на этот раз.
Неприкаянно курю.
Не свожу с дороги глаз.
Ни о чем не говорю.

Двигай, милый грузовик,
Как и прежде, напрямик.

Начинается зима.
Проявляются дома.

Говорят, что этот дом
Намечается на слом.

Но и новая стена
Будет тоже снесена.

Пусть от дома твоего
Не осталось и следа.

Что бездомность? Ничего.
Бездорожье — это да.

1973

* * *

Мне не может никто
И не должен помочь,
Это ты понимаешь сама.
Это ранняя рань,
Это поздняя ночь,
Потому что — декабрь и зима.

Это скрип
Одиноких шагов в темноте.
Это снег потянулся на свет.
Это мысль о тебе
На случайном листе
Оставляет нечаянный след.

А была у тебя
Очень белая прядь,
Потому что был холод не скуп.
Но она, потеплев,
Стала прежней опять
От моих прикоснувшихся губ.

Ты шагнула
В квадратную бездну ворот.
Все слова унеслись за тобой.

И не смог обратиться
Я в тающий лед,
В серый сумрак и снег голубой.

Я забыл, что слова,
Те, что могут помочь, —
Наивысшая грань немоты.
Это ранняя рань,
Это поздняя ночь,
Это улицы,
Это не ты.

Это гром,
Но и тишь,
Это свет,
Но и мгла.
Это мука
Стиха моего.
Я хочу,
Чтобы ты в это время спала
И не знала о том ничего.

1973

* * *

Я болен.
Я в белой рубахе.
На белой лежу простыне.
Под белым теплом.
Чьи-то ахи
И охи чуть слышатся мне.
То сходятся, то, расступаясь,
Расходятся.
Что-то звенит.
Игла, так любовно касаясь,
Меня от чего-то хранит.
Я выздоровел.
Я снаружи
В те самые окна гляжу.
Прекрасные грязные лужи
Старательно не обхожу.
Как выпущенный на свободу,
Я делаю все, что нельзя:
По льду, уходящему в воду,
Как малые дети, скользя.

Я выздоровел от простуды.
Я выздоровел от любви.
Вступают со мной в пересуды
Лишь голуби да воробьи.

1973

* * *

Уволенная статуя,
Омытая дождями,
Давай помянем старое
С закрытыми глазами.

С пристанционной улицы
Проникнув на задворки,
Давай помянем давние
Ручьев скороговорки.

Давай помянем мальчика,
Наивного на диво,
И голубую девочку,
Что все не приходила.

А он, храня молчание
В твоей тени забытой,
У зала ожидания
Стоял, дождем умытый.

Давай помянем мальчика
И девочку припомним
Там, где цвела мать-мачеха
Почти по всей платформе.

За что «спасибо», статуя,
И за какое детство?
Давай помянем старое,
Ведь никуда не деться.

От человеческой одури
Уйдя в свое начало,
Поразмышляй на отдыхе,
Кого ты замещала.

Где тридцать лет, не менее,
Ты тень бросала длинно —
Как вздохи облегчения
Береза и рябина.

... Там паровоз на роздыхе
Вблизи густых сиреней.
И тучка галок в воздухе,
Как туча подозрений.

1973

ОДИНОЧЕСТВО*Давиду Ланге*

Тепло в моем доме, свободно и чисто.
И сахар, и чай у меня, и вино.
Но что-то никто в мою дверь не стучится,
Лишь падает небо в большое окно.

Большой или малый, Христос иль Иуда,
Входите. Вам, снег отряхая с плечей,
Я с ходу в прихожей поддакивать буду,
Смеяться и плакать от умных речей.

Я всем буду рад и старинно и ново.
Я все вам отдам и душой и судьбой...
Одно только грустно — последнее слово.
Я снова оставлю его за собой.

1973

* * *

Я колокольчик подарил
Тебе. А ты его разбила.
С еловой ветки уронила.
А в двери Новый год входил.

...А колокольчик этот был
С таким стеклянным дальним звоном,
Как будто во поле студеном
Скорее к дому торопил...

Была ты или не была,
Мне трудно знать, с былым покончив...
Но вот звонят колокола,
Сквозь снег звенят колокола,
Сквозь снег бродячих лет моих,
А мне все кажется, что в них
Звенит разбитый колокольчик.

1974

* * *

Боже, как это было давно,
Ничего не осталось в итоге...
В почерневшем снегу полотно
Бесконечной железной дороги.

Полотно.

 А за тем полотном,
Как туманные знаки свободы,
Пронсящиеся за окном
То луга, то стога, то заводы.

Не свободен я был все равно
От любви, как от вечной тревоги...
Боже, как это было давно,
Ничего не осталось в итоге.

Только память о том, как бежал
От любимых.

 Как снова и снова
Не за них, а за слово дрожал,
Стихотворное, бедное слово.

1974

* * *

Когда я после смерти вышел в город,
Был город послепраздничен и тих.
Я шел Манежем.
Было — ни души.
И так светло!..

Лишь ветер подметал,
Как дворник, конфетти и серпантин.
Дома стояли, ясно каменя.

Все было так привольно.

И тогда

Заметил я, что я уже могу
Идти сквозь все.

Я шел, не замечая
Дверей и комнат.

Только к нам с тобой

Войти не мог.

Хоть был карт-бланш,
Не мог...

Но площадь Пушкина...
Я удивляюсь.

Ты с мужем села около Него.
Я захотел купить тебе букетик...

ДОМ С МЕЗОНИНОМ

Прощайте, Машенька, прощайте.
Пришла ушедшая пора...
Меня, как Дом, не замечайте,
Ведь дождик льет как из ведра.

Я буду рад, слегка отъехав,
Что Дом, не зная почему,
Стоит задумчивый, как Чехов,
И
улыбается
всему.

Здесь были мы других не хуже.
Нам было по семнадцать лет.
И тополиный пух на лужи
Летел, как бабочки на свет.

И вишни, близкие к удару,
Шумели в лад, вбежав во двор,
Как исполняя под гитару
Сквозной мотив из «Трех сестер».

...Машинка, как сороконожка,
Все что угодно перешьет...

А Дом подлечится немножко
И Автора переживет.

Прощайте, Машенька, прощайте!
Живите с веком наравне.
Но никому не обещайте,
Что обещали только мне.

1974

* * *

Вспоминается первый ледок.
Вспоминается вечер без звезд.
Вспоминается колкий упрек
В том, что я удивительно прост.

Это может быть.

Но почему
До того, как нашли вы меня,
Было так хорошо одному
На закате осеннего дня?

Я листву разменял на рубли,
Я капель разменял на гроши.
А всего-то хотелось — любви
Да единственной в мире души.

1974

* * *

Ты говоришь, что все дела:
Тянуться вверх, идти на дно.
Но ты со мною не пила
Мое печальное вино.

Мне интересен человек,
Не понимающий стихов,
Не понимающий, что снег
Дороже замши и мехов.

И тем, что, жизнью обделен,
Живет лишь гривной дорожа,
Мне ближе и большее он,
Чем ты, притвора и ханжа.

Да и пишу я, может быть,
Затем лишь, бог меня прости,
Чтоб эту стенку прошибить,
Чтоб эту душу потрясти.

1974

РОМАШКА

Московское лето в разгаре.
Отпало цветение лип.
Теперь на любом тротуаре
Их нежных сережек изгиб.

Вот летчик прошел по Ордынке,
Куда и откуда, бог весть...
Вот бабочка, как на тропинке,
Летит на асфальте присесть.

Вот дети флажочками машут,
Как будто мы в мае опять.
И столько на свете ромашек,
Что можно хоть рай загадать.

Недаром вчера на Таганке,
Где пух тополиный парил,
Прекрасной одной гаитянке
Я этот цветок подарил.

1974

* * *

Художник выставял
Тела, плоды, ручьи,
Которые писал близнец
Не знаю где.
Он выдавал
Его картины за свои,
А сам его держал
На хлебе и воде.

Легенда хороша...
Она седым-седа.
Плоды, ручьи, тела...
Богиня хороша.
Но ради двух-трех слов
Восторга и суда
Как мается душа,
Как мается душа.

1974

* * *

Небольшой мокрый снег. Гололедица.
Мгла над нивами, холодом сжатыми.
Белый куст как большая медведица
С затаившими дух медвежатами.

Возле дачи с забытыми ставнями,
Окруженной живущими дачами,
Ты стоишь, размышленьями давними
Остановленный и озадаченный.

Нет. Так просто душа не развяжется
С тем, что мучит и в воздухе носится.
Все-то думается, все-то кажется...
Но с тебя еще многое спросится.

С нерешительным вьюги не водятся.
Он пустыми сединами метится.
Две лыжни осторожно расходятся,
Чтобы встретиться или не встретиться.

1974

* * *

Зима. Почерневших деревьев аллеи.
Две улочки, нас приводящих домой.
«Пойдем лучше этой, она зеленее», —
Ты тихо сказала глубокой зимой.

А я улыбнулся, в ладоши захопал,
Но понял внезапно при этих словах:
Там гуще ветвились и ясень, и тополь —
Все в шапочках белых на черных ветвях.

А улочку ту, где глубокие ямы
Являли собою бывшие дома,
Бывшие деревья, стоявшие прямо,
Тогда обошли мы.
Ты помнишь сама.

И шли мы по той, где, над снегом чернея,
Хранили деревья дыханье твое:
«Пойдем лучше ею, она зеленее...»
Твоя оговорка.
Смущенье мое.

1974

* * *

Когда любви коснулась вещь,
Как все уменьшилось в окне,
Как, снисходительно зловец,
Сервант воздвигся в тишине,
Как будто маленький Эльбрус
Ничтожествовал вдалеке.
А там на чей-то высший вкус
Блуждала дама в парике.
Не по-мужски, не по-людски
Возник какой-то мелкий клещ...
Как сжалось сердце от тоски,
Когда любви коснулась вещь.

1974

ИЗ СОФИЙСКОЙ ТЕТРАДИ

I

Тебе обещал я деревья,
Которые будут зимой
В Софии, красивой издревле,
А то и на Шипке самой.

Но весть о внезапной кончине
Меня позвала одного.
И вот я в Болгарии ныне
Один ни с того ни с сего.

Один в серебристую темень,
Слегка от дороги устав,
Брожу под деревьями теми,
На похороны опоздав.

Тебе обещал я деревья,
Которые будут зимой
В Софии, красивой издревле,
А то и на Шипке самой.

Здесь очень короткие зимы,
Не то что в России у нас.
Поэтому неотразимы
Снега, что со мною сейчас.

Деревья стоят как скульптуры
В огромной живой мастерской,

Где лепят натуру с натуры,
А радость мешают с тоской.
Ведь можно из южного снега
Такое слепить небесам!

А он это делает сам,
Свалившийся с самого неба.
Снег лепит себя на деревьях.
Он лепит тебя и меня.
И всех, как в старинных поверьях,
Доживших до светлого дня.

Мне кажется, в белой гвоздике
Могилы и клумбы сейчас,
Где снег не большой, а великий
Идет, суеты сторонясь.

Я тоже поэт повседневно.
Как снег, я летаю зимой.
Тебе обещал я деревья,
И эти деревья — за мной.

1975

II

Так ничего я и не написал
В тот мой приезд прощальный...
Каштаном над скамьей нависал
Налет зимы хрустальный.

Стихи стояли около меня,
Когда смежал глаза я.
Оглядывался — в сутолоку дня
Сбегали, ускользя.

В пустом
Воскресном
Докторская саду,
Где памятник врачам, погибшим
В седом Освободительном году, —
Я был кустом поникшим.

Большие галки стряхивали снег
На ветки и на руки.
Я все ловил минувший день и век
В любом случайном звуке.

Все понапрасну.
Камень все равно
Молчал любую гранью.
Подкатывало к сердцу лишь одно
Далекое страданье...

Я улетел,
Оставив там стихи
Бродяжничать безгласно.
И мучат душу эти пустяки.
Не пустяки! Напрасно...

Я думаю, их кто-нибудь найдет
И даст им оболочку.
Согреются и скажут в свой черед
За строчкой строчку.

И — от меня в далеком далеке —
Заговорят несмело.
Пусть не на русском даже языке,
Не в этом дело...

III

САМОЛЕТ, ВОСПОМИНАНИЕ

«Я ехала домой, я ехала домой...» —
Пел в самолете хор цыган,
летевших на гастроли.

А самолет летел в Софию.

Боже мой,
Какие там я знал и доли, и недоли!

Возможно, мой сосед меня и не поймет,
Крахмал воротничка терпя на красной шее.
Но этот самолет, но этот самолет...
А под крылом уже Балкан,
все хорошея.

«Я ехала домой...», «Мы ехали домой»... —
Все репетировали грозные цыганки.
А я припоминал. Я это пел зимой
На улице Султан-Тепе и на Таганке.

Ведь вот какая блажь бывает у судьбы!
Болгария другим как золотая осень.
А я там все зимой, как у родной избы,
Где только в феврале отсыревает просишь.

«Чего они поют? — отжав воротничок
Большими пальцами,
Сосед спросил сурово. —
Там, что ли, дом у них?..»

Я, вынув пяточок,
Подбросил и поймал.
И не сказал ни слова.

Увидев, как взлетел советский мой кружок,
 Сосед тепло спросил: «Орел иль решка?»
 «Орел! — ответил я. — А ваш вопрос, дружок,
 Родной товарищ мой, не более
 чем грешка».

«Ты шутишь! — он сказал, узнавши своего. —
 Нет слов таких». Была
 мила его улыбка.

Я объяснил ему не менее тепло,
 Что по-болгарски «грешка» есть «ошибка».

Цыганкам приказал их главный человек
 Перед посадкой побережь
 голосовые связки...

А под крылом уже блистал верховный снег.
 А я все вспоминал и сказки, и не сказки.
 Мы ехали домой, мы ехали домой...

Как много лет прошло
 в родстве без окоема.

А я все вспоминал, что все лечу зимой,
 Что все лечу домой. Из дома в дом. Из дома.

1975

IV

Балканский сырой ветерок.
 Снежок легче пуха и дыма.
 Мелькающий, как между строк,
 Меж ветками неуловимо.

Я в комнате свет погасил,
 И сразу окно осветилось...

Гора заснеженная... Синь
Предутренняя проявилась.

Прозрачный февральский туман
С горы потянулся к предместью
Как знак, а не самообман...
И все это было мне вестью —

И снег, и зеленая высь,
И белый цветок на столе,
И солнечный зайчик, как мысль
О том, что ты есть на земле.

1975

* * *

Учись ваянию, ваятель,
Ценя классический пример.
Ты понимаешь, как создатель,
Что нужен вкус и глазомер.

Но опасайся!

Слишком ведом,
Оберегая твой резец,
Ведет к обманчивым победам
Неповторимый образец.

1975

ФЕВРАЛЬ

Даже в самой наполненной строчке
Безвоздушные паузы есть.
Не могу из своей оболочки
Выйти так, чтобы без проволочки
От возвышенной буквы до точки
Вы смогли меня сразу прочесть.

Как предвестие бедных седин,
Но с намеком, что все несерьезно,
Иней выбелил белоберезно
Все деревья, глядевшие розно,
Все скамейки, где мы не сидим,
Он исчезнет, и не уследим...
Лишь бы в небо не канули с ним
Те скамьи и деревья виденьем,
Всем пушистым своим загляденьем,
Полуоблачным, полужемным.

Потому и боимся войти
В сферу этого белого сада.
Потому что нам больше не надо,
Потому что мы тоже — *п о ч т и*.
От любви, как от недоедания,
Полегчали мы в эти свиданья...

Так что сад, отлетев, как дыханье,
Может чудом и нас унести.

От зимы, приключившейся за ночь,
Я узнал ни с того ни с сего,
Что мучительней, чем несказанность,
Я не знал на земле ничего.

Слышу четких пушинок паденье
С воспаривших и замерших куп.
Это кленов и лип наважденья,
Воплощенные в иней виденья.
Это легкое стихотворенье,
Как душа, отлетает от губ.

1975

* * *

Осторожней со словом, мадам!
Нет, я вас никогда не предам.
Никогда не оставлю в беде,
Не обижу ни в чем и нигде.
Есть у слова особая власть —
Утешением к сердцу припасть.
Но и сила смертельная есть.
Вы не знаете, что предпочесть.
Осторожней со словом, прошу.
Я ведь сам говорю и пишу!
И как часто я думаю сам:
Лучше б мысли читать по глазам.

1975

* * *

Заручиться любовью немногих,
Отвечать перед ними тайком —
В свете сумерек мягких и строгих
Над белеющим черновиком.

Отказаться, отстать, отлучиться,
Проворонить...

И странным путем
То увидеть, чему научиться
Невозможно, — что будет потом.
Лишь на миг!

И в смиренную строчку
Неожиданность запечатлеть.
Горьковато-зеленую почку
Между пальцев зимой
растереть.

1975

* * *

С. Наровчатову

Отбрасываю в сторону стихи.
Мне надо видеть то, что за стихами.
Случившееся.

Даже пустяки
Какие-нибудь...

Легкое дыханье,
Стеклом запечатленное на миг
В каком-нибудь автобусе...

Рисунок
Плюща, ветвящегося по стене,
Как паутинки трещин...

Или сумрак
В саду, где жизнь, неведомая мне.
Чужая фраза, полная волненья:
«Так и скажите ей или ему!» —
Обрывком чуждого стихотворенья
Упавшая в полуночную тьму.
И шум листвы.
И чьей-то спички вспышка.
Или совсем нелепая ослышка,
Когда оглядываешься —

и нет...

Нет никого.

Я помню редкий свет
И улочки, где не видать ни зги,
И дождик сквозь невидимое сито.
Я заплутался как-то.

И шаги
Меня весь путь преследовали чьи-то.
Я останавливался.

За углом
Мой останавливался догоняльщик.
А было это в городе чужом.
Я в прятки начинал играть, как мальчик,
Пока не оглянулся.

И во тьму
Назад, навстречу не пошел, как надо.
И вдруг опять услышал возле сада:
«Так и скажите ей или ему!»

Как мания преследованья,
ритм
Еще не воплотившейся поэмы.
Не подойдет и не заговорит,
Пока мы трусим и пока мы немы.
Отбрасываю в сторону стихи.
Мне надо видеть то, что за стихами.
Случившееся.
Даже пустяки.
Я должен видеть, что за пустяками.

* * *

Крыши намокли.
Деревья опали.
Я и мои переулки в опале.
Вот уж которые сутки подряд
С нами не видятся, не говорят.

Это осенней поры перемены.
Вынуты рамы, и сдвинуты стены.
Это осенний развал и разлом,
Производимый добром, а не злом.

Шорох газеты отжившего века.
Вздых потерявшего все человека,
Здесь опадают, на диво легки,
Вместе с деревьями особняки.

Крыши упали, и клены опали.
Я и мои переулки в опале.
Вот уж которые сутки подряд
С нами не видятся, не говорят.

Как-то неловко глядеть на обои.
Видеть, что было за дверью любою.
Только луна, как непрошенный гость,
Каждую комнату видит насквозь.

Это же переселение душ!
Где-нибудь увеселенья к тому ж.

Но еще память моя не ушла
С улицы той, где так долго жила,
И назначает свидание все ж,
То, на которое ты не придешь,

Там, где глядит, как печальный сподвижник,
Старый фонарь на опальный булыжник.

1975

* * *

Красивый, старый, черный дом,
Ведь и такой случится час,
Что некий день, задев бортом,
Перенесет куда-то нас.

Я даже рад, что я поэт,
Что и потом смогу с к а з а т ь,
Когда весь этот белый свет
Я перестану осязать.

Красивый, старый, черный дом,
Ты показался нынче мне
Раззеленевшимся кустом,
Расцветшим в полной тишине.

Что говорить о тесноте
И поминать о примусах.
Есть и в наружной красоте
Такая даль, как в небесах.

В какой несбыточный музей
Перенести твое крыльцо,
Где мне и в сумраке ночей
Светили руки и лицо?

Красивый, старый, черный дом,
Ты показался нынче мне
Раззеленевшимся кустом,
Расцветшим в полной тишине.

А воздух помнит все дома,
Запечатлевшиеся в нем,
Как память сердца и ума,
Красивый, старый, черный дом.

1975

ТЕПЛО

Бабушкино одеяло
Пахло кирпичным теплом...

Бабушка, мало-помалу
Твой забывается дом.
Белые плитки лежанки.
Детская горка зимой.
И те волшебные санки,
Что не хотели домой.

Помню, беседка стояла
В зарослях сада шатром...
Бабушка, мало-помалу
Твой забывается дом.
Но не такая уж малость —
Нашего леса гряда,
Воздух, которым дышалось
Так, как потом никогда.

Вспомню и чашу наполню
В честь накренившихся ив.
Падали яблоки, помню,
Канувший белый налив.

Припоминал я, бывало,
В стужи ходя напролом:
Бабушкино одеяло
Пахло кирпичным теплом.

1975

РОВЕСНИКУ

Испытание временем,
Испытание веком,
Испытание бременем
И родным человеком.

Испытание рифмами,
Бесконечно плохими.
Сухарем, логарифмами
Или двойкой по химии.

Испытание строчками,
Колдовавшими долго.
Испытание стройками —
Ангара или Волга, —

Испытание заметью,
Где одно только средство —
Испытание памятью
Опаленного детства...

И довольно застенчивой,
Но весьма величавой —
Испытание женщиной,
Испытание славой.

Обязательно выдюжить
И порадовать вестью.
Обязательно выдержать,
Обязательно с честью.

И, живя перемеченным
Метой празднеств и бедствий,
Быть в душе – незамеченным,
Знаменитым, как в детстве.

1975

* * *

Цветущая ветка с надломом,
Сирень среди этой ольхи
Повеяла чем-то знакомым,
Как старые чьи-то стихи.

Два дуба темны, как ворота,
Распахнутые навсегда...
Здесь явно отсутствует

кто-то

И тянется кто-то сюда.

1975

* * *

Поэму отнесло, как тучу,
А мы ее так долго ждем.
Она вблизи мерцает, муча
Неразразившимся дождем.

Мне внятны все ее зарницы
И что должно случиться впредь.
На эти белые страницы
Мне душно, милая, смотреть.

Как будто целая деревня,
Где чернозем от жажды плох,
Ждут лица, улицы, деревья,
Ромашки и чертополох.

1975

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Речка пропала! А речка была.
Как полагается речке, жила.
Темную ель отразив и сосну,
Темные травы струила по дну.
Ровно бежала по синей тайге
И замерзла по первой пурге.
Ну а поскольку в тени родилась,
Черною речкою речка звалась.

Но на дороге ее, знаменит,
Землю рванул молодой динамит
И пересек ее русло грядой,
Как повелел человек молодой,
Насыпь свою настелив по гряде...
Рельсы не могут идти по воде.

И получились такие дела:
Речка пропала. А речка была!
Ветром рябила живую волну,
Донные травы стелила по дну,
Ровно бежала по тихой тайге
И замерзала по первой пурге,
И оттого, что в тени родилась,
Черною речкою речка звалась.

...Как-то охотник таежный пошел
К речке, чтоб выудить рыбку
на стол.

Долго ходил по знакомым местам —
Нету речонки, которая там...
Все ж сообщил, добродив до конца:
Есть лишь неизвестные озерца;
Цепью идут от истоков реки,
Мелиорации всей вопреки.
Вбок возникают... незнамо куда.
(То появилась, то скрылась вода!)
Видимо, взрывом оглушена,
Наших людей испугалась она...
Черную речку ты мне иногда
Напоминаешь в иные года.

Встретимся, что ли,
В неведомый час,
Ради природы на миг отлучась,
Там, где бежит сквозь недреманный лес,
То отражая сиянье небес,
То исчезая в подпочвенной тьме,
Речка как речка, себе на уме.

1959, 1975

* * *

Ладно. Сколько бы там ни осталось
Мне по белому свету ходить,
Принимаю и грусть, и усталость,
Даже старость приму, может быть.

Я уже понимаю, что время
Бесконечно содержится в нас
Как великое, вечное бремя
На грядущее и на сейчас.

Улыбаются липы, и клены,
И ромашек лесных благодать.
...Дай дожить мне простым и влюбленным,
Самой маленькой птице под стать...

Но голубка, оставивши землю,
По спирали уносится вдаль,
Где, высокие клювы подьемля,
Кружевная возносится сталь.

Ничего не дается нам свыше.
И сегодня уже не вчера.
Где-то рушатся теплые крыши,
Где-то тихо скрипят флюгера.

Сталь не ведает — поздно иль рано.
Я гляжу на нее в забыты,
Так, как будто порталные краны —
Это лучшие птицы мои.

1975

* * *

Домой, домой, туда, где дома нет,
Где только ты, незримая почти,
Где тает снег, как тысяча примет,
И на домах, и на твоём пути.

Я знаю то, что ты товарищ мой,
Что для меня ты целый белый свет,
Так знай и ты, что я хочу домой,
Домой, домой, туда, где дома нет.

Здесь столько крыш, и окон, и дверей,
Друзей, подруг на столько зим и лет,
А я хочу к тебе, к тебе скорей —
Домой, домой, туда, где дома нет.

Вот улетает желтенький листок.
Сквозь южный снег, как бабочка на свет.
Куда? На север? Или на восток?
Домой, домой, туда, где дома нет.

1975

МАРИАННА

Слежу, как листья липы отсыхают
И осторожно падают...

А я?

Я никого сегодня не люблю.
Прекрасно быть забытым человеком.
Прекрасен шум деревьев надо мной.
Прекрасно, где-то строчку потеряв,
Остановиться. И пойти обратно,
Припоминая...

И, припоминая
Углы домов, и стены, и дворы,
Где кошки в тень укрылись от жары...
Тогда, когда и ясно, и туманно
Стояла тишь осенних паутин,
Совсем зеленую нашли мы ветку.
Таков пейзаж на годы, Марианна,
Что и в Варшаве, и у нас не странно,
Когда в Москве

и ты, и я, и мы...

И осень и весна среди зимы.

1975

* * *

В первые солнца мои,
В самые первые ночи
Иволги и соловьи
Пели намного короче.

Но, как часы на суку
Или лесная церквушка,
Долго, так долго «ку-ку»
Нам говорила кукушка.

Кажется вечной она,
Эта незримая птица...
Я и теперь дотемна
Слушал бы, если случится.

В дымке зеленых ветвей,
В рощах — все дальше и дольше...
Но чем кукушка скупей,
Тем соловьев у нас больше.

Я удивляюсь тому,
Как эти зелень и жемчуг —
Что обещаю? — во тьму
И громыхают, и шепчут!

А воробей на окне,
Все принимающий числа,
Так и чирикает – вне
Определенного смысла.

1976

* * *

Пусть я довольствовался малым:
Надземным небом и самой
Подверженной боям,
и шквалам,
И снам,
и радугам земель, —

Из глубины, из бесконечной
Сердечной, тайной глубины,
Глаза задумчивости вечной
На Млечный Путь устремлены.

1976

* * *

У меня исчезают стихи,
Не записанные на бумагу.
Так деревьев редеют верхи
Ранней осенью мало-помалу.

Так, непойманная, в перелет
Растворяется в воздухе птица...
У меня есть исчезнувший год.
Неужели он не возвратится?

Это так.

Но когда я встречал
Тот непрожитый год
рядом с нею,
Я надежду одну загадал,
А теперь разгадать не умею.

У деревьев редеют верхи.
Снег является мало-помалу.
У меня исчезают стихи,
Не записанные на бумагу.

1976

ГАЛКИ

С ветвей, махнув морозным пухом,
Сорвался гомон и ушел...
Как будто кто над самым ухом
Рванул бумагу или шелк.

И замер воздух синий-синий.
И замер двор, насторожась.
И, падая, не падал иней,
Самим собой заврожась.

И галки, те, что испугались
То ль человека, то ль куста,
Уже беззвучно опускались
На те же самые места.

Был двор — ожившая гравюра,
И, выполненный в двух тонах,
Он ждал, ветвясь тенями хмуро
На снега белых валунах...

1949, 1976

ГОЛОС

Туч синеватые донья,
Длинные весла лучей.
Лес.

И вдали, как спросонья,
Голос.
Какой-то ничей.

«А» или «У» – однократный
Звук, протянувшийся в лес,
Тягой своей непонятной
Поднял меня.
И исчез.

1976

* * *

Теперь, когда уже не повторить,
Что повторялось многократно, —
Лишь те слова осталось говорить,
Которых не возьмешь обратно.

И лишь с самим собой наедине,
Бывает, взмолишься беззвучно:
Остановись.

Забудь.

Вернись ко мне.

Мы начинали неразлучно.

1976

* * *

Листья летят, как утраты
Невосполнимые, — в тишь.
Белыми стали квадраты
И треугольники крыш.

Похорошела ворона.
Дворник нарушил пейзаж.
Многое видно с балкона,
Если высокий этаж.

В белых и синих накрапах
Там — ни названий, ни лиц.
Птицы на уровне шапок,
Шапки на уровне птиц.

Вместе и зелень, и млечность.
Нет еще зимних тиранств.
Милая недолговечность,
Лучшее из постоянств!

И, как мечтательной кистью
Брошенные второпях,
Белые, белые листья
На голубых тополях.

1976

Я обращаюсь к тени миновавшей,
Среди теней минувшего живущей,
В их обществе лица не потерявшей
И доброй тенью,

может быть,

слывущей.

И, разговаривая с этой тенью,
Ты понимаешь, милая, сама, —
Я до сих пор живу в недоуменье:
Что может тень?
Прислать мне тень письма?!

1976

* * *

Упаси меня от серебра

И от золота

свыше заслуги.

Я не знал и не знаю добра

Драгоценнее ливня и вьюги.

Им не надо, чтоб я был иной,

Чтоб иначе глядел год от года.

Дай своей промерцать сединой

Посреди золотого народа.

Это страшно — всю жизнь ускользать,

Уходить, убегать от ответа.

Быть единственным —

а написать

Совершенно другого поэта.

1976

* * *

Заблудился я...

Да и скворцы

Тоже в поисках долго сновали...

Эти здания – как близнецы,

Но хотят, чтобы их узнавали.

Типовые дома неплохи,

Может быть, даже вовсе не плохи.

Но зачем типовые стихи

Нашей быстротекущей эпохе?

1976

* * *

...И я потянулся вослед за тобой
Всей грустью безмерного срока...
Но был я оградой, но был я травой,
Журчащей водой водостока.

Ты в воздухе таяла полупустом
Пиковым сужением платья.
Тогда я возник облетевшим кустом,
Чуть смахивая на распястье.

Но ты, миновав меня, путь перешла.
Ты ветки моей не задела.
И тень от вагона меня обдала
И шумно с тобой отлетела.

Тогда мне осталось — в твоём далеке
Стать тем, и чужим, и пригожим.
Но я не хотел, ожидая в тоске,
Стоять на себя непохожим.

Я знал, что опять ты вернешься домой
И будешь еще одинока,
Ведь был я оградой, ведь был я травой,
Шумящей водой водостока...

* * *

Теперь я свободно могу сочинять стихи.
О чем пожелаю, когда захочу, свободно.
Никто не мешает, минуты мои тихи.
А то заходили, звонили когда угодно.

Сегодня всю ночь бушевала в окне гроза.
Взлетали раскаты зенитных орудий грома.
Трещали деревья. Я вслушивался в голоса
Природы, заставшей меня одного дома.

Зеленую лампочку я на краю стола
Зажег. Распахнулась тетрадь на странице белой.
Покуда с окном я возился, гроза ушла.
Но шумно пахнуло травой и округой целой.

И тут объявилась гонимая мной строка.
(Прощанье с двором. И с подъездом. Как с целым
светом.)

И тут я заметил, как все-таки жду звонка,
Хочу, чтобы мне запретили писать об этом.

1976

* * *

Какая маленькая ты у нас, Москва!
Великий город на планете.
Здесь ни при чем какие-то слова
Про те твои заслуги или эти...
Какая маленькая ты у нас, Москва!

Среди высоких белоснежных башен
Стоишь, домами старыми кренясь,
Стоишь и будешь так стоять, крелясь.
Тебе их рост младенческий не страшен.
Такая маленькая ты у нас!

Глядишь на дом — исчезнуть он готов,
Как отслужив свое тепло и действие, —
Тебя, праматерь русских городов,
Мы бережем, как девочку семейство.
Мы бережем теперь. Не берегли
Тогда, когда пленительные храмы
Во имя отчей будущей земли
Среди великой всероссийской драмы
Взлетали к небу в громе и в пыли.

Есть объясненье. Но зачем тебе,
Все пережившей, это объясненье?
Взрываем дом, который так себе,

И восстанавливаем этот дом
Не сразу же, конечно, а потом,
Когда у Лермонтова день рождения.
Большой подарок...

Вкус его отведав,
Проехал мимо дома Грибоедов
(Ах, знать бы, Пушкин, многое заранее!),
За голову схватясь, как в Тегеране.

Какая маленькая ты у нас, Москва!
Арбат, Садовая, Замоскворечье...
То расцветает, то летит листва
Под башнями большого мастерства,
Есть вечность в ней, и правые права,
И украшенья, и увечья.

1976

* * *

На душе легко и снежно.
Никого там нет,
Кто бы грубо или нежно
Свой оставил след...

Ни чириканья, ни лая
Не слышать уже.
Только улица былая
На моей душе.

Это белая дорога,
Позабытый путь,
Где домов уже немного.
Только повернуть...

Чей-то взгляд во мне утонет.
Загремит кольцо.
Заболит вот этот домик,
Защемит крыльцо.

1976

* * *

...И освобожденный от женщины мир
Открыл удивительный лик,
Все ветки и листья свои распрямил
И к сердцу открыто приник.

Теперь уж не ею дома и дворы,
А только самими собой
Глядели, мерцали, как могут миры
Мерцать на дороге любой.

И шел я один сквозь дома и траву,
Желая уйти, избежать,
От страшного, нежного крика «Ау!»
В отчаянье уши зажать.

1976

* * *

Бродя и гадая
О блоковской Даме,
Опять опоздал я.
Пешком так пешком.
Последний трамвай,
Отшумев проводами,
Ушел, закачался
Вдали фонарем.

Мерцает булыжник.
Ни звука,
Ни слова.
Спокойные липы шумят.
А во мне
Уж целая повесть
Родиться готова
О чьих-то шагах
И о ждущем окне...

Не знал я, подумав:
«Трамвай?
Пусть уходит», —
Что здесь я пройду еще,
Как в забытьи,

В восторге,
Что это со мной происходит,
Что мне изменили,
Что слезы — мои.

1976

* * *

Я не хочу дружить со стариками,
Которые – ровесники мои,
Что любят безмозольными руками
Считать мозоли некие свои.

Ведь я же знаю: не было мозолей,
А был один блистательный порыв
Пройти, прорваться без особых болей
В ряд окулярных лиц, плотин и нив.

Теперь они отечески печально
Рассказывают очень молодым
Тепло, железно, устно и печатно,
Как было трудно нам –
считайте, им.

Но я люблю дружить со стариками,
Которые не хвастаются тем,
Что рыли землю, а искали камень,
Хоть не умели сочинять поэм.

Сквозь все прошли... И, слушая рассказы,
Внимая им, улыбочиво седым,
Я чувствую себя почти что сразу,
Как и они, таким же молодым.

Ведь эту жизнь не чувствуя как тему,
Чужой медалью густо не звеня,
Они такую сделали поэму,
Которая всегда вокруг меня.

1976

* * *

У меня осталось только Божье время,
Своего — на что попало — больше нет.
Я люблю тебя, нескáзанное бремя
Прожитых и некончающихся лет.

Сколько улиц исчезает, сколько страсти —
У оттаявшего в памяти следа...
Если б знала ты, какое это счастье —
Невозможность, невозвратность, никогда.

1976

* * *

Несостоявшаяся жизнь! Надежда!
Едва вспорхнув, упавшая листва.
Меняются дома. Меняется одежда.
Но все равно — любовь. И все равно — Москва!

Могу пересчитать все улицы по пальцам,
Где было — не было. Вот угол, вот карниз.
Ступеньки в доме том собачьим вальсом
Отбарабанивались вверх и вниз.
Когда я вижу их подъем двойкий,
Грущу, как будто годы отстрадал.
А было только то, что в полумраке
Я избран был, но я не угадал.

А вот еще грустней. Как маленький пустырь
Краеугольный след разрушенного дома.
Лишь купы галок шумно и весомо
Мне говорят, что рядом монастырь.

Несостоявшаяся жизнь! В надежде,
Что там одни мы будем — между дел, —
Сказала: поглядим, что было прежде.
А я войти туда не захотел.

Когда мой старший друг,
Покачивая ветку
На кладбище, где брат его лежал,
Сказал: «С тобой пошел бы я в разведку.
Побудь». А я? Куда тогда я поспешал?

Тот день закрыт снегами и дождями,
Как смазан ветром времени тугим.
Куда спешил я, там меня не ждали,
А может, ждали, но совсем другим.

Несостоявшаяся жизнь! Шум ветра.
О, уходящая во встречной красоте...

Художник пишет сад, как после
смерти мэтра,
Сухой прилипший лист минуя на холсте.

1976

* * *

Я виноват, что я в живых остался,
Иначе б то, что вы сейчас сказали,
Звучало б не хулой, а похвалой.

Я виноват, что я не расквитался
Еще при жизни с тем, что навязали,
Что стало вечно теплою золой.

Я виноват, что я себе позволил
В жизнь не свою войти и небу друга
Молиться более, чем своему!

Но человек, который обездолил
Меня и вывел за пределы круга,
Был выше вас по сердцу и уму.
И наши с ним немые разговоры
Вам непонятны и высоковаты.
Вы судорожно ищете
Грехи чужие. Тянетесь в чужие споры.
Чужие словом зыблете утраты.
(Вы просто плохо пишете стихи.)

Ну что вам рассказать
из личной жизни,
Чтоб вы глаза расширили, а уши

Развесили?

Хотите,
Приведу стихи о том,
Как «Проползают слизи
глазами статуй в саду»?

Хотите, расскажу о позднем часе,
Когда в окно открытое влетает
Молчком сова, как бабочка на свет?
Смущая чуждой мыслью о причастье,
В глаза глядит и головой качает.
И долго длиться этот тет-а-тет.

Хотите, научу царапать землю,
Цепляясь за ее траву руками,
Лицом в непониманье уходя?

Не знает, так поклонитесь земно
Тому, что жизнь так милостива с вами.
Живите, вкус в малине находя.

1976

* * *

Если покажется: умерли
Все, кто ответить могли б, —
Верь в эти синие сумерки
С желтым качанием лип.

1976

СТРАХ

Оставит женщина? Пускай.
Она уйдет недалеко.
Ей превратиться незначай
В другую женщину легко.

Оставит самый лучший друг?
В лютейшую из всех годин?
Других друзей не счесть вокруг,
Хоть лучший друг всегда один.

И от кончины в трех верстах
Не затрепещешь — ничего!
Но есть один страшнейший страх,
Поэты знают суть его.

Как перед кладбищем ночным
Страх у мальчонки-пастуха,
Как — умереть и быть живым,
Страх перед жизнью вне стиха.

1976

КРЫША

Сначала некая зависимость
От долгих выдач и решений...
Потом паркетная зализанность
И целый ряд соображений.
И расстановка.

Чтобы не были
Неинтерьерными детали.
(Ты получил – кому-то не дали.
Не получил – кому-то дали.)

А все-таки...

Вся жизнь минувшая
Должна остановиться где-то.
Все памятное, все мелькнувшее
Должно забыться до рассвета.
Все линии твои шоссеиные,
Все насыпи и тротуары,
Все горести твои семейные
И бессемейные бульвары.
Должны слететься листья желтые
И хлопья многие собратья,
И дни,
так плохо береженные,
Под общим кровом отоспаться.

Сады и сосны корабельные,
Леса плодоносящих звуков,
Грома и ливни колыбельные
Сойдутся, душу убаюкав.
И снова выдворит художника
Холстов несытая бездонность,
Как бессапожие – сапожника
Или строителя – бездомность.

1976

* * *

Опять весна.

Какие перемены

Она в мой быт кочующий внесла,

Что отняла, дала,

какие стены

Над нами и меж нами возвела?

Какие в небо врезала стропила?

Какой сугроб вниманьем обошла?

Кому утратой к горлу подступила,

Кому отрадой душу обожгла?

На путь летящий глядя, как на пламя,

Я неотрывно думаю о том,

Что разговор в сугубо личном плане

Мы не при всех и позже поведем.

На подмосковном кладбище недавно

Я в первый раз услышал соловья...

Как перед ним безвестна и бесправна

Была печаль отдельная моя!

1976

* * *

Значит, жить?
Значит, снова мечтать?
Возводить эти хрупкие зданья?
Но тогда — как же душу расстать
С красотой разочарованья?

Я ведь годы на это убил
И открыто оплакал потерю.
Журавлиным стихом раструбил,
Что уже не люблю и не верю.

Ты была моей лучшей бедой,
От которой рождается песня.
Неужели — опять молодой —
Должен я улетать в поднебесье?

Но тогда что же делать мне с ней,
С золотящейся в вечность листвою
Меж страниц сброшюрованных дней,
С обжитой неудачей людскою?

Но тогда, когда сам проклинал
Даже самые наши начала,
Неужели я вовсе не знал,
Что оглядка твоя означала?

* * *

Я должен говорить дождями,
Деревьями и площадями.
Я должен признаваться веткой,
И птицей, не знакомой с клеткой,
И клеткой, что повисла вроде
Вещественной любви к природе.

Я должен говорить ручьями,
Сугробами и соловьями,
Умеющими сознаваться
В том,
 в чем боятся признаваться,
Одним выщелкивая духом
Все, что земля таит, по слухам.

Я должен не молчать страницей,
Зарнице отвечать зарницей,
Я должен говорить стеною
И всем путем передо мною,
Чтоб наконец услышать слово,
Все начинающее снова.

1977

* * *

По какой-нибудь малой вещице,
Что напомнит тебе обо мне,
Позапрошлое время потщится
Стать с сегодняшним днем наравне.

Ты заплачешь. Глубокая ива,
Окуная себя в серебро,
Сообщит тебе неторопливо,
Что былое не зло, а добро.

Что ее настоящая участь —
Утешительная красота,
А не выдуманная плакучесть,
Чем пустая душа занята.

Улыбнись сквозь сырые ресницы
Колыхающихся камышей,
Где последняя встреча приснится
Нам у зарослей и блиндажей.

Это время опять воплотится,
Хоть на миг, по звезде, по весне,
По какой-нибудь малой вещице,
Что напомнит тебе обо мне.

КОСМОС, ПОЗЫВНЫЕ

Твои одинокие ночи,
Твои одинокие ночи,
Твои одинокие очи,
Созвездья ночные мои.

Тебе, ничего не рисуя,
И снег и росу принесу я.
Твои одинокие ночи,
Созвездья земные мои.

А хочешь, и вовсе не буду.
А хочешь, совсем позабуду.
Но я позабыть не смогу.

Зачем ты большими ночами
Меня умоляешь лучами,
Чтоб я одинокие ночи
Провел на твоём берегу.

Мои одинокие ночи
Твоих, очевидно, короче,
Поскольку ни ночи, ни дня.
А знаешь, какие тропинки,
А знаешь, какие травинки,

А знаешь, какие созвездья
В России, у нас, у меня?

Твои одинокие очи,
Твои одинокие ночи,
Что вечно, вглядясь, исчезают,
Не думаю, что наугад...
Летающие в вечную вечность,
В блистательную бесконечность,
Зачем же они ускользают,
Мой чистый по разуму брат?

1977

* * *

Как хочется что-нибудь спеть,
Но я разучился уметь;
Но я научился внимать
Тому, чему жить-поживать.

Скрепит этот серенький дом
О том, что бывали и в нем,
О том, что он сделал свое,
Но вечно его бытие.

Почти одинаковый скрип
У этих ступенек и лип,
Скворечников, кранов и льда
В день, солнечный как никогда.

Как хочется что-нибудь спеть
Под эту листовяную медь
О том, как он людям служил,
Но мало им кто дорожил.

Придумать себе самому,
Как снится ему одному,
Что молод он был и красив.
Не меньше, чем этот массив.

Что был он большим и резным,
Что каждому марту вослед
Скворцы будут реять над ним,
Которого более нет.

1977

* * *

О, расскажи о том, что происходит,
Когда не происходит ничего.
Перелетела бабочка дорогу.
Мужчина с женщиной переглянулись.
Дом рухнул.
В этот дом вбежали шумно дети...

О, расскажи о том, что происходит,
Когда не происходит ничего.
Ведь это ты сквозь землю провалился.
Ведь это ты возник из-под земли
С горящими от новостей глазами.

Часы отстали. Площадь опоздала.
Застрял вперед ушедший переулок
В ближайшем будущем.
Найди его.

О, расскажи о том, что происходит,
Когда не происходит ничего.

1977

* * *

Мне кажется, что этот год
Все от меня скрывает.
Певец скрывает, что поет,
А птица — что летает.

Как будто выключили звук:
Одно изображение,
Но и оно живет вокруг
Без самовыраженья.

Мне кажется, что, как родня,
Деревья в дождь осенний
Скрывают слезы от меня
Из добрых побуждений.

1977

* * *

Как много зонтиков... Но где же твой?
Смотрю с балкона.

 День такой сырой,
Так моросит незримо. словно крыши
Влажнеют просто сами по себе.
Кружатся зонтики. Я вижу свыше
Живой цветник.

 Но мне не по себе.
Так много зонтиков... Но где же твой?
И пуст балкон. И день такой сырой,
Но так красив их разноцветный танец.
Закат на тротуар наводит глянец...
Ну вот и все. На темной мостовой
Поисчезали зонтики...

 Но твой?

1977

* * *

В час, когда щебетали карнизы
Посреди глубочайшей зимы, —
Как намеки, зарюки, эскизы,
Неожиданно встретились мы.

Повела ты нечаянно бровью
На карнизы, а не на меня.
И сверкнула зима в Подмосковье,
Как лазурь миновавшего дня.

Оказалось, что вьюга во гневе
Не обрушится миг погоды...
Но разводят ветвями деревья,
За твоими следами следя.

И стоит в снеговом оперенье,
Опершись о сырой палисад,
Уподобленный белой сирени
Или белой акации сад.

1977

ЯНВАРСКИЙ СЛОВАРЬ

Припороши́т, а не припоро́шит,
Заворожи́т, а не заворо́жит.

Сяду-ка я на дерево-лошадь
И поскачу в настоящий словарь.
Сбросит она меня в раннюю тень,
Если хлестну удареньем не тем.
Запороши́т меня, не запоро́шит
Русского леса словарь, как январь.

Не отняла́, я скажу, а отня́ла,
Не забрала́, я скажу, а забра́ла,
На́чала, вымолвлю, не нача́ла, —
Сбросит меня, закусив удила.
Но воротится, а я прошепчу:
— Я ведь шучу с тобой и не шучу.

Не заноси надо мною копыта —
В сердце ударь, а оно не убито.
В сердце ударь (мой язык — государь),
Вечного русского леса словарь.

Ведь ударенья иного промашка
В слове как пуля, засевающая тяжко.

Не заноси надо мною копыта —
В сердце ударь — и оно не разбито!

Ведь зацветет под ударом ромашка,
Горькая рожь и медовая кашка.
Дерево-лошадь, неси меня вдаль,
Где кочевал забывчивый Даль.

Лишь потому, что словам и деревьям
Надобно жить под своим удареньем,
А ударенье как прикосновенье —
Нежное, верное, не без смиренья...

1977

ЗИМНЯЯ ТЕНЬ МУЗЫКАНТА

Деревья стоят наподобие дек...
Какой одинокий пустой человек!

Идет поздним вечером он от меня,
Сквозь хлопья клюкой, точно я, семеня.

Идет он, холодный большой музыкант,
Ничем не заполнивший дивный талант.

Гляжу я в окно на него одного.
Он друг, а не знать мне о нем ничего.

Идет в одиночку, расставшись со мной.
Одни фонари у него за спиной.

Чего он боялся, отныне седой,
Свободы зеленой, любви молодой?

Чего опасался он больше огня?
Белейшая ночь вместо черного дня.

Деревья стоят наподобие дек,
На них опадает задумчивый снег.

Шагает, морозом и ветром гоним,
И тень, как собачка, бежит перед ним...

ЗИМНЯЯ ЗВЕЗДА

Темное утро бело —
И от земли, и от неба...
Улица. Нет никого,
Кроме деревьев и снега.

Но мне послышался всхлип...
И я метнулся на всхлипы.
А это стареньких лип
Были январских скрипы.

Инея хрупкая вязь.
Веточек полусплетенье —
А на душе ощущение,
Словно звезда родилась!

Это рождественский снег
Между ветвей не тает...
Кажется, что человек
Должен вот-вот появиться.

1977

* * *

Марианне

Я вас люблю всей тенью
Сугробов и ветвей,
Как робкое растенье
Домов и фонарей.

Я вас люблю мельканьем
Полузажженных фар,
Полусожженным зданьем,
Которое как дар.

И телефонной будкой,
Откуда вас прошу,
И синей незабудкой,
Что при себе ношу.

Я вас люблю ветвями.
Я вас люблю пешком.
И теми тополями,
Что живы под снежком.

Я вас люблю трамваем,
Идущим не туда,
Которым убегаем
Куда-то иногда.

Я вас люблю как радость,
Что, не побыв, была.
Синицей, что как градус
Нежданного тепла.

Я вас люблю громадой
Загаданных домов
И маленькой отрадой
Старинных теремов.

Я вас люблю глазами
Оледеневших лип,
Заборами, углами —
Где улочек изгиб.

Вас не считая хлебом
Придуманного дня —
Я вас люблю всем небом,
Какое у меня.

1977

* * *

...Но мою любовь не берегли
Ни подруги, ни друзья мои.

Оговаривали. Как родня.
Так любили, видимо, меня.

Не грозил я им: ужо, ужо!
Потому что это хорошо.

Потому что мы теперь одни.
Пусть любить поучатся они.

Потому что — мы теперь вдвоем,
Лучше встретим, лучше сбережем...

1977

* * *

Я никогда не думал,
Что ты меня найдешь.
Я прятался в деревья
И превращался в дождь.

Вмуровывался в стены
И выходил из них.
Вмуровывался в стены
И выходил из них.

Я подходил к скамейке
И созерцал цветы.
И уходил. Но тут же
Там появлялась ты.

И выпивал я залпом
И плеск, и звон стекла
В том доме, где внезапно
Ты только что была.

Я найден. Но, родная,
Я думаю опять:
Ты прячешься. Не знаю,
Где мне тебя искать.

1977

* * *

А музыку я оставлял на потом,
На позднюю молодость в доме пустом,
На позднюю молодость, на иногда.
Где многое выключено навсегда.

А музыку я оставлял на потом,
Я думал, что с нею останется дом
Часы коротать да растягивать век
Под музыку, словно под ливень и снег.

На завтра ее оставлял, на вчера,
На те ожидающие вечера,
Когда нам известно, что снова никто
Опять не придет, несмотря ни на что.

Но стол расцветает, как зелень зимой,
То, снег отряхая, приходит домой
Она, наполняя дыханием дом,
Которую я оставлял на потом.

Приходит как запах снегов и цветов.
Приходит, а я, как всегда, не готов.
Не знаю, что делать, не знаю, как быть,
Не знаю, как мне о себе позабыть.

Ведь музыку я оставлял на потом,
На позднюю молодость в доме пустом.

* * *

Что такое поэзия? Мне вы
Задаете чугунный вопрос.
Я как паж до такой королевы,
Чтобы мненье иметь, не дорос.

Это может быть ваша соседка,
Отвернувшаяся от вас.
Или ветром задетая ветка,
Или друг, уходящий от вас.

Или бабочка, что над левкоем
Отлетает в ромашковый стан.
А быть может, над Вечным Покоем
Замаячивший башенный кран.

Это может быть лепет случайный,
В тайном сумраке тающий двор.
Это кружка художника в чайной,
Где всемирный идет разговор.

Что такое поэзия? Что вы!
Разве можно о том говорить.
Это — палец к губам. И ни слова.
Не маячить, не льстить, не сорить.

1978

* * *

Куда ни посмотришь, везде
Следы твоего пребывания —
На камне следы, на воде,
На улице и на диване.

На письменном этом столе
Забытая шпилька. А рядом
Следы на осенней земле,
Следы за оградой и садом.

Куда ни посмотришь, везде
Следы твоего пребывания —
На дереве и на звезде,
На страхе и на упованье.

Я снегом земным становлюсь,
Что в оттепель очень некрепок.
И снова морозу молюсь,
Что снял с них хоть маленький слепок...

Лишь стих, словно возле беды,
Мне шепчет победно и бедно:
«Следи — оставляет следы!
А ты исчезаешь бесследно».

* * *

Что-нибудь о России?
Стройках и молотье?..
Все у меня о России,
Даже когда о себе.

Я среди зелени сада
И среди засухи рос.
Мне непонятна отрада
Ваших бумажных берез.

Видел я, как выбивалась
Волга из малых болот.
Слышал, как песня певалась
И собиралась в поход.

Что-нибудь о России,
Стройках и молотье?..
Все у меня о России,
Даже когда о тебе.

1978

* * *

Я никому сегодня не открою,
Не отворю.
Я славою бессмертною покрою
В своей душе фамилию твою.

Я отвечать по проводу не буду.
Да и писать не буду ничего.
Я на сегодня целый мир забуду,
За исключением мира твоего...

Я выхожу в уме в твое пространство.
Я выхожу при запертых дверях.
Как неуверенность, как постоянство,
Все так найдя, как будто потеряв.

Я отвечать по проводу не буду.
Я и писать не буду ничего.
Я на сегодня целый мир забуду,
За исключением мира твоего.

Он невзначаян, он пришел оттуда,
Где есть у снега только чистота.
Где чудо есть не выдумка, а чудо
И где травинка каждая чиста...

Мне все равно, что мгла чужих смятений
Летит сквозь липы, фарами слепя...
Есть на снегу летающие тени.
Я знаю, тени эти от тебя.

1978

ЗИМНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЬВОВСКОМ КЛАДБИЩЕ

Ничего такого. Просто
Непредвиденный минор.
Незнакомого погоста
Полустертый разговор.

Я зашел сюда случайно,
Красоты я захотел,
Снега маленькую тайну
Увидав — оторопел.

Ничего такого — просто
Непредвиденный минор.
Незнакомого погоста
Полустертый разговор.

Здесь лежит, возможно, гений,
Неугаданный меж них:
Остановленных мгновений —
И прекрасных, и любых.

Красоты хотел — не жалко.
Это — плиты. А не сад.
Здесь одни лежат вповалку,
А другие — в ряд стоят.

Ничего такого. Просто
Красной кровью залита
Белоснежного погоста
Вертикальная плита.

Здесь лежит в деревьях местных,
Жив в церквах без лишних слов,
Самый, может, из известных
Неизвестных мастеров.

Здесь, белея и алея,
Просто память, просто мы...

Просто черная аллея
В белом трауре зимы.

1978

* * *

Жизнь прошла. И как перед началом
Новой — даже страшно произнести —
Обещанье счастья прозвучало
В воздухе, как тающая весть.

Это был какой-то новый город,
Где совместно осень и весна.
Ветер брал, как в юности, за ворот,
За углом мерещилась она.

Было все до ужаса знакомо,
Вплоть до снега, листьев и дождя.
Но нашел я только номер дома,
Самого подъезда не найдя.

Отчего же я не поразился,
Что в минутной вечной тишине
Совершенно юным отразился
В навсегда исчезнувшем окне...

1978

* * *

Я в дом вошел, оставив снег в полете,
Подумал: как же быть теперь со мной?
И не молчать на милом повороте,
И ничего не говорить в расчете,
Что кто-то медлит, стоя за спиной...
О вас я думал...

А из-за ограды,
Чьи кружева белели тяжело,
Уже морозом и ветвями сада —
Бессмертным тленьем вечности несло.

1978

* * *

Еще лет десять буду молодым,
Уж постарюсь.
Быть белым, как черемуха, седым
Не постесняюсь.

Еще лет десять буду молодым,
Хоть все содею.
И даже если, как метельный дым,
Не поседею.

Еще лет десять буду молодым.
За эти годы
Я расскажу праправнукам своим
Про все погоды.

Про все обстрелы, про Москву-реку,
Про дни и ночи...
Нельзя же быть мне на таком веку
Себя короче.

1978

* * *

Ты от меня отвернулась, как мир,
Что до тебя был и дорог и мил.
Как все деревни и все города,
Ты от меня отвернулась тогда.

Как все деревья, кусты и цветы,
Так отвернулась тем вечером ты.

Но вне сравнений, метафор и троп
Мир, окунающий в жар и озноб,
Не отвернулся, как ты, от меня,
Просто дождался и утра и дня.

Он ведь не знал, что, мой милый кумир,
Ты от меня отвернулась, как мир.

1978

ЧУТЬ-ЧУТЬ ЕСЕНИНСКОЕ

Синь да облако... Сияя,
Лес таит свои пути.
Это Русь моя родная –
Углич, Тверь, Москва, Путивль...

Лес, рябинами разгрозясь,
Предлагает свой размах.
Я ведь знаю, отчего здесь
Ключья сена на ветвях.

Это узкие проселки,
Где проехали года.
Это ели, это елки,
Новогодние всегда.

Над рекой стоят чертоги,
В чистом инее мосты.
Я ведь здесь не по дороге,
Не до дня, не до черты.

Я ведь все-таки крестьянин,
Если глубже поглядеть.
Я большой любовью ранен:
Хлеб, земля, железо, медь.

Храмы, белые от стужи,
Розовые от зари,
Невысокие снаружи
И огромные внутри.

1978

ПОСЕЩЕНИЕ

Я ждал тебя на улице, в метро,
В монастырях с огромными глазами.
Я ждал, на медь меняя серебро,
У телефонных будок. Ждал часами
(И между часовыми поясами),
Как в юности, когда не знаем сами,
Куда звонить, где зло, а где добро.

В минуту давнюю, не дорогую,
Глаза случайным блеском ослепя,
Я ждал тебя, когда я ждал другую,
Возможно, где-то около тебя.
А ты в порывах ветра и сирени
С другим стояла, выйдя на крыльцо,
И, может быть, все медлила в смятенье
И молча думала: не то лицо.

1978

ИНТИМНЫЙ СОНЕТ

Опаловое море. Карадаг.
Скала с тяжелым профилем поэта.
Весна слегка показывает лето
И даже осень, если полумрак
И полудожь. Надоедает это.
И кто-то пьет, как списанный моряк,
Безделье коротая кое-как
В бесплодном ожидании корвета.
На набережной пусто. Все тела
Лежат на пляже. Нету для сонета
Здесь тезы с антитезой. Грустно это.
Вот, Марианна, каковы дела.
У каменного попроси поэта
Сонет с прибором. Он и так скала.

1978

* * *

Если песенку не затевать,
Не искать у нее утешений,
То куда мне, живому, девать
Груз невыясненных отношений?..

У одной не спросил: отчего,
Почему так печально молчала
В час, когда ни с того ни с сего
Все начать захотела сначала.

У другого — того, своего —
Не спросил: что же все-таки было?
(До сих пор я не знаю, кого
Ты любила тогда, не любила.)

Если песенку не затевать,
Не искать у нее утешений,
То куда мне, живому, девать
Груз невыясненных отношений,

Что поделать, когда о любви
Скажут вам как ни в чем не бывало:
Засвидетельствуй, не утай,
Дай словесный портрет идеала.

* * *

М. Е. Р.

По следам прошлогоднего солнца
На страничке забытой моей,
Что желтела, томясь у оконца,
Из-за нас, а не из-за лучей,

Я пошел по следам за двустижьем,
Что оставил тогда навсегда...
И застыл перед желтым затишьем,
Где под липами стыла вода.

В жизни есть и другие подарки,
Но я там загрустил: где же ты?

В этом стареньком маленьком парке
Со следами бывлой красоты...

1978

* * *

Однажды я назвал себя поэтом.
Случайно как-то вырвалось...
Потом
С большим неудовольствием об этом
Я вспоминал...
Об этом и о том,
Что про октябрь,
Когда в осенней роще
Витают очень желтые листья,
Сказать:
— Люблю, как Пушкин, —
Много проще,
Чем так любить,
Как любишь только ты.
Что ничего не скажешь в оправданье
В те недоступно будущие дни,
Когда найдут старинное издание
И усмехнутся...
Боже сохрани.

1979

* * *

Лихославль — это город полей,
И лесов, и снегов, и дождей.
Лихославль — это пригород льна,
За которым большая страна.

Лихославль — это в древнюю Тверь
Потаенно открытая дверь.
Отмахнись от пчелы и войди.
Там увидишь, что все — впереди.

Лихославль — это город такой,
Не забывший о славе лихой,
Но живущий среди тысячи слав
Лихославль, Лихославль, Лихославль...

Он у танкера есть на борту.
Он светильники шлет в темноту.
Я люблю эту землю свою,
У которой всегда на краю.

Потому что тоскую по ней
Среди множества улиц и дней,
Потому что я свой человек
Там, где в озеро падает снег,
Где колодезный кличет журавль:
Лихославль, Лихославль, Лихославль!

* * *

Большой зимы строительный каркас.
Как церковь, блещет башен арматура.
И плотный снег лежит, слегка лучась...

Что Марианна делает сейчас?
Она ведь не абстрактная фигура.

Когда она по улице идет,
К ней, точно хлопья, взгляды прилипают.
Я понимаю их косою полет
И как летят они, как отлетают.
Она неслышно вышла за порог,
На белый мох ступает под ветвями.
Летит как вздох от губ ее парок.
Я не могу поймать его губами.
Куда идет она?

Не все ль равно...

Она идет по свету — вот в чем дело!
На дерево взглянула — и оно
Уже не выглядит осиротело.
Сквозь чад, сквозь городское бытие
Ее ведет поющая тропинка.
И бриллиантик в перстне у нее
Как на ветру застывшая слезинка.

Вдруг останавливается. Глядит:
Висят сосульки трубами органа.
И, улыбнувшись мельком, вновь спешит.
А здесь каркасы, тонкие на вид.
Сквозь арматуру
 даль полей летит...
Куда идет сегодня Марианна?

1979

* * *

Окно с обнаженной натурой
Возникло.

 Я деревом стал
И залюбовался фигурой,
Как будто на век опоздал.

Ключицы и груди глядели
Внимательно в сумрак седой.
Но вдруг отреченьем модели
Дохнуло от девушки той.

Свою ощущая свободу,
Красивый такой человек,
Как в зеркало,
 смотрит в природу,
В деревья,
Карнизы
И снег...

Но в тайном ее направленьи
Под маленький шелест пурги
В недалеком уже отдаленьи
Послышались чьи-то шаги.

И я, отмахнувшись от строчек,
Что складывались в этот час,

Скатал белоснежный комочек
И бросил в окно.
Свет погас.

И я не познал, в чем тут дело,
Что в это мгновение чту,
Какая ревнивость велела
От глаз утаить красоту.

И, хлопьями, как похвалами,
Осыпанный, шел я домой,
И девственный снег над домами
Витал, как над улицей той.

Я шел по дороге туманной
И думал светло перед сном
О девушке о первозданной
За венецианским стеклом.

1979

* * *

Да, вот такие же, как ты,
Мне не дали добредить в юности,
Все выпрямляя до черты
И округляя до округлости.
Вы закругляетесь теперь,
Но что мне делать с той

сиреновой

Ордой, ломившеюся в дверь, —
А я захлопывал переднюю.
Стремясь себя в проулки

вытеснить,

Поскольку был не чем иным,
Как клеветою на действительность.
Все выдержал, любовь любя.
Но — хоть скажи в свой час

шагреновый:

«Я выкорчевал тебя,
Исчадь ада, — куст сиреневый».

1979

ПИЦУНДА

Простая добытая строчка,
Упавшая на берегу,
Терзала меня в одиночку:
Ищу, а найти не могу.

Глазастые камни моргали
На вытянутом берегу.

Дельфины уже помогали,
А я все найти не могу.

Искал и искал эту строчку
И в море, и на берегу.

Но время поставило точку —
Я жить без тебя не могу.

1979

* * *

Если была у меня любовь,
То это ты, Москва.
Рифму старинную вновь и вновь
Мне говорят слова.

Если была у меня тоска,
То по одной тебе,
Время единственное – Москва,
Сердце, судьба в судьбе.

Если когда-нибудь я умру
Так, что меня сотрут
Вместе с фамилией, как муру,
Чьи-то стихи и труд,

Ты моим именем будешь, мы
Все уместимся в нем,
Все наши нежности и умы
С холодом и огнем.

1979

СЮЖЕТ

ПОЭМА

Вот вам конспект
лирической поэмы.

Песочек, отмель возле глубины.

Любовь к искусству...

Остальные темы
из отдаленья к ней подключены.

Пока бродил я в поисках сюжета,
не зная, как мне быть
с моей душой,

которая была со мной и где-то
и все еще хотела стать большой,
растаяла зима, а это лето...

Оно горело. И паленым пахло
и в доме, и на улице любой,
как с отдаленных торфоразработок.
Все колыхалось: люди и дома.
Припоминалась лютая зима.

Я думал о Каире. Магадан
переместился в полушарьях мозга
туда куда-то... За меридиан
жары... Слепила южная известка,

как снег...

Мороз,

как солнце,

обжигал.

Мне это все

тем лучше представлялось,

что не был я ни там, ни там.

Хотел,

да как-то все никак не удавалось.

Так горячился я и холодел

(а почему, скажу об этом ниже),

что из Москвы

никак не уезжалось.

Жара была в разгаре. Пух летел,

как мухи белые.

Короче, я

жил в отпуске меж севером и югом

и оба полюса носил в себе.

Художник был по складу

общим другом.

И, в общем, жил вначале так себе.

Тот переулок назывался Вспольным.

Он к Патриаршим вяло вел прудам.

И о художнике я вяло вспомнил,

поскольку жил художник

где-то там.

Я думал:

как бы он изобразил

пустую улицу, дрожащий воздух,

больших домов коротенькие тени

и тротуар, снимавший отпечатки

с мужских подошв

и дамских каблучков?

Или закат в невиданном Каире,
что отразился на твоём письме
о переходе синего в лиловый,
а дальше в красный,
с выходом в полнеба,
напоминавший о Сахара-сити,
где чуть пониже зарева стояли;
о пальмах и о бомбах, о домах...

В сорок четвертом, помнится, году
мы в Исторической библиотеке
с ним познакомились у картотеки.
Потом здоровались. Но на ходу.
Когда же рядом заняли места,
он, что-то полистав,
заметил хмуро,
что передвижники — литература,
а живопись — «Явление Христа».

Тогда нам было
по шестнадцать лет.
Мы занимались в юношеском зале.
Совсем не то, что на дом задавали,
читали и художник, и поэт,
скрывавшие от мира гениальность
и двойки — от усталых матерей.
Меж тем как вьюги
жесткая реальность
нас поджидала около дверей.

Кудрявый, с дымно-серыми глазами,
как бы размазанными под бровями
или заплаканными, но без слез,
худой, как все мы,
небольшого роста,

чем ты действительно
живешь и дышишь,
о чем в уме
мучительно ты пишешь,
еще не в праве
стать перед холстом.

Чужой талант, прости,
прости меня,
но знаю я: в сумятице безмерной
божественная дивная мазня
рождает тело красоты бессмертной.

Я знал, что без него не обойдусь,
а почему, хотя и знал,
не ведал.

«Ты послан небом! Я тебя боюсь.
Я думал о тебе. Уже обедал?»

Он думал обо мне... Забавно это,
как совпадает... нечто, иногда...
— Да вот шатаюсь в поисках сюжета...
— Нет аппетита? Это не беда.

Что смотришь? Побелели, поредели
все эти кудри, честь главы моей?

Ты должен мне помочь. —

Мы рядом сели.

Мы не сидели рядом столько дней.

Мы не сидели рядом столько лет.

Но все же что-то знали

друг о друге.

Жару пронзил

короткий посвист вьюги.

Гром прогремел

за посвистом вослед...

Поежась, он спросил меня:

— Сюжет?

Ты шутишь или нет?

— Какие шутки! —

Я отвечал.

— А я вторые сутки

вот тут сижу с утра и дотемна.

Все жду, когда покажется она.

— А по ночам что делаешь?

— Не сплю.

Писатель ждет уж рифмы?

Да! Люблю.

Минуло славное десятилетье,

на душу населения миллионы

процентов стали или чугуна

понарастали.

Я же — весь в дубленках,

кримпленах,

замшах и магнитофонах —

все так же ниц душой,

гол как сокол,

поскольку нет мне моего процента

любви...

— Ты слабо шутишь...

— Не шучу.

Ты мне ниспослан.

Как во сне дурном,

который может оказаться в руку. —

Он замолчал,

прислушиваясь к звуку:

троллейбус шиной бил,

как метроном.

— Так в чем же

должен я тебе помочь?

— Вернуть Марию, —

он ответил тихо. —

Вернуть Марию...

Десять лет назад

она ушла в какую-то пустыню.

Вернуть Марию...

Что за тишина!

Молчал бульвар,

безлюдный от жары.

Молчала тень деревьев

над скамейкой.

Молчали даже крики детворы,

игравшей на песке

с садовой лейкой.

Беззвучно за оградой прошуршал

троллейбус...

— Тысячу сюжетов!.. —

ворвалось в уши. —

Знаю, вас, поэтов.

Ведь маешься? Читай, что написал.

Я разовью. Ну что там у тебя?

То ль он хотел

вниманьем удружить,

то ли, расчувствовав,

расположить...

Я прочитал написанное выше,

кончая строчкой «я тебя боюсь».

— Ты пишешь обо мне? —

Я промолчал.

— Да нет. Не знаю...

О себе... О ком-то...

Или о чем-то. Скажем, о погоде!..

Он рассмеялся.

И, демонстративно
понюхав воздух, пальцем покачал:
— Паленым пахнет!

Жаль — другое время.
Какой подтекст бездарно пропадает!
Ну а Каир при чем?
— Я сам считаю,
что ни при чем.

Но если друг родной,
тем более она, там годы тратит... —
Так я и помянул его: мол, хватит.
Трать время на меня или со мной.

— Я рад. Эгоистические нотки!
Сближение с действительностью.

Но

не выпьем ли

пока по рюмке водки,
а там продолжим общее кино?
Не отрешайся. И — не имитируй!
Пошли ко мне. —

И мы пошли к нему.

Он был подавлен

собственной квартирой.

Холсты один стояли к одному.
Одна к другой старинные картины
висели на торжественных крюках.
Бессмертностью тончайшей паутины
сквозило время в лицах и руках...
(Закатов, зорь

божественные штампы.

От смены их не я один устал.

Бессонница и у чуть теплой лампы,

и у подушек, и у одеял.

Поскрипывает пол и спинка стула.

Глядят портреты, не смыкая глаз.

Когда б сейчас

в глаза ты мне взглянула,

то как об угли б, верно, обожглась.

Но ты не взглянешь,

ни завтра, ни сегодня. Никогда.)
не придешь сюда

– Силен метраж? И знаешь, я один.

Была... одна... Я еле откупился.

Одной из лучших, может быть,

картин.

И то, я думаю, поторопился.

Давай не будем больше

об искусстве?

– Мы об искусстве и не говорим...

– Нет! Говорим! Все время.

Не без грусти,

давай, не выпив первой, повторим. –

Он прошептал:

– Ведь первым ты заметил,

что у Марии не лицо, а лик.

Поможешь мне? –

Я снова не ответил.

– Я знаю, где живет она, старик!

Она вернулась. Год назад.

Не важно,

одна ли, с кем-то. Это чепуха...

А важно то,

что действовать отважно
уж не могу. А ведь умел, ха-ха!

А помнишь, как орали мы на льду
в сорок четвертом, кажется, году:

«Я к ветру в выученики пойду,
я у деревьев попрошу подсказки,
пусть мне расскажет ночь,
хоть на ходу,

откуда брать
единственные краски!..»?

Ты сочинил. Там дальше было...

— Стоп!

В чем должен я помочь тебе?

Яснее.

Мы все же

в семьдесят втором году. —

Я чувствовал, что, кажется,

краснею,

и вместе с тем я знал уже: пойду.

— Прошу тебя...

Вот адрес, телефон...

Нет-нет,

мой отключен за неуплату.

Каприз миллионера. Потрясен?

— Весьма. Я позвоню по автомату.

— Постой, присядем вот за этот столик...

(К стеклу прилипли круглые следы.)

Не думай, я еще не алкоголик.

— Да, не похоже.

— За твои труды!

Ушла, представь,

сравнив меня... со мной.

Со мной.

Тебе хоть что-нибудь понятно?

Из-под стекла настольного глядели
рисунки.

Интерьер пустой избы.

Три грации, как три официантки.

Или наоборот. Как хороводец...

Еще одна – высокий сарафан,
кокошник и рублевские глаза.

– Трактир?

– Ты прав. –

И многое в запасе.

Я знал, что это будет на ура.

Лазурь и охру замешав на квасе,
он с д е л а е т.

А мне домой пора.

Я заплутался

в этом странном часе.

– Нет, погляди – готический буфет!

Стоит костелом

в черно-тусклом блеске.

«Фарфор – музей»,

чего в нем только нет!

Вот только выпить даже чаю

не с кем.

– Ты сам не приглашаешь никого?

Или не ходят?

Кто же ты?

– Я скупщик.

Замечу в упреждение вопроса:

иконами не балуюсь. Но есть.

Она Георгия Победоносца

любила. У меня их ровно шесть.

Ты не спросил меня о мастерской.

Она витает на Тверской-Ямской.

Там паучки прелестные, голубчик.

Они творят, как маленькие боги.

Когда же солнце озаряет их,

то в черной рамке,

словно в некрологе,

на их ажуре тлеет мой триптих.
Рожденье. Жизнь. И смерть.

Верни Марию!

Ты вот что, правды и не говори,
чтоб от нее потом не отречься.
Ты ей скажи, что я художник.

Только.

Скажи, что я хороший человек.
Она тебе поверит. У тебя,
поскольку ты лентяй, есть ореол
кристальности и неподкупности...
Замолви полсловечка. Порадей
родному человечку. «Человек»
звучит, конечно, гордо. Я им был,
и я им стану

все-таки, голубчик. —

И протянул (губами к хрусталу): —
Я был художником.

Теперь я скупщик.

Я продал душу. Но я вас куплю. —
...Мне было жалко. Потому что я
прекрасно понимал, почти тоскуя,
что не на что ему меня купить,
что больше нечего ему продать,
что слишком много
денег и картин.

Что вся эта

коллекция покупок

в такой цене —

что ничего не стоит

в сравнение с мелочью,

с черновиком

или наброском, что не продаются.

Поскольку в голову-то не придет

приобрести оборванную фразу,
скрип колеса, погоду, стук часов,
невзгоду, паузу —

так не бывает!

Но что-то в мире маленькой поэмы
происходило. Что-то изменялось.
Мы оказались снова на бульваре.
Какой-то образуя микроклимат,
вокруг художника росли сугробы.
Горсть пуха тополиного в ладони
внезапно смялась в тающий

снежок.

Похолодало. Тополь сыпал снегом.
(Банальность,

что ли,

реализовалась.

Но если даже так. Давно пора.)
Во мне стояла тяжкая жара.

Из телефонной будки в отдаленье:
ку-ку, ку-ку — короткие гудки
как следствие нелепого поступка
неслись,

хотя была на месте трубка.

На трубке таял след моей руки.

Мой друг смотрел пытливо на меня —
по-королевски или по-собачьи.

Шел мелкий снег, куда-то семеня.

Туда, наверно,

где сдавались дачи

в предощущеньи будущего дня.

— Да. Вот еще. Нечаянно скажи,
но осторожно, не насторожи:

в особнячке, в Барвихе, помирает
«бомонд», осколок, тетушка моя.
Ее единственный наследник — я.

Я уходил, хоть все еще сидел.
День отсыревший каркал и гудел.
В трех кузовах зеленых,
рыхлясь, ехал
снег, как скульптуры абстракционистов,
но с жизнью больше связанный
по форме
и содержанью...

Около скамьи,
где мы сидели,
развивалась стройка
игрушечная, и довольно бойко,
из матерьяла влажного зимы.
Строителя не замечали мы,
смотря на то, что плыло за оградой.
— А все-таки, куда увозят снег? —
сказал четырехлетний человек,
задумчиво следя за кавалькадой.
— Я думаю, туда,
где в нем нехватка, —
сказал мой друг.
И маленькая складка
его серьезный лоб пересекла. —
А впрочем, я тебе не собеседник, —
пробормотал
единственный наследник. —
Такие, друг Горацио, дела.

Борца за правду нянька увела.
И то, что мы по-зимнему одеты,
и просьба диковатая его,

и этот снег,
и то, что за оградой
опять, качаясь дымкою, стояла
жара, — мне больше странным не казалось.
И это было странно. Мы молчали.

А женщина по имени Мария
шла по другую сторону бульвара,
где жаркий день стоял.
И вслед за ней,
ныряя, быстро бабочка летела.

Да. Мы любили женщину одну.
Он — откровенно, пышно, говорливо.
Я, к сожаленью,
слишком молчаливо,
боясь сказать,
нарушить тишину.
Но это было так давно,
что я
забыл
и улицу, и переулок,
и дом...
Забыл ее, как целый город
со множеством садов
и перекрестков,
цветов и птиц,
дождей и снегопадов...
Забыл, какие у нее глаза...

— Ну что же ты сидишь?

Беги за ней. —

Он тряс меня за локоть. —

Ну, скорее.

Я ждал такого чуда столько дней.

Прошу тебя.

Я на глазах...
Седею.

Я встал и вышел в лето.
Оглянулся.

Снег падал на изящный саквояж,
на куртку с отворотом из цигейки
белей сугроба около скамейки.

Снег падал на блокнот и карандаш.
А рядом, ногу на ногу закинув,
сидел, уставясь на носок ботинка,
другой... Едва я на него взглянул,
как воздух с силой взгляд мой оттолкнул:
с ним рядом я сидел!

Но я и шел.
Вослед витиеватому порханью
желто-лимонной бабочки спеша,
я шел сквозь солнечное колыханье.
Она была, как прежде, хороша.
Был у нее стремительный и мягкий,
слегка косящий,
но балетный шаг...

Но это было так давно,
что я
забыл и улицу, и переулок.
И дом.
Забыл ее, как целый город
со множеством садов
и перекрестков,
дождей и голосов.
Совсем забыл.

Но «мерседес»,
из воздуха возникший,
сформировавшийся из ничего,

был серебрист и холоден на цвет.
Но галстук-бабочка
был расторопен.

И с бриллиантом в запонке
манжета
услужлива была.
В одну секунду
за низкой дверцей
туфелька исчезла.

И растворилась в воздухе машина.
Растаяла.

Лишь бабочка металась
желто-лимонная,
кружась на месте,
взлетая, падая,
пока не села мне на рукав.
Тогда я понял все.
Она? Она! И все-таки...

Как жалко.

И это жизнь?

Ни холодно ни жарко,
так переимчиво существовать...
Не знаю я, что лучше:

торговать
все ж богомазом сделанной иконой
иль красотой, от Бога обретенной?

Но, пораженный просто красотой
(а то, что знал я, не было
ни сплетней,

ни выдумкой),
я шел к скамейке той,
спеша скорей покинуть
воздух летний.

Но я его, пожалуй, зарифмую.
Он — друг художника.)

Мой странный друг,
игрок на травке дедовских могил,
где Фил и Фоб

взаимно тратят пыл,
я твой покой кипучий не нарушу —
ты так увлекся

«расстановкой сил»,
что проворонил собственную душу,
о доблестях, о подвигах забыл.

Ты больше не рисуешь и не пишешь.
Ты только околичностями дышишь.
Ты позабыл,

что силы не в салонах,
а в синем небе и лугах зеленых.

Пешком почаще по земле ходи.

А огород — на даче городи.

И не мешай. Не впутывайся в снег.

А все же кто он, этот человек?

Нет имени ему. Он есть никто.

(Подножки ставит здорово зато.)

Он утопает в хлопьях,

как в минувшем.

В прорывах ветра — ветки и углы.

Москва, ты здесь!

Ты в фонаре мигнувшем

среди бела дня

как бы из той поры.

Я иногда кажусь себе мальчишкой,

случайно забежавшим в эти дни.

Ошибся часом. И прижился здесь.

А там еще не кончилась война.

И только б у д у т эти времена.

Москва,

ты старше и неизмеримо
мудрей, и выше, и моложе нас —
вслух и не вслух,

наглядно и незримо
беседующих в этот зыбкий час.

Он говорит:

— А все же те портреты

ты оценил эстетски.

Как-никак

все это лица наших работяг.

Они талантом, наконец, согреты...

— Но быть талантливым

ничтожно мало!

Любой подлог...

Но солнечная мгла

снег в сторону относит.

А со снегом —

скамейку и слова...

Стоит жара.

И движется жара.

Под блеклым небом.

Жара фантомы, видимо, плодила.

Чуть-чуть не натолкнувшись

на себя,

я в лето вышел.

Был, как час, неровен
асфальт

жарой колеблемого дня.

Какая-то заведомая сила

гнала с бульвара этого

меня.

— Ты хочешь, чтобы я тебе устроил

счастлирое стеченье обстоятельств?
Случайность хочешь организовать,
нанять божественное провиденье...

Я понимаю —

ты дошел до точки.

Но я еще до точки не дошел.
Еще меня мое тиранит время,
еще обоих нас

надолго хватит.

Мне, как свобода, нужен произвол
его минут, его доброт и зол.

Вернуть Марию! —

вот что ты

сказал...

Единственная правда

уст бесцельных.

Какой-то голос был и ускользал,
как полумысль
о далях запредельных.

Тот переулочек назывался Вспольным.
Пройдя сквозь Патриаршие пруды,
я снова вышел на него.

И вспомнил,

куда ведут обратные следы.

Арбатский двор

казался страшной далью,

тянул в себя глубокой синевою,
с необъяснимо юною печалью
в себя манил, как в омут головой.

Арбатский двор,

одетый в беспорядок

полувесенних тающих убранств,

был в поздний час

вместилищем загадок
и умопомрачительных пространств.

Там будущность бывала

с нами рядом,

у нас почти сбываясь на глазах.

Ее окликнуть можно было взглядом
и, словно книгу, ощутить в руках.

Когда свиданьем не было свиданье,
когда мы были все еще на «вы»,
он сотворял тебя из синевы,
и белизны, и влажного мерцанья.

Я должен наконец

прибегнуть к средству

простому, тайному, опасным небом
действительно подаренному мне.

Нет времени —

я должен снять пространство.

Я исключаю из пейзажа транспорт.

Чуть-чуть висит еще

железный грохот

грузовиков — но это на мгновенье.

И шелест шин с шипеньем исчезает,
и где-то тает крохотный сигнал...

Но на стоянках и на остановках

внезапно начинается разброд;

но я и этот шум, и толкотню,

поколебавшись, тоже исключаю.

Пустой под ярым,

ярким солнцем город.

(Теперь иди. Теперь входи.

Ты — здесь.)

Я должен снять заклятие с листа.

И разделить одно мгновенье
на два.

Немного страшно. Но рука чиста.
Я напишу. И это будет – правда.

Совсем не надо,
чтобы все всё знали.

Но не проговориться свыше сил
в присутствии бумаги и чернил,
каких бы я прощений ни просил,
как бы меня потом ни наказали.
Как будто замороженное, время
оттаивало... Капали секунды.
Твои глаза мерцавшие...

Твой голос,
он из второй действительности был.
А может быть, из первой,

что забыл,
но так внезапно вспомнил,
так припомнил,
как будто некий занавес приподнял,
как будто некое стекло протер,
как будто раму выставил.

Как будто
дверь отворил в с о с е д н ю ю –
минуту,

существовавшую как параллель
обыденному, явному, –
и вышел
на голос твой,
которого не слышал
за суетой влиятельной досель.

Несостоявшаяся шла метель,
несбывшаяся падала капель,

невоплотившееся воплощалось
 в глаза и хлопья, в руки и в ручки.
 Я стиснул пальцы влажные твои,
 твоих ресниц

щекой коснулся — и...
 как в пробужденье,

а не в забытьи
 все и расплакалось, и рассмеялось.
 Два времени одна связала нить.
 Долженствовавшее — имело быть.
 Несостоявшееся состоялось.

Я ничего придумывать не буду.
 Какая мысль у мысли может быть?
 О чем мечтает Истина?

Мария,
 душа моя, ты есть — и хорошо.
 А ведь сначала,

в первые мгновенья,
 я говорил на детском языке:
 две параллельные пересеклись...
 Я волновался, спрашивал:

«Но что же,
 но что же делать нам с тобой?

Что выбрать?
 Из двух минут, двух вечностей,
 двух линий

я умоляю: выбери мою.
 Там человек...»

Но что-то поправляло:
 пересеклись их сущности.

Мы — в точке.
 Мы в воздухе. Мы вместе.
 Здесь. Нигде.

— Да... Я всегда тоскую по тебе.

— Но разве там,

у вас... там нет меня?

Передо мной внезапная стена
возникла.

Трещинки, шероховатость.

Я в первый раз почувствовал тогда,
как может сердце

бесконечно падать.

Стена исчезла.

Я сказал: — Мария! —

И огляделся.

— Что? — она сказала.

Был дворик пуст.

Лишь первая трава

с анютиными глазками цвела.

Светило жарко солнце

в подворотне.

И я сказал:

— Мария, что со мной?

Я устаю — и снегом, и жарой,
и чьим-то домом быть, и человеком,
листочком зеленым на коре, корой,
спрессованным

в одну минуту веком,
секундой, убежавшей от часов...

— Ты жалуешься?

Разве это плохо?

— Вот лавочка, — сказал я, —

посидим?

— Нет, лучше друг на друга

поглядим.

Нет времени. Дай руку... —
И кольцо
надела мне на палец безымянный.
— А как же быть с художником?! —
Стена
передо мной. И за спиной стена.
И по бокам. Я поглядел на небо.
И снова двор. И звон. И тишина.

Она сказала:
— Ты такой же странный.
И хорошо...
— А как же быть со мной?

Стена, стена, что делать со стеной?
А день стоит все тот же за спиной.
И не стоит, а ходит. И смеется.
И говорит. И мечется... А я?
Я не успел тебе сказать, Мария...
Я не успел тебя спросить...
Стена!

Я долго шел,
скользя рукой по камню.
Он теплый был.
Наверно, в этом доме
высокие, подумал, потолки, —
и замер, взгляда не сводя с руки.
Кольцо исчезло,
но не до конца,
поскольку ощущение кольца
на пальце было и не проходило.
Я повернулся и пошел назад.
И подошел. И заглянул в ворота.
Мне показалось, улыбнулся кто-то.

О разнице во времени. Забыл?

— О разнице во времени?!

Послушай, —

я сам себе ответил, —

отдохни!

Рассыпья. —

Он рассыпался послушно.

И я увидел,

что идут о н и.

И многое другое я увидел.

Я увидел,

как мой двойник,

пытавшийся догнать

и возратить художнику Марию,

вошел в мой дом.

И почему-то видел,

как он ключи искал

по всем карманам,

как свет зажег и, голову склонив,

исчез над недописанной страницей.

Я видел,

как серебристый длинный

«мерседес»,

широким жестом

списанный в посольстве

и купленный

владельцем тех манжет,

что хлопотали около Марии,

пугая бабочку,

возник опять

на том же месте на моем бульваре.

И знал: недолго женщине стоять

одной на том же самом тротуаре.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

ЛЮБОВЬ К БОЛГАРИИ

1959-1980

СОФИЯ

I

По всем городским кварталам
Осенней мело листвой,
Листом золотистым, алым,
Пронизанным желтизной.
Под этим пестрящим танцем
Софийского ветерка
Я шел

и был иностранцем,
Не знающим языка.
О чем-то у продавщицы
Спросил по-болгарски я.
Задумалась продавщица.
Задумался с ней и я.
Но девушка в яркой блузке,
Стоявшая рядом с ней,
Сказала: «А вы по-русски.
Мы, может, пойдем скорей».

И как-то намного проще
Почувствовал я себя.
На улице, словно в роще,
Кружилась листва, рябя.
И вдруг, как порой сквозь слезы,
Увидел я сквозь туман:
Осенние шли березы

По улице Цар Шишман.
Они чуть качались в дымке,
И легкие ветерки,
Как добрые невидимки,
Сметали к листкам листки.
Стволов этих белых глянец...
Проталинки черноты...
Какой, к чертям, иностранец
На этих улицах ты!

Стихали в груди удары.
Мне часом казался миг.
Простите меня, болгары.
Я выучу ваш язык.
Он твердый язык и нежный.
В нем близкая нам душа.
На вашей земле зарубежной
Не чувствуешь рубежа.
Я в ваши успел влюбиться
Каштаны и тополя.

Хорошая заграница,
Болгарская ты земля!

II

В прозрачной осенней Софии
Под золотом южной луны
За тысячу верст от России
Мне снятся московские сны.

Мне снятся минута отъезда,
Некстати оборванный спор,
И дом, и рабочее место,
И вниз уходящий простор.

И вот я во сне пререкаюсь,
И воздух ладонью крою,
И думаю, и просыпаюсь —
И комнаты не узнаю.

А в окнах — софийское утро,
Бульваров манящий разбег.
Ах, как это, в сущности, мудро
Какой-то сказал человек

О том, что отечество — это
Не только пространство земли.
Оно и дома и рассветы,
Что трудно оставить вдали.

Оно и родимая крыша,
И помыслы наших годин,
И все, чем живет оно, дышит,
Чем дышишь и ты, его сын.

Наверное, все мы такие —
Солдаты, певцы и сыны.
...Под небом осенней Софии
Я видел московские сны.

* * *

Мне это надолго запомнится,
Как в жаркое горное лето
Увидел я речку Тополницу
Прохладно-зеленого цвета.

Она торопилась, веселая,
По камушкам да по песочку,
Счастливая и невесомая,
Как чья-то любимая дочка.

Карт колоду показывали
Из-под латаных шалей,
Карт настолько промасленных,
Очевидно,

с годами,
Что картошку, пожалуй,
Можно было бы жарить
На семерке, на тройке
И на пиковой даме.

Поздним летом в Копривштице
Появились цыгане
В шароварах, в жилетках.
Глаз белками блистали
И за ужином в городе
Ребятишек пугали:
«Проглоти – иль к цыганам!»
И дети глотали.

И действительно,
Как тут куска не проглотить,
Если рядом цыгане,
Эти страшные люди.
А одна из гадалок
К бабке кинулась: «Хочешь,
О войне погадаю,
Будет или не будет?»

«Да отстань ты! –
Старушка поежилась зябко. –
Что ты мелешь, проклятая...»
И дальше пустилась.
«Ой, накличешь ты горе
На сынов своих, бабка».
«Тьфу ты!» – плюнула бабка.
И перекрестилась.

А потом на Тополнице
Пять костров запылало.
Под деревьями тени
В желтом прыгали свете.
Город жил своей жизнью
Как ни в чем не бывало,
Лишь смотрели в сторону
Озабоченно дети.

...Я увидел их утром.
Два цыгана курили,
Молча сбрую чинили,
В кожу иглы вонзая.
Что их по миру гонит,
Где их родина в мире,
Как живут они,
Крова родного не зная?

Или всюду их дом —
Где трава и деревья?
Кто ж не любит простора!
Но по странному следу
Все идут они. Сядут.
И опять! И в кочевье.
И когда ж они все же
Наконец-то приедут...

Кто шатры убирал,
Кто сидел над тазами,
Молотком громыхал,
Да паял, да лудил их.
Дети голые шумно
На деревья влезали,
Мух цветами сгоняли
С грустных морд лошадиных.

А отцы их пестрели
На возах, под возами,
В свете утреннем
Выгляда совсем не зловеще,
И кричали друг другу
Дикими голосами,
Очевидно,
Совершенно спокойные вещи.

* * *

Владения камня.
Бесплодная тяжба гранита
С корнями деревьев.
Завидная близость зенита.

Молчание скал.
Неожиданный грохот потока.
Обвала оскал
И орел.
Он высоко, высоко...
Он точкою черной.
Он не жил ни в прахе, ни в страхе,
Парит отвлеченно,
Задумавшись о черепахе,
И в облаке тает...

А облако тенью свободной
Ложиться на камень,
Возвышенный и старомодный,
Над лапами сосен,
Над острыми шапками елей,
Он глыбы возносит,
Обдутые сонмом метелей.

Он полон достоинства.
Он еще, видимо, в силе.
Как чуждое воинство,
Сосны его окружили.

Их строй поднимается,
Ветви неся, как пищали.
И вдруг открывается
Древняя область печали:

Обломок вершины,
Развалины выступов горных
Лежат, как руины
Акрополей, некогда гордых.

Цветами обвиты
Кладбищенские перекрестки —
Надгробные плиты
И мемориальные доски.

Как мы тесаками,
Обвалы и ливни когда-то
На них высекали
Свои поминанья и даты.

Здесь копыя скрестили
Часы синева и ненастий
Над гибелью стилей,
Над прахом великих династий,

Свои поколенья
Обрывов и ветров гудящих,
Свое исчисленье
И дней и времен проходящих.
.....
Зеленая Рила*,

* Гора в Болгарии.

Я видел и скалы, и ели,
И все, что открыла
Ты мне за четыре недели.

Каменья, как троны,
На нет под лесами сходили.
Гайдуцкие тропы
Меня высоко возводили.

И взял я в мечтанье
В часы своего восхожденья —
Прекрасное зданье
Сложить из камней преткновенья.

Навек. Чтобы оное
Зданье как надо служило.
Чтоб вечнозеленое
Древо с камнями дружило.

...Я думал избегнуть,
Я думал забыться и кануть,
Внизу у подножья
Оставить нелегкую память.
Но нет человеку
Спасения от человека.

Две тысячи метров
Над уровнем моря и века.

КОПРИВШТИЦА

В Копривштице родился и похоронен великий болгарский поэт Димчо Дебелянов.

Копривштица встает перед глазами
И летними, горячими холмами,
И зимним снегом на сыром ветру,
И пеньем птиц январских поутру.

Мне в январе в Копривштице не спится.
Округлая желтеет черепица
Сквозь морозящий утренний туман.
Есть у тумана к путанице склонность,
Он — как неосторожная влюбленность,
Как отрешенность и самообман.

Я выполнил завет — прийти к поэту,
Которого давно искал по свету
И наконец-то все-таки нашел.
Я так хочу быть на него похожим
На языке и схожем, и несхожем...
Его удел был легок и тяжел.

Здесь путь его когда-то начинался,
Здесь он неожиданной музе подчинялся.
Ушел отсюда и сюда пришел.
Большие сосны смотрят исподлобья.
Я посетил старинное надгробье.
Мне легче стало.
Я его нашел.

Сейчас в Москве, наверно, много снега,
А здесь гремит булыжником телега,
Лошадка маленькая — цок-цок-цок.
Как у тебя, под окнами твоими,
Где тополя как будто в белом дыме,
Что ранний ветер с веток сдуть не смог.

С горы, где я живу, весь город видно,
Мне хорошо, но все-таки обидно,
Что не могу я сразу рассказать
О том, что вижу, и о том, что снится.
Вот так, в любви не в силах объясниться,
Не может человек двух слов связать.

Копривштица выходит из тумана,
Как будто из старинного романа
Гравюра знаменитого письма,
Чернея на легчайшем белом фоне...
А воробей, присевший на балконе,
Все облетевший ветви и дома,
Как жизнь сама — пиши иль не пиши, —
Чирикает, как хочет, от души.

СТАРЫЕ ЦЕРКВИ

Я вовсе не Божий угодник.
Но даже в немногих словах
Хочу рассказать я сегодня
О старых болгарских церквах.

Я к ним подходил,
 к обветшалым,
И был удивлен неспроста
Их ростом,
 приземисто-малым,
И маковками без креста.
Иная с крестом —
 но оградой,
Как надо б,
 не окружена.

И кажется с первого взгляда
Невзрачным домишком она.

У них необычная слава.
Их навзничь валили бои.
Болгарам пророки ислама
Внушали каноны свои.

Постройку церквей запрещали.
Сносили.
Расплатой стращали.
А церкви нет-нет и рождались.
Но, чтоб сохранить высоту,
Они в глубину зарывались,
В земную,
 в родимую ту.

Церквушки невидные эти,
Две трети тая под землей,
Казались пониже мечетей,
А были повыше иной.

В тиши векового предела
Я думал о святости ран,
О душах,
 что выбить из тела
Не смог никакой ятаган.

В церквушках-то вовсе не глухо
Сказались характеры те.
Я думал о стойкости духа,
О верности
 и высоте.

* * *

Мириадами глаз глядели
Небеса...
 А у древних стен
Отдыхающие галдели,
Под ногами песок хрустел.

Даже мгlistую ночью светлый —
Камень памятника крутой.

И словами почтенья павших,
За свободу насмерть стоявших,
Зазвучавшими в тишине,
Говоря о них,

отдышавших,

Обращался он сам ко мне.

А кругом оживали зданья,
Становились тени людьми.
И навстречу мне шло преданье,
Громяхая всеми дверьми.

Шло и в счастье своем и в гневе,
Средь торжественной тишины.
И светились на мгlistом небе
Звезды первой величины.

ЯНВАРЬ

Б. Божилу

Идет московский снег в Софии
Вторые сутки напролет,
Как будто лебеди большие
Вершат свой вечный перелет.

И отдыхают, и взлетают.
И перья белые роняют.
Идет московский снег в Софии
Вторые сутки напролет.

Идет в Софии снег московский.
(Как без меня ты там, Москва?)

Идет на улице Раковский,
На Добруджа, дом № 2.

Сугробы белые спадают.
Сугробы белые взлетают.
Идет в Софии снег московский,
Касаясь щек едва-едва.

Метелей белые чащобы.
Наутро новые сугробы,
Как лебеди, как журавли,
Взлетят в искрящейся пыли,
Крылами белыми шурша,
Как дружбы чистая душа.
Проснусь в Москве.

В той синеве
Взгрустну как будто бы впервые:
Софийский снег идет в Москве...
Московский снег идет в Софии.

ШИПКА

Г. Джагарову

Я был болгаринoм полгода.
Текла весенняя вода.
Шумела южная природа
О том, что это навсегда.

А шли в душе дожди косые,
И начинался листопад...
Вдали от пристальной России
Любой березке был я рад.

Писал: на Шипке все спокойно.
И все спокойно было там.

Ведь все отъявленные войны
Мы не влачили по пятам.

Легли и ново, и старинно
За этих девочек и птах.
И Казанлыкская долина
Вся встала в розовых цветах.

И встал народный,
 а не царский,
И опаленный и святой
На высоте орел болгарский,
Из русских пушек отлитой.

При чем тут рифмы, если розы
Мне дарят девушки легко
И эти здешние березы
От наших так недалеко.

Я жил в Болгарии великой,
Я как птенец ее парил.
Цветы долины Казанлыка
Бургасским девушкам дарил.

Мне и российская природа
Напоминает иногда:
Ты был болгаринoм полгода —
Наверно, это навсегда.

* * *

Все нарисовано мокрыми красками
В зимнем окне.
Значит, весна с торопливыми сказками
Веет во мне.

Я удивляюсь ее беззаботности —
Так, впопыхах
Нарисовала себя на снегах
Каменной плотности.

Может, и ветер с неожиданными ласками
Будет ко мне.
Все нарисовано мокрыми красками
В зимнем окне.

1980

* * *

Говорим, что будет завтра?
Есть ли прошлому предел?
Над молчанием внезапным
Тихий ангел пролетел.

Погоди,
Побудь,
Помедли,
Молча что-нибудь скажи!
Нет. Опять свиваем петли
Правды,
Морока
И лжи.

1980

ША НУАР

От мороза с его причудами
Я бегу...
Уголек с двумя изумрудами
На снегу.

Я котенка беру за пазуху
И — домой...
Вытер все мороз сухо-насухо
Белизной.

Поднимаюсь —
ярус за ярусом.

На, бери!
Ты глядишь на нас страхом яростным
У двери.

Ты темней его, несмышленного,
И сильней,
И глаза у тебя зеленого
Зеленей.

От мороза с его причудами
Я бегу.
...Уголек с двумя изумрудами
На снегу...

* * *

Итак, тоска.
Перебираю дни,
Как фотографии, поодиночке.
Никак не складываются они
В жизнь, прожитую ради строчки.
Я их раскладываю, как пасьянс,
Необстоятельно и неумело...
Вот этот день — как старенький романс,
В котором чья-то грусть не устарела.

А этот день — огромный парус пыли!
Как отзовутся новые умы
На то, что, флаги взвив над Волгой, мы
Часть Жигулей в машины превратили,
Укоротив прекрасные холмы.
Возможно, будут им тогда смешны
Пленяющие нас автомобили.
Поймут ли нас?
Я думаю, должны...

Пусть мания величия ни тенью
Меня не задевала, но во сне
Я все же вздрагиваю от виденья,
Что целый мир в претензии ко мне.

Хочу ответить — не хватает слов.
Мысль обрывается до безрассудства.
Я просыпаюсь, и такое чувство,
Что изменил я множеству стихов.

1980

БОЛЬНИЧНОЕ ОКНО

Осточертевший пейзаж за окном
Выдержан и хладнокровен.
Сер, неподвижен и ночью и днем,
Сам по себе невиновен.
Я любовался им, но на меня
Ныне от смертной тощици
Мрак наползает средь белого дня,
В руку сует топориче.
Тополь стоит по колено в воде —
Всю вырубаю аллею.
Дуб возвышался к зеленой звезде,
Я и сирень не жалею.

Напрочь и намертво — всю красоту.
Я не рожден для больницы,
Пусть убирается все в пустоту —
Все эти ветки и птицы.

Все эти липы беру в топоры,
Мраку сдаваясь на милость.
Только бы, только бы с этой поры
Все за окном изменилось.

Осточертевший пейзаж день и ночь
Высил такие деревья...

Я любовался им, больше невмочь —
Не уходите, корчевья.

Но отмытарюсь, отбив, отмечась
В этой тоске неудалой,
Я восстанавливаю через час
Все — вплоть до веточки малой.

1980

* * *

Словом останавливавший дождь...
Н. Г.

Жду тебя,
Ты городом идешь,
А ведь должен я к тебе идти.
За окном —
качающийся дождь
На твоём заведомом пути.

Я ведь знаю, что и так тяжёл
Этот скользкий путь
по февралю.

Надо сделать так,
чтоб дождь прошёл,

Потому что я тебя люблю.
Я ведь тоже знал, да позабыл,
Но надеюсь, что не навсегда,
Слово, что поэт произносил,
И кончался ливень без следа.

А теперь, немотствуя порой,
По прошествии немалых лет,
Не могу над милой головой
Разогнать дождевики —
слова нет.

Я ведь знаю, что твои мечты
И мои — на родственном пути,
Что беду чужую можешь ты
Невзначай руками развести.

Много слов я знаю наизусть.
Но одно забытое влечет.
Умоляю, чтобы эту грусть
Ты на свой не принимала счет.

1980

* * *

М. Р.

Надо дать отдохнуть глазам,
Словно дать отдохнуть округе.
Я закрою глаза,
А сам
Буду видеть лицо подруги.

Надо дать отдохнуть глазам,
Словно сумеркам в хлопьях белых,
Словно серым стволам, кустам
С палисадниками в пробелах.

Надо дать отдохнуть глазам,
И куртинам, и тротуарам,
И карнизам, и голосам
За углом в переулке старом.

Надо дать отдохнуть домам,
Их скамеечкам и оградам,
Окунающимся в туман,
Прибегающим к снегопадам.

Надо дать отдохнуть листьям
С желтизной неотвратимой,
Надо дать отдохнуть глазам,
Как родному лицу любимой.

Так смежить их, в такую тьму,
Беззаветно и безоглядно,
Словно дать отдохнуть всему,
Что так мило и ненаглядно.

1980

Просыпаюсь опять.
Никого.
Старика и в помине не видно,
И не жаль мне нисколько его,
А стихам его даже завидно.

1980

* * *

Куда ты делась, музыка моя,
Не знавшая крюков и линий нотных?
Где ты сейчас?
Какого бытия
Взыскуешь ты среди теней бесплотных?

В недавнем прошлом или в тех местах,
Где только вещь осталась от бывшего?
Меня ночами посещает страх
Не песенного — чуть живого слова.

И, словно из больничного окна,
Гляжу я на весенние деревья.
Не их ли мне просить,
чтобы весна
Не отказала в слове и напеве?

Или, пять пальцев грустно вжав в висок,
Твердить себе,
слагая стих умело:
Здесь море чистой музыки шумело,
Вся эта музыка
Ушла в песок.

1980

* * *

Прекрасная необычайность
Обыденного — хороша...
Ведь это чистая случайность,
Что ты живешь, что есть душа.

Все это маленький подарок,
Который так легко отнять,
Который, может, тем и ярок,
Что может даже не сиять.

1980

* * *

Есть жизнь у меня,
О которой не знает никто.
Возьму свою палку,
Тихонько надену пальто

И скроюсь. Исчезну,
Растаю, как воздух,
Как даль...
Куда же он делся? —
Посмотрит на туфельку шаль.

Расскажет ли трость,
Возвращаясь:
Отдохнул иль устал,
Кого обогнал,
От кого я в той жизни отстал?

Возможно, наступит
Серьезнейшая тишина.
А это всего только тайна.

Загадка одна.

1981

* * *

Мне позвонила улица...
Я снял
Поспешно трубку,
думал: это ты.
«Куда ты подевалась? — я сказал. —
Я ждал тебя
до полной темноты».

Но это улица ко мне звонила...
Листва шумела и к себе манила.
На все мои призывы отвечали
Какие-то трамвайные звонки.
Не понимал я, что обозначали
И восклицанья чьи-то, и смешки...
И голоса, врывавшиеся в трубку
И в ней шумевшие наперебой,
Меня склоняли
к здравому поступку —
Повесить трубку,
то есть дать отбой.

Но было странное очарованье
В молчанье,
полном дальних голосов.

Мне иногда в нем слышалось дыхание,
Биенье сердца или бой часов...

Мне позвонила улица, шумиха.

Пространства стали

дальние близки.

«Спасибо, улица!» –

сказал я тихо.

И раздались короткие гудки.

1981

ОПТИМИСТИКА

Любомиру Левчеву

...Мысль о смерти...

Если это мысль, то мысль о жизни.
Ветка за окном запахла горько.
Вот пойдя попробуй увяжи с ней
Мысль о смерти. Не поймет нисколько.
У меня есть, в общем, три могилы.
Не моих. Своих. Я в них частично.
Ветка напряглась от вешней силы.
Ветка эта мне не безразлична.

Как прозрачна синяя погода!
Синий цвет зеленым набухает.
Мысль о смерти не дает прохода...
Пусть на мне природа отдыхает,
Я уж обойдусь без этой мысли
Хоть сегодня: потому что надо
Деньги на субботник перечислить,
Да и с этой веткой нету слада.
Хоть ушел, растаял холод жуткий,
То — тепла ей, то ей — дождик брызни.

Мысль о смерти — это вам не шутки.
Мысль о смерти — это мысль о жизни.

В МЕТЕЛИЦЕ

В метелице... в шубке... Да что там!..
Напрасно! Опять повторится
Все то же. За этим полетом,
За этими взмахами птицы...
Сначала – парить и стесняться.
Потом – говорить-объясняться.
Не надо... пусть лучше не крахом,
А нежным останется взмахом,
Оглядкой метелицы дымной,
Загадочной и не взаимной...
А то перейдет беспричинно
С порыва к любви и звезде
На вечную тяжбу с мужчиной,
Которого нету нигде.

1981

* * *

Вот уже и зима, а меня не позвали
На пустой перекресток в садовую глушь.
Не окликнули даже ночные трамваи,
Отражаясь в дрожанье нечаянных луж.

Я пошел бы на зов в самом снежном завале,
Вышел в самый зальдевший запутанный путь...
Вот уже и зима, а меня не позвали,
Чтобы новое слово тихонько шепнуть.

1982

* * *

Когда случаются в судьбе
Провалы, темени,
Не надо думать о себе
В прошедшем времени.

Тогда сырой землей дохнет,
Родной, суглинистой,
И хризантемою пахнет
Поблекшей, инистой.

Гляди в провал, во тьму гляди,
Гляди-разглядывай.
Но все, что будет впереди,
Не предугадывай.

Живая ночь, живая тьма
Не вечно тянется...
Она прояснится сама,
Сама проглянется.

1982

* * *

Как будто нет других поэтов,
Пишу, пишу, пишу. Зачем?
Быть прожигателем рассветов
И сочинителем поэм?
Сломав перо, бумагу скомкав, —
В ближайший лес за три версты
Бегом от предков и потомков,
От злобы дня и доброты!
Но лишь завиджу лист зеленый
Иль прошлогодним прошуршу,
Опять пишу как заведенный.
Куда? Зачем? Кому? — Пишу!

1982

* * *

Не хотел он понять, с мальчишек
 Вдоль коринфских бродя колонн,
 Что поэзия – это лишек,
 Превышающий эталон...

Строгость к слову
в удел поэта
 Входит. Будет входить
всегда.

Но ведь лишнее
слово — это
 Правда сущая иногда.

Так вот маленьким и остался,
 Не сумевший ни дать, ни взять.
 Потому, что всегда старался
 Слова лишнего не сказать.

1982

* * *

Не падать, не плакать!
В осеннюю слякоть
Врывается первого снега полет.
Капель начинает копейками звякать,
Считать свою мелочь и биться об лед.
В. С.

Надо вспомнить, обязательно вспомнить
Эти липы, эти мокрые хлопья,
Я их стряхивал в окрестностях комнат,
Где встречали меня мягко, но в копыя.

Был я ровней снеговому рассвету,
Современником сырому закату.
Стал я тих, как подражанье поэту,
Мной написанному где-то когда-то.

Надо вспомнить, обязательно вспомнить,
Как входил, сутулясь нелицемерно,
В пустоту чужих заполненных комнат.
Наследить боясь... как выглядел скверно.

Быть поэтом невозможно и стыдно —
Не с цезурой лепеча, а с запинкой,
Долг тому, кто выручал тебя сытно,
Возвращать, как сумасшедший, — снежинкой.

Надо вспомнить, обязательно вспомнить
Клятву юности — не падать, не плакать.
Старой рифмой не гнушаясь, исполнить,
Оправдать свою любимую слякоть.

Надо вспомнить, что завещано метром,
Поглощенным подземельною высью,
Где души его, пронизанной ветром,
Семантически касаются листья.

1982

ОЗАРЕНЬЕ

Приближаются чудные вести
О еще незнакомых путях.
Ты колеблешься, точно созвездья
В расцветающих южных ночах.

А кругом — уходящего снега
Чуть запавшие в душу следы
Уступают места для побега,
Для расцвета и чистой воды.

Я стою пред тобой в озаренье,
И лицо твое в отблеске дня
Из куста нерасцветшей сирени
Так цветуще глядит на меня.

1982

* * *

Димитру Пантелееву

Я понял жизнь свою как жизнь людей
(Часы отшельничества понял тоже),
И догадался, что она лютей,
Нежней, чем думал, и на все похожа.

И во внезапной схожести с людьми
Открыл такое счастье единенья,
Что защемило сердце от любви,
Любви, похожей на благодаренье.

Ко мне приблизилась моя звезда...
И многое открылось мне тогда.

1982

* * *

Последнюю ласку,
 посмертную маску
Уже от лица отнимают.
Какую расскажут волшебную сказку –
Не ведают, не понимают.

Лицо в ожиданье,
 как в первом свиданье,
Лицо в напряжении слуха.
И снится, и снится все то,
 что явиться
К нам может при помощи духа.

Так веянье смерти проходит
 над нами,
Вполне увлеченными снами.
Так горькие руки сжимаются
 в муке,
Тая обреченное пламя.

1982

* * *

Ей снится крылатый стреноженный конь
И нежная чья-то ладонь.
И от этого сна пробудиться она
Все не может, от этого сна.
Ей снится лежащий у ног богатырь.
И замок. И снег. И снегирь.
И от этого сна пробудиться она
Все не может, от этого сна.
Ей снится турнир и бряцание лат.
Перчатка. И брошенный взгляд.
Но от этого сна пробудиться она
Все не может, от этого сна.
Но — и рыцарь и мальчик — один человек
Улетел словно в будущий век.
Потому что она пробудиться от сна
Все не может, от этого сна.

1983

ЗВОНОК

Если смерть – это сон бесконечный,
Сновидения белой кости,
Да приснится и день этот млечный
В пятнах зелени, свежей почти.

Я хотел позвонить в прожитое,
В телефонную будку войдя,
Чтоб услышать, задумчиво стоя,
В трубке голос под шорох дождя.

Затвориться от нынешней шири
И спросить у того, что прошло:
«Что там нового в канувшем мире?»
Мертвый голос ответил: «Алло».

Если смерть – это сон бесконечный,
Сновидения желтой кости,
Да приснится мне день этот млечный,
День, когда не сказал я «прости».

Я повесил холодную трубку
На ее металлический крюк,
Удивившись дурному поступку,
Невзначай совершенному вдруг.

Почему не сказал я ни слова,
А погас, как потупленный взор, —
Может быть, с неживым у живого
Завязался б живой разговор.

1983

ЛЕТО

Благословенно лето,
Благословенно в целом.
Летом весна и осень
Заняты общим делом.

Препоручаюсь деревьям
И голубым колосьям,
Дарит весна доверьем
Близящуюся осень.

Лето — часы их встречи,
В листьях таимой, в стебле.
Пятнами ходит ветер,
Всходы легко колебля.

Лес зеленеет кроной.
Нива зерном желтеет.
В час predetermined
Поле позолотеет.

Позолотеет роща,
Зазеленеет озимь,
Хлебом и свадьбой встретит
Стекла на лужах осень.

Благословенно лето,
Благословенно в целом.
Летом весна и осень
Заняты общим делом.

1983

СЛУЖЕНИЕ

Такси, завернувшее за угол, —
грусть расставанья...

Такси, пролетевшее мимо, —
забыли, не взяли...

Нельзя ли, ведь это чужие огни и свиданья,
Их видеть чужими, пустыми, простыми
нельзя ли?

Пустая в ночи мостовая —
где юность былая?

Рычащий во тьме грузовик — укоризна,
безрулье,
Безумье считать, что прошла она
как таковая,
Пустой, бездорожный, безбожной,
несложной. Безумье.

Две тени прощаются шумно —
моя ли разлука?

Туман приближается к сердцу,
как личное чувство.

Искусство, как долго продлится, скажи,
эта мука?

Зачем меня выбрало ты, не спросившись,
искусство?

Собой занимаются благополучные семьи.
Зачем им поэт, если так хороши занавески?
А он изливается —
 день изо дня — перед всеми,
Как будто бы дома
 и поговорить ему
 не с кем.

1983

* * *

С деревьев галки осыпают иней.
Здесь на скамейке сиживал порой
С моей лирической героиней
Не менее лирический герой.

Я им дарил плоды воображенья,
Они хрустели ими. А потом
Куда-то уходили в окруженье
Моих надежд. Я был седым кустом.

Песком аллеи. Холодом ограды...
Ветвями, им глядевшими вослед,
Безгрешные нездешние отрады
Я им дарил тогда. Их больше нет.

Над Чистыми прудами воздух синий,
Пятнистый сад сырой листвой пропах,
С деревьев галки осыпают иней.
Увозят лодки на грузовиках.

1949, 1983

* * *

Так был этот закат знаменит,
Что все галки — о нем, про него...
Нет, не могут стихи заменить
Ни тебя, ни меня, никого.

Ты ушла. Я остался один
С бесконечностью прожитых лет
И с одной из московских картин,
Прочно вбитой в оконный багет.

Так был этот закат знаменит,
Что все стекла, все крыши — к нему...
Нет, не могут стихи заменить
Настоящей любви никому.

1983

ФРАГМЕНТ

Когда по белой ленте тротуара
Ты каблучком и узкою подошвой
Отстукиваешь точки и тире
И, торопясь исчезнуть за углом,
Мне оставляешь — взгляду, задыханью —
Письмо следов, чернеющих на белом,
Такую городскую телеграмму,
Какой никто еще не получал,

Слетают галки на твои следы,
Отпугивая робкую голубку...
Я тротуар сворачиваю в трубку
И уношу в окрестные сады.
На них кудрявится рассветный иней.
Я нахожу далекую скамью,
Где яблони подобьем райских скиний
Покоят душу детскую мою.
Там разворачиваю, расстилаю
Похищенный глазами тротуар...

Читаю, понимаю: ты не знаешь,
Как быть со мной, когда растает снег...
Когда ты, появляясь, исчезаешь,

Мне кажется, что ты не человек,
А больше и загадочней... Под веком
Снежинка расплзается в пятно.
Молю, мечта моя, будь человеком,
Пришли мне настоящее письмо.

1983

* * *

Зашумит, защебечет страница,
Где сирень, а в сирени крыльцо,
Лишь успеешь над ней наклониться,
Ветки влажно заденут лицо.
Что с ней делать?

Вот-вот перестанет
Быть бумагой, а станет окном,
Где дорога в шесть рельсов проглянет
И на ветке повиснет дымком.

Сколько ветром заполненных пауз
В тишь ворвутся сумятицей
трав.

Что мне делать, какой
вестингауз
Остановит ушедший состав?

Зашумит, защебечет страница,
На ветру зацветет частокол.
Из страницы той вылетит птица
И вспорхнет на ваш письменный стол.

* * *

Когда я заметил, что время прошло,
Оно показалось огромным,
Как туча, которую вкось отнесло
И за спину – берегом темным.

И не состоялась гроза. Словно жизнь
Томительно не состоялась.
И как ни наверстывай, как ни кружись,
Исчезла. Как малая малость.

Она собиралась насытить леса
И доли. С утра собиралась.
И не состоялась. Такая гроза
Прекрасная не состоялась.

1983

* * *

Это очень старая песня
Про летящие поезда.
Про слова «отзовись, воскресни!»,
Про ответное «никогда».

Про открытку и чей-то адрес,
Про записку (пропал и след...)
Про разорванную крест-накрест,
Эта песня про «да» и «нет».

Это песня о странных играх
Судеб, случаев, телеграмм...
Это стон проводов... эпитафия
К разведенным твоим рукам.

1954, 1984

* * *

Морозом схваченная рама.
Любовь с доверчивым лицом...
Но счастье — это тоже драма
С непредугаданным концом.

Мороз и солнце? День — чудесный!
Но все же этого опричь
Есть еще третий, неизвестный,
Что тщится таинство постичь.

Он часто тем и интересен,
Что в час унынья твоего
Подкинуть миг цветов и песен
Ему не стоит ничего.

Мне грустно, что он тем занятен,
Что, бедный вытвердив урок,
Не знает радости без пятен
И красоты без подоплек.

И как внушить ему, упрямо
Снег топчущему у крыльца,
То, что не он для счастья драма,
А что несчастьям нет конца.

ПАТРИАРШИЕ ПРУДЫ

Я целую книгу вчера написал
И в воздухе точку поставил.
Там сумрак средь белого дня нависал,
Закат очертания плавил.

За час написал, как за несколько лет —
В нездешнюю библиотеку
О том, как последним закатом рассвет
Казался двадцатому веку.

Я был раствориться в пространстве готов,
Но мир, достигавший Вселенной,
Вдруг сузился до Патриарших прудов,
До улицы обыкновенной.

Там юность витала по льду на коньках,
А лед и свистел и чирикал
В сплошных ученицах и учениках
Под хлопьями зимних каникул.

«На сопках Маньчжурии» под пересвет
Звучало почти беспечально.
И лучшая пара тринадцати лет
Кружилась легко и центрально.

Так время вчера уплотнилось мое,
 Что создал я том бессловесный...
 Слагал я свое Житие-Житиё,
 А мир колыхался окрестный.

Там палец на кнопке дверного звонка
 Так медлил от мысли внезапной;
 Нажмешь... — и грядущие рухнут века
 В ничто. И не скажешь: до завтра!

И весь этот детский цветной карнавал
 Исчезнет, утонет...

Кощунство!

Но разве мое?

Я еще не знавал

Настолько ужасного чувства.

Я знаю одно под бессмертным снежком,
 Одно, неподвластное сагам, —
 Что бездны таятся под каждым шажком,
 Под каждым единственным шагом.

1984

ВОСПОМИНАНИЕ О КНИГЕ «СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ»

Д. Самойлову

Когда я прочел эту книгу,
Не зная, что будет в конце,
Молчанье, подобное крику,
Застыло на юном лице.

Огромные капли синели,
В них переливались миры.
И страшная ветка сирени
Вела в проходные дворы.

Я чувствовал, как холодело,
Как, взятое чудом в кольцо, —
В лицо, что со снимка глядело,
Мое превращалось лицо.

Я тер свои щеки, как в стужу,
Свои обретая черты,
И вырвался... Вышел наружу,
Пошел, задевая кусты.

Казались шагами гиганта
Шаги мои через сирень.
Опасною тенью атланта
Скользила по ним моя тень.

Но воздух, и дом, и скворечня,
И провода белая нить
Меня и тепло и безгрешно
Старались умиротворить.

И новая лунная фаза,
И веток седые штрихи,
И чья-то запавшая фраза:
«Ведь это же только стихи!»

1984

* * *

Как вечернее стихотворенье,
Все в деревьях и в галках на них,
Патриарших прудов откровенье,
Полуоблачных, полужемных.

Здесь на липах мудрят, опасаясь,
Чтоб не слишком осыпался снег,
Черно-серые птицы, стараясь
Свой туманный устроить ночлег.

И какая-то странная пара —
То вперед, то назад, без конца,
Отойдя от Тверского бульвара,
Не дойдя до большого Кольца.

Потрясающа эта бездомность
При наличье и стен и дверей.
Потаенность ветвей и нескромность
Редких фар и ночных фонарей...

Не о Мастере и Маргарите,
Не об Авторе даже самом,
Об одном — о Великой защите,
О масштабе ее мировом.

Рядом гул городского движенья,
А у них тишина и звезда...
Это вечное стихотворенье
Не допишет никто никогда.

1984

* * *

Мне будет вечно сниться дождь
И шум листвы у изголовья
Каких-то баснословных роц
Бесчасья или безвековья.

Мне будет вечно сниться путь,
Скрывающийся за холмами,
Которым позабыл шагнуть,
Как снится детский сон о маме.

Мне будет вечно сниться дождь
С почти расплывшейся страницы
И то, как ты меня зовешь
И я встаю, мне будет сниться.

Там будут ветки ходуном
Ходить, мешая солнце с тенью...
И тоже станут чьим-то сном...
Но будет в песне – воскресенье!

Потомок, выстой под окном,
Домучься до стихотворенья.

1984

* * *

Перестал восхищаться чужими стихами.
А бывало, услышишь — бежишь.
И кому-то рассказываешь, чуть руками
Не размахиваешь, как малыш.
Перестал просыпаться до света — от муки
Недосказанного перед сном.
Стали встречи как будто сплошные разлуки.
Позабыл, как стоят под окном.
Появляется странное предположение,
Что окно с колыханьем огня,
Одинокого, ждущего до сокрушенья,
Окончательно не для меня;
Что не мне, а кому-то и дом, и ограда,
И в кленовых листьях мезонин...
Перебарывать этого чувства не надо
Ради следующего за ним.

1985

БЕССОННИЦА

Спит сиамский котенок, вцепясь в ковер.
Поднимается дыбом тихонько ворс.
Спит дворняжка. помахивая хвостом.
Их погладить бы надо обоим мне.

Сочинивший кучу плохих стихов
И вручивший их мне на суровый суд,
Чтобы я похвалил, безмятежно спит,
Гениально набравшись в чужих гостях.

Может быть, через вечность усну и я,
Утомительный, видимо, человек,
Только станет ли лучше тебе или мне,
Если кто-нибудь где-то уснет навек...

А зачем этой правде смотреть в глаза,
Если знаю и сам, что и я такой,
Что когда-то пройдет и двадцатый век
Вместе с жизнью моей и моей строкой.

А зачем этой правде смотреть в глаза,
Как в могилу глядеть и глядеть? Зачем?
Лучше девушкам буду дарить цветы
И заглядывать им в глаза, а не ей...

* * *

...родина, это ты,
С маленькой нежной буквы,
Там, где лишь три версты
До паутин и клюквы.

Ты бриллиант росы,
Вправленный в венчик тесный,
Темная тень грозы
Над желтизной окрестной.

Ясеней череда,
Изгородь в повители
Там, где мои года
Юные пролетели.

Угол, где сквозь асфальт
Нежно глядит булыжник.
Окна, где не проспят
И не забудут ближних.

Храм, где Борис и Глеб,
В липах и перезвоне...

Белые буквы «Хлеб»
На голубом фургоне...

* * *

Кому повем?..

Другого места не нашел —
Пал на скамью в чужом дворике.
Не как подстреленный орел,
А наподобие ворешки.

Он был высок. Не стар, но сед.
В пальто с воротником бобровым.
Он съезжился, тепло одет;
Почти обласкан псом дворовым.

Собаки он не замечал,
Лицом упав в худые руки.
...И он молчал, и пес молчал,
А я в окно глядел от скуки.

Но что-то странное во мне
Рождалось, требуя ответа,
Пока маячила в окне
Совсем немая сцена эта.

Под нашим тополем кривым
Он так сидел, как будто плакал.
Казалось, тающий, как дым,
Над ним какой-то образ плавал.

Я, ощущая непокой,
Привстал... но он, встряхнувшись зябко,
Как бы на все махнув рукой,
Встал и пошел, поправив шапку.

Он вмиг исчез за темнотой.
Но образ плававший остался
И мне напоминал о той,
С которой горестно расстался.

Я вышел (окна в тишине
Зажглись, не уступая мраку)
И подбежавшую ко мне
Погладил добрую собаку.

1985

* * *

Выброси из головы
Целый город с тополями,
Улицами и мостами.
Выброси из головы.

Выброси из головы
Гул и шепот, смех и ропот,
Оклик, окрик — сделай опыт,
Выброси из головы
Тяжесть камня, шум мотора
Ради нового простора,
Синевы, цветка, травы...

1985

* * *

У снега короткая память,
Но хочет ни свет ни заря
Какую-то лужу обрмить
Подтаявшего января.

Прошу его, как человека:
Останься подольше! А он...
День не отличает от века,
Не мной, а собой увлечен.

Он делает ветку хрустальной,
А кариатиду — живой.
И вдруг исчезает печальный,
Как будто и свой и не свой.

И вновь начинается заметить,
И вновь обнимает любя.
У снега короткая память.
Такая же, как у тебя.

1986

* * *

Я стихи когда-то написал.
В них кудлатый сумрак нависал.

И платаны, глухо шелестя,
Возвышались, маясь и грустя.

Несколько созвездий, тень луны
Сквозь полет белесой пелены.

Девушка мелькнула на углу
И мгновенно канула во мглу.

Не мелькнула, а блеснула ты —
Миг восторга или немоты,

Словно гениальная строка —
На мгновение и на века,

Посетив, исчезнувшая вдруг.
Мучайся теперь, ищи вокруг.

Я стихи когда-то написал
(А точнее — их не дописал).

До сих пор в них дождик моросит
И душа тихонько голосит.

В них почти подсказан был секрет
Сопряженья вечности и лет.

В них сам бог порядок наводил,
С солнца пятна, как с души, сводил.

Я стихи когда-то написал
(А вернее — их не дописал).

И вложил их в книгу, что потом
Букинисту сдал как лишний том.

Мне хотелось время победить.
И тебя и душу убедить

В том, что годы можно сжать в горсти
(С детства до последнего прости),

И потом — на выбор — жить в любом...
До сих пор ищущу я этот том.

В книжных лавках, дома и в гостях,
Как поэму в нескольких частях,

О которой как о жизни я
Думаю на склонах бытия.

Мне хотелось время победить.
Личный срок бессмертно утвердить.

Мне когда-то было двадцать пять.
Я не знаю, будет ли опять.

* * *

Марианне

Ты вправе думать, посетив больницу,
Где я — все о себе да о себе,
Что воронье за окнами клубится,
Что льдист и хладен путь через столицу,
Что все равно мне, каково тебе.

Ты принесла мне сахар и обновки,
Хотела рассказать, как день прошел,
Как ты упала возле остановки,
Как холодно одной, как путь тяжел,
Когда летят толпою птицы эти...
А я все о себе да о себе.
Не о тебе, единственной на свете,
На ледяной изменчивой тропе.

Ты вправе думать, исхудав щеками,
Все обо мне в дороге, обо мне —
Что сердце у меня, наверно, камень,
Что я, как эти окна, — в стороне,
Ты вправе думать...

Но когда ушла ты,
Когда безлюдным стал приемный зал,
Я в многолюдном гомоне палаты
Шептал в подушку все, что не сказал...

Ты — о больной руке, о трудной доле,
А я — все о себе да о строке,
Которая не стоит малой боли
В твоей душе и в маленькой руке...

На улице пустой воронья дрема.
Ворочается снег по городьбе.
Одна утеха — что ты плачешь дома,
А я не дома плачу о тебе.

Ты вправе думать...

Ты в нежнейшем праве...

Но я в одном сегодня без вины,
Что думаю в подушку — не о славе,
А о любви, в которой мы равны.

1987

* * *

Дай мне Бог побольше жизни,
Даже за мои грехи,
Приносившие кому-то
Радости, а мне — стихи...

Переулок накрахмален,
Отутюжен и звенит.
Все в снегу. И так печален
Замерзающий зенит.

Дай мне Бог побольше снега,
Одиночества и сил,
Чтоб воздушным поцелуем
Холод губы не сводил.

Чтоб тенями ветер сыпал,
Где я сердцем замирал.
И подольше мне и липам
Щеки снегом оттирал.

1987

* * *

Это так и останется тайной
Белых веток и синей воды —
Далеко ли завел неслучайный
Разговор, оставляя следы
На снегу, на душе, на странице,
Что появится через года,
Чтобы строчкой одной сохраниться
Нерастаявшей и навсегда...

Что сказалось под шелест трамвайный,
Под снежок с голубых проводов,
Это так и останется тайной
Белых веток и Чистых прудов.

1987

* * *

Мимо Новодевичьего кладбища,
Мимо красных стен монастыря
Вечером мы шли, как будто клад ища,
Встали у скупого фонаря.

Здесь лежит уже такая силища
Мысли, чувства (пусть не без греха) —
И державный чин у врат чистилища,
И радетель русского стиха.

А когда-то там, в углу, прожекторы
Освещали странного вождя,
Что, силен железными прожектами,
Жил, от нас при жизни уходя.

И москвичкам той поры казалось:
Мучается, бедный, по любви,
Приезжая ночью в эти заросли
Ей признанья выложить свои.

И сочувствовали грусти гения,
Ощущавшего весь мир врагом,
Но зачем такое освещение?
А от них, таящихся кругом.

А кругом лежали люди мертвые,
Не зависевшие от него.
А другие, в тундре распростертые,
Не могли поделаться ничего.

Не забыть наивного сочувствия
Душ, о нем судивших по себе.
Стих немеет, ощутив присутствие
Всех встающих в гневе и мольбе...

Мимо Новодевичьего кладбища,
Мимо красных стен монастыря
Мы идем, между собою лад ища.
Плещет осень, листьями соря.

Времена открыты, как лектории.
Кладбища закрыты до утра.

Речь о нем — еще не вся История,
У нее свои прожектора.

1987

* * *

Снова прячется рифма в кору
Потемневшего осенью древа,
Хоть слова затевают игру
Слева вправо и справа налево.

Снова прячется песня в дупло
Отогреться до звонкого срока...
Говорят, что сегодня тепло.
А мне холодно и одиноко.

1987

* * *

И все-таки я Пештяны запомню —
Жарой и ливнем, оглушившим дом,
Страницами, которые заполню
Потом когда-нибудь... Когда — потом?
И как о чем-то птица причитала
Заливисто и бегло перед сном,
И как грустила ты и как считала
Стук яблок, падающих за окном.
И дни перед отъездом... Как все мгlistей
Сходились тучи, тая высоко.
И тополей серебряные листья,
Шумевшие весомо и легко.
Запомню пару зданий в старом стиле,
Пахучих лип могучие стволы.
И как мы лебедей с моста кормили.
И колокольни длинные углы.
И чай, заваренный словацкой шипкой.
И накрененный яблоневый сад,
И колокол, который бил с ошибкой
На пять минут иль пять веков назад.

1987

ГОГОЛЬ НОЧЬЮ

Как страшно поэтом быть
И, зная уже бессмертно,
Что время не протопить,
Хоть тяга его безмерна, —

К глазам подносить ладонь,
Тайком подводить итоги,
Подбрасывая в огонь
Пейзажи и диалоги,

Шумящие деревья,
Кресты и церковей убранства;
Как хворост или дрова —
Мосты и куски пространства;

Медлительною рукой
С начала и с середины —
С провидческой строкой
Магические картины.

И быстро шептать Христу
Про мертвые чьи-то души.
И знать, что уже растут
На стенах глаза и уши.

И в ужасе подбегать
К печурке. И нос холодный
Почти что в нее совать.
И в позе сидеть свободной.

И видеть, томясь огнем
(О, только не дописать бы!),
Как ночью горят и днем,
Дымясь вороньем, усадьбы.

И, вечный сжигая труд,
В слепой созерцать отваге,
Как белые буквы мрут
На черных витках бумаги.

1981, 1988

ЗИМНЕЕ ВИДЕНИЕ

Смотри, он бежит, он уже не вернется.
Уже семимильными стали шаги.
Да нет. Он стоит. Он сейчас обернется.
Я видеть лица не хочу. Помоги.

Опять побежал, отрешаясь от мает.
Пурга черно-белая свищет, дымя.
Она только два этих цвета и знает.
О, как же он бедствовал с ними с двумя.

Да нет. Он стоит. Нам пора поравняться!
Но он уже там... он почти на углу...
Сейчас завернет... И опять удлиниться
Пространство начнет, исчезая во мглу.

Кто это? Поэт, застрелившийся дома?
Или демонический тот режиссер,
Который открыл обнажение приема
И как на распятыя себя распростер?

Сужается улица в даль коридора,
Где стены и лампы сводили с ума,
И тени, как ужас самоговора,
В развалины преобразают дома.

Я встал. Эти зданья в роящемся дыме,
Как тверди и хляби в начале начал,
Уже были вечностью... Раньше за ними
Я этого, кажется, не замечал.

1988

* * *

Несколько дней назад
Выпал огромный снег.
В преображенный сад
Лес глядит из-под век.

Несколько дней назад
Выпал пушистый снег.
Несколько дней назад
Я совершил побег.

Несколько дней назад,
Несколько дней назад
Выпал волшебный снег,
Лес полонив и сад.

И подошел мороз
К тающему окну
И разветвился вдруг
Ветками по стеклу.

Пальмы белели там
С елками пополам,
Веточки и стволы
Самой седой иглы.

И я пошел туда,
В праздник ветвей и льда,
Тропочку продышал —
Весь туда убежал.

Ты в этот миг вошла.
«Где же ты?» — позвала.
Нет меня.
Пуст наш дом.
В саде, в лесу я в том.

Видишь ли, в этот сад
Несколько дней назад
Выпал волшебный снег.
Несколько дней назад.

Я продышал кружок,
Видимо, неспроста.
И сквозь него ушел
В сказочные места.

Так и брожу я там,
Жду, когда ты придешь,
Там, где по всем кустам
Инеевая дрожь.

Я по тому снежку
В наши вернусь места,
Лишь к моему кружку
Ты приложи уста.

Несколько дней назад
Выпал огромный снег.
Несколько дней назад
Я совершил побег.

Это короткий путь.
Просто меня вернуть.
Я ведь и сам вернусь,
Только лишь оглянусь.

ДРУГУ

Сергею Наровчатову

1

Ты одет был словно бы на выход
В шумный аплодирующий зал...
Мы друг в друге не искали выгод,
Просто каждый — понимал и знал.
И, остановившись на мгновенье,
Словно в миг, что навек ускользал,
То ль тепло, то ль строго ты сказал:
Посвяти мне, брат... стихотворенье.

.....

И теперь во сне иных ночей:

Уходящего

его увидя,

Я кричу ему: «Сергей! Сергей!»

Не оглядывается.

Как в обиде.

Что-то я ему недосказал.

Что-то он недосказал...

Гадаю.

Иногда мне кажется, что знаю,

Иногда — что вовсе не знавал.

А ведь сколько раз мы полусловом,

Полувзглядом... В шуме и вдвоем.

А подробно — о былом, о новом,

Будет час, поделимся потом...

Вот он — час! И тут же, полусонно:
 Надо, надо, надо позвонить!
 ...Телефон — как слепок телефона...
 Муза, в смерти некого винить.

Муза, дружба сердце так же греет.
 Не пытай меня. Я все скажу.
 Я на трубку руку положу,
 И рука на миг оледенеет.

2

Я вчера не хотел просыпаться.
 Мне товарищи снились мои.
 Те, с которыми ни повидаться,
 Ни поспорить, зови не зови.

Это так гипнотически было,
 Что как будто и не было сном.
 Нас действительность вместе сводила
 И усаживала за столом.

Я рассказывал без перерыва
 Им уже неизвестные дни.
 И от счастья, что все были живы,
 Улыбался, почти как они.

Сразу вместе цветы и снежинки
 Нас дарили вниманьем своим.
 Смерти не было. Были поминки
 По живым,

по живым,

по живым...

ВАЛЬС О РОДИНЕ

Серый денек.
Белый летит снежок.
Сердце мое
Он на лету обжег.

Помнишь ли ты
Наш удивленный сад,
Наши мечты
Тысячу лет назад.

Я по тебе
Буду грустить всегда.
Помни о том,
Помни во все года.

Перешагни
Через один пролив,
Переступи
Через один разлив.

Желтый денек.
Белый летящий шар.
Переступи
Через один пожар.

Я здесь один,
Ветки твоей побег.
Между чужбин
Русский порхает снег.

Белый снежок,
Белый летит снежок.
Сердце мое
Он на лету обжег.

Помнишь ли ты
Наш убеленный сад?
Наши мечты
Тысячу лет назад.

Я по тебе
Буду грустить всегда.
Помни о том,
Помни во все года.

<?>

ДВЕ МАРТЕНИЦЫ*

1

Марианне

Я и за то еще тебя люблю,
 Что и тебе, как мне, давно знакома
 Похожая на изгнанность из дома
 Пробежка по ночному февралю.
 Когда следы темны на тротуаре
 И белый пух сквозит из черноты
 Там, где друг друга двое миновали.
 Он не решился? Испугалась ты?

Но я тебя люблю еще за то,
 Что ты, в осеннем выбежав пальто,
 Со мной

в февральской замети стояла

И верила тому, что за углом
 Уже весна по веткам бьет крылом,
 И от стихов в мороз не угасала.

Я заслонял тебя лишь рукавом.
 Все говорило: он солжет не охнув.
 Но — через день!

И в зеленях, и в охрах
 На напряженных ветках сжатый лист

* Мартеница — принятое в Болгарии поздравление с весной.

Подрагивал... И был с карнизов мокрых
Щепотками набросан птичий свист...

А для людей снега еще гостили,
Что было, впрочем, в очень старом стиле.

2

*Доре Боневой,
болгарской художнице*

Взгляд твоих черных ресниц, Дора.
Взгляд твоих черных ресниц,
Так перепархивающих скоро
С легкостью чутких птиц
С меня, призадумавшегося надолго,
Глядя в твое окно, —
Взгляд твоих черных ресниц, Дора,
С меня и на полотно!

Он так перепархивал потаенно,
Ресниц твоих взмах живой,
Как будто два бархатных махаона
Летали передо мной.
Когда же ты мне портрет показала,
Двух слов я не мог связать.
Все то, что от зеркала ускользало,
Там было... Не рассказать.

Как будто в руке напевала скрипка!
Так полно явил твой холст,
Где радость моя, где моя ошибка,
Где Шипка, где Орлов Мост.

С портрета глядел я на два простора
Болгарских и русских лиц.

Вот что он открыл во мне, Дора,
Дора,
Взгляд черных твоих ресниц.

Я мартеницу тебе посылаю,
Клонясь пред искусством ниц.
И, как твой портрет, одно повторяю:
Взгляд черных твоих ресниц...

<?>

Владимир Соколов.

На родике

Вновь распахнулись просторы иверские
передо мной. Зеленой луга.
Да, по дороге в край дороге
долго моя не ступала нога.

Вот они... ивы. В веселую зелено
зрело одежи их летние дни.
Знаю: в далёком, далёком апреле
первый мой крик услышали они.

Вот этой дом. Часток ограда.
Свесилась ивы зелёная прядь.
Здесь моя первая в жизни дорога.
Туда же последняя будет лежать...

x

По пятницам освобождают,
В неделю раз едикой,
Мои шмы к зелёному ивану,
Где пруд не скрившой быкой.

Теперь вода простота
И лисью облетели,
А я хочу, чтоб был
Семь пятниц на неделе.

x x x

Это о гект ситараз, нескя
Про лейтенанте поезда,
Про слова "отзовись, воскресни!",
Про ответное "никогда".

Про откритку и гей-то адрес,
Про затиску (пропал и след...),
Про разорванную крест-накрест.
Это песня про "да" и "нет".

Это песня о странных играх
Судей, случаев, телеграмм...
Это стон проводов... — Эпиграф
К разведенным твоим рукам.

x x x

Спасибо, мушка, за то,
Что ты меня не обманешь,
Что ты меня не закрываешь,
Себя не приретишь ты за это!

Спасибо, мушка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не прируда,
Что для кого-то ты не кто.

Спасибо, мушка, за то,
Что и умком не подделаешь
За то спасибо, что никто
Не знает что с тобой
подделайшь.

Владимир Соснов.

Я потыкал лист
и вытискаю в книгу
от ветки оторвал
его совсем не я
Да сохранится он
в сухом подобном листу
с обильем проливов,
глубока бытие.

Так странно, не молчать,
не говорить, пребывать
как греб-но разговору
до окончаний крайних лет...
А слышав, ты не уме
от жизни оторваться
Пока она ~~она~~ сама
Тебе не оборвет

Существо до ты не случилось,
не произвел.
Слова жизни на время облучила,
Время - чашка.
Яд учил тебе отсюда дарован.
Дар, когда сарай
Возвращать несдобные слова,
Есть та ночь.
Может, куда нас и потребован
ты - произвел.
и, вернувшись, время как пашня
Сделав шар загод,

X X X

Так был этот заказ знаменитый,
Что все галки — о нем, про него...
Нет, не могут стихи заменить
Ни тебя, ни меня, никого

Ты ушла я остался один
С бесконечностью прощальных лет
И с одной из московских картин
Прогно вбитой в оконный багет.

Так был этот заказ знаменитый,
Что все стекла, все крошки — к нему...
Нет, не могут стихи заменить
Насидущей ладью никому.

х х х

Листьям пейзаж, как уйрайт
Невосполненное - в тиас.
Белыми стенами квадрата
И треугольники крыш.

Прохорошила ворона.
Дворник нарушил пейзаж...
Многое видно с балкона,
Если высокий этаж.

В солёных перлах накраях
Там ни названий, ни ячу:
Птицы на уровне щабок,
Щабки на уровне пйчу.

Вместе и зелень и мизночь.
Нет ещё земных тиранств.
Милаз недалговезкость,
Лучшее из постозкств!...

И как мезйоительной кистью
Скращенние второзух,
Белые, белые листья
На голубых топпух.

14.IX.72
КС.

X X X

Это так и останется тайной
Белых веток и чистой воды —
Далеко ли забел, несуграйтны
Разговор, оставил следы

На стелу, на душе, на стороне,
Что парвится через года,
Чтобы сиротской одной сократилось
Керасидарвиет и кавиерда.

Что скажало под улесом
Под скетом с ^{кнраиваишки,} клубных кровятов —
Это так и останется тайной
Властных веток и Тисапа кровяте

Митновение

↓ Зис, която шебетали картини,
Посреди ^{и хвърля} любовни зими —
Как намеки, упреси, Ескизи,
Неотидатно срещихлиси ми

Повела ти негизтно дробно
На картини, а не на лани,
И сверкнала зима в Подисковие
Как лазурь митнованията ти

Показало, що въюга во тебе
Не обречиш, миз погодя ---
Но разбуди + веи, взми дребно
За твоими следани следя.

И сяди в снежном очеркче
Опериси о сурои палисад
Уподобленка белая сирети
Или белой акации сад.

XII 1977

Владимир Соколов

x x x

День между двумя отъездами
В Тбилиси или в Ереване.
И тени и зной его стискаются
Таковыми давними словами.

Скажи; побудь, поведи, дечи,
Оставь на белизке бумаги
Хочь бы луз, хочь бы итеню,
Хочь я бы всплеск нагорной влаги.

Гитоб с тобою не исчез
Бултанник уличного склона
И легки в воздухе навес
Вийневского балкона.

Гитоб зашторчилась с листа
Листва бульвара сквера, сада.
Гитоб тень ^{розы} бросает красота
И пахла розами ограда...

Мтацминду или Арарат
увидеть в предзвездной рани.
Скажи глазами слово брань
В Тбилиси или в Ереване.

Марianne выходишь из дома,
Осторожно на лужи глядишь.
В них так вежливо и незнакомо
Всё куда-то околдован и ледяно.

Угол дома и желтый бейка,
И утицава вкис синева -
Это всё так красиво и редко,
Как забытые где-то слова.

В лужах кружатся птицы
и крыльи,
И забытый корабль детства -
И над всем этим - гурьба,
Где вьются
Повседневных забот и заботы.

И хотя так легко и несложно
Возле этих зеркал обдохнуть:
" Мне действительнее вас
Невозможно не ^{невозможно,} переизгнать."

Владимир Соколов.

× × ×

Я мечтаю до сладостной муки,
Пробуждающей ногою меня,
О тетради, свалившись в руки
Из еще недосыпного дня.

Чтобы в конквисте, как в одиссее,
Белым лицом подержать над огнем
И увидеть как дивные строки
Желтовато краснотунды на нем.

Не зовишь меня, Бога ради,
Я не с вами сейчас, я нигде.
Я мечтаю о гиссон тетради
И всю ночь говорю вам дожде.

Владимир Сокров.

X X X

...Милая, дождь идет,
Окна мчнут, косо.
Я ведь совсем не шойт,
Лишь задавался вопросом.

Я ведь совсем другой.
Я из этого ответа,
Где под ногой пургой
Мечется шень нога...

X X X

Валентину Никулину

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне нрав человека,
Я давно уже не человек.

Я давно уже ангел, наверно,
Потому что, негалью томию,
Не прощу, кто меня легковерно
От земли, что так выглядит
Искверно,
Искверный унес серафим.

1988

✕ ✕ ✕

По капле мащины бьют градичи.
Размышленья ищуту!
Все стишки у кого-то украдетки,
Все мелодии - Бюше..

Град влещаеть,,, бочка газированной
Витнива бмо бн славно...
Все обертки всех красок сворован,
Сами краски - подавно.

Вдруг на землю небесными лучами
Дождь ложится усидало..
Облаками и солнцем закружен
Моситовое кварцала.

Снова голуби вьоруж

Голосами ^{гули-гулищитя} ^{уффиччи}
Марианка идет через улицу
Прямо к синей мащине

И садится за руль..

Я ищоту ^{Три не менее} утито:

Где-то все это, за исключением
Марианки, уж было...
1993

Владимир Солов

× × ×

Юре Лаврушину.

Как-то поэты, промивавшие в Париже,
Слух пораждая сивовислых поближе
Проголосил ни с чего ни с чего:
Музыка, музыка прежде всего!

Этой поре без кивки и без фальши
Вдруг полетел до седорвчих подальше.
И отодвинул какао-шуга
Забормотали в ошейник буржуа:
"Уифры и селит превыше всех"

Юра, желаю тебе одного:

Помнишь, чтоб сердце твое не скувало,
"Прежде всего" это знаешь "Старая"

... Музыка, музыка, музыка злая,
Где, кроме музыки, нет такго,
Нет ни Москва, ни Парижа, ни селит...

Музыка - птица большого полета.

И в детях рождено, и после нево -
Музыка, музыка прежде всего!

21 июля 1995,
Переделкино.

И. Соколов.

* * *

Я должен взрыть сухую гладь бумаги,
Ее немеющую белизну —
Пласт отвалить, темнеющий от влаги,
За ним другой — во всю ее длину.
И верхний край разрыхленной страницы,
Почти предел, обрыв и окоем,
Заставить вдаль, заставить ввысь продлиться,
Опять настаивая на своем.
И если галочки особой цели
В горячей спешке ставить на полях,
То лишь затем, чтоб галками взлетели
Они над полем прямо на глазах.
Я еще смутно знаю, что посею,
И все ж подозреваю, что пожнет
Тот, кто к стиху прильнет душою всею,
В грядущем встретится с душой моею
И призрачную руку мне пожмет.

<?>

* * *

Валентину Никулину

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.

Я давно уже ангел, наверно,
Потому что, печалью томим,
Не прошу, чтоб меня легковерно
От земли, что так выглядит скверно,
Шестикрылый унес серафим.

1988

* * *

Когда-нибудь, когда меня не будет,
Когда я буду в будущем и прошлом
(О настоящем я не говорю),
Среди стихов прочтут мои стихи.
С любимым бывает.

Я не боюсь воскреснуть, я боюсь,
Что будет слишком шумно.
Я в жизни так однажды закричал,
Что у меня совсем сорвался голос.
И что бы я потом ни говорил,
Меня перебивали: громче, громче!

Когда же голос мой восстановился,
Мне все равно внушали и внушали:
Повысьте голос!

Ну, хорошо, повыщу... но и вы
Слух напрягите. Слушать научитесь.

Так вот... стихи. Я их пытался даже
Кричать. Но все равно они звучали
Как шум дождя (его не слушать можно),
Как снегопад (не слушать можно тоже!),
Как разговор не для чужих ушей.

1969, 1988

* * *

Грустно, что годы идут
С лицами переселенцев...

Я поступлю в институт
Для стариков и младенцев.
Думаю, примут. С зарей
Я ведь входил в эти росы
И ведь неплохо порой
Им отвечал на вопросы,

Ель из-под синих бровей
Очи совиные вспучит.
Бабочка и муравей
Тоже чему-то научат.

Чтобы постигнуть и тут
Таинства дня и столетья,
Я поступлю в институт
Шелестов и многоцветья.

Я проживу сонмы дней
Занятых или беспечных,
Слушая голос корней
Тоненьких и бесконечных.

И не осудит душа,
Что проживу не усталым,
Веткой попутной маша
Землю трясущим составам.

Радуюсь этой земле,
Не понимающей горя,
Чтобы однажды во мгле
Вечность увидеть, как море.

Но это так тяжело,
Что институт мой — лишь своды
Рощи, в которую зло
Эти вторгаются годы.

О, не минуя и тут
Ни стариков, ни младенцев —
Видишь? — идут и идут...
С лицами переселенцев.

1988

* * *

Поэзия, одна не знаешь ты,
В чем цель твоя конечная... Иначе
Ты проявила б все свои черты
Давным-давно. И ни одной не пряча.

Тебе твердит угрюмо: «Ты не та, —
Большой знаток. — Идешь не в ногу с веком!»
А ты молчишь, задумавшись спроста:
Что происходит с этим человеком?

1988

* * *

Весна. Финансовые затруднения.
Черемуха около небосвода.
Когда я предчувствовал гул падения,
Мне ветку протягивала природа.

Все так. Но в воду я тем не менее
Все реже совался, не зная брода...
Когда во мне убивали гения,
Хорошая, помню, была погода.

1988

* * *

На нынешнем витке Истории
Неплохо обратить внимание
На две кувшинки в акватории
Пруда, лежащего в тумане.

На нынешнем витке Истории
Неплохо нежностью попотчевать
Двух редких бабочек, которые
Витают выше нас и почвы.

На нынешнем витке Истории,
На улице, на сквозняке...
На нынешнем витке Истории,
Пульсирующем на виске.

<?>

* * *

Рощу и поле дождем замутило.
Помню, какая тоска охватила

От усложненного эхом гудка,
Словно из юности, издалека.

Несостоявшееся навалилось,
Дробью колесною заколотилось.

Что ж мы настолько зависим от них,
Этих гудков бесконечно глухих.

Словно мы прожили жизнь по мотивам
Повести, сложенной локомотивом,

Шпалой и рельсом, железом и рвом,
А не созвездием и соловьем...

Что это, что это было и есть?
Это уже бесконечная весть,

Это дождя отшумевшего шорох
В листьях и память о тех, о которых...

Это закат на пруду и на вербе,
Это шампанское марки «ихъ штербе»,

Это случайный отъезд на века
Без проводницы и проводника.

* * *

Наконец-то я молод,
И свободен, и стар...
Но в ушах, точно молот,
За ударом удар:

«Скоро кончится Время,
Не твое — вообще!
Плыл ли ты на триреме
Или брел по шоссе.

Оборвется минута,
Улетая назад,
И обрушится круто
Вся История в ад.

И начнется без Слова
И без Света — Ничто.
Потому что иного
И не стоил никто...»

Что за сон, что за морок?
Что за страшная весть?
Наконец-то я молод!
Наконец-то я есть!

Я еще человечность
И любовь берегу.
Эту мертвую вечность
Я понять не могу.

О, когда нас не будет
Никогда, никогда —
Кто поймет, кто рассудит,
Кто помянет тогда?

1989

ОТРЫВОК

Так звездочет, звездой влекомый,
Оказывается ни с чем,
Когда его любой знакомый
Хватает за рукав: ты с кем?
Ему, когда он глаз не сводит
С отрады будущей земной,
И в голову-то не приходит
Спросить, озлясь: а кто со мной?
С ним — никого. С ним только вечность.
...Ни крыши нет, ни потолка,
Ни стен... Он брошен в бесконечность,
А там не смотрят свысока.
Он в апогее, он в зените,
Он в перигее звездных стуж...
А что он ест? Повремените!
Вы не кормильцы этих душ...

Он долго ищет свет в подъезде,
Но Вифлеемская звезда
Среди нависнувших созвездий
Ему мерцает иногда.

* * *

Выживаемость нелучших
(Пусть живут) – обычный фон.
Жаль отпевших, жаль певучих,
В золотой ушедших фонд.

Называть имен не стану,
Труден перечень такой.
Невзначай перо достану.
Лист увижу под рукой.

Засвечу свечи огарок,
Брошу тень на тополя.
И услышу шорох галок
Там, где спит сыра земля.

Но и утром, в клики птичьи
Вслушиваясь в вешней мгле,
Не узнаю, в чьем обличье
Ходит небо по земле.

Не узнаю, кто вздыхает
И по ком в последний час,
Кто так рано забирает
Этих странников у нас.

* * *

Какая осенью

 младая

В душе тоска!

Как колокольчик, дар Валдая,

Издалека...

Окно от дома до сарая

Бросало луч.

Какая терпкая, сырая

Стояла ночь!

И ветер в соснах, беспокоясь:

А где вокзал? —

Все время наезжал, как поезд,

И исчезал.

И наступала тут такая

Вдруг тишина,

Что только бабочка ночная

Была слышна.

И снова поездом, сосновый,

Гул налетал.

И юный стих о жизни новой

В душе витал.

Но громом в воздухе осеннем
Вставала тишь.
Как перед светопреставленьем,
Провалом крыш.

И только стих, пока молчала
Ночь у крыльца,
Все жаждал жизни без начала
И без конца.

1989

* * *

Когда цепенел я и маялись кости,
Желая отмаяться хоть на погосте,

Взглянул я глазами в пустые глазницы:
Сквозь ночь проходили там звезд вереницы —

И встретился взглядом я с тою звездой,
Что медленней всех говорила со мною.

Я сразу узнал ее между другими,
И страшно мне было назвать ее имя.

Сказал я: пора уже, Господи-Боже!
Пусти меня выше, чем тесное ложе.

Уже я сказать ничего не умею.
Пусти меня выше, чем то, что имею.
Я там еще молод!

И небо, и сушу
Просил я домой отпустить мою душу.

И Бог даровал мне продление жизни,
И стих как моление. и грусть по отчизне.

ДЕВЯНОСТЫЕ

* * *

Прекрасно стать забытой книгой
И промерцать, когда найдут,
Давно прошедшего веригой,
Цепочками его минут.

И ржавое великолепье,
Свидетельство былых оков,
Окажется златою цепью
И украшением веков.

1990

* * *

Сегодня день под Рождество.
Чтоб тишь не возмутить,
Не надо делать ничего,
Не надо в сад входить.

Не скрипни дверцей, рукавом
Снежинки не задень.
Сегодня день под Рождество,
Слепящий Божий день.

И если ангела в тени
Увидишь невзначай,
Своим восторгом не спугни,
Светись, не замечай.

Сегодня день под Рождество,
Настолько Божий день,
Что не боятся никого
Ни лань и ни олень.

Сегодня ветви так висят,
Что просто нет беды,
И всюду — Гефсиманский сад,
Где только есть сады.

Сегодня день под Рождество.
И, страшное на вид,
Сегодня все мертвым-мертво,
Что бытию грозит.

И если Бог шепнет звезде
Неслышно о тебе,
То, значит, в божеском труде
Сиять твоей звезде.

Сегодня день под Рождество,
Тишайший Божий день.
Не тронь пылинки рукавом,
Снежинки не задень.

И Белоснежного в тени
С поникшей головой —
Лишь краем ока сохрани,
То охранитель твой.

Он отдыхает невдали
И шепчет между тем:
О, не спеши, дитя Земли,
В обещанный Эдем...

1990

* * *

Спит имя твоё
В лесу и в траве.
Спит имя твоё
В речной синеве.
Спит имя твоё
В ночном камыше.
Спит имя твоё
В незримой душе.
Во все бытие —
Ночные глаза!
Спит имя твоё,
Как в туче гроза.
И страшно сказать,
И страшно позвать.
Спит имя твоё.
Ему — исполать!

1990

* * *

Ты вошла со светящимися глазами
(Разве можно так долго глядеть на луну?)
И сказала: мне кажется, я не усну.
И уснула. А я не уснул под часами,
Где владычествовал неземной циферблат,
Отмечая, наверное, лунное время.

Я не спал, между теми планетами рея,
Где совсем, никогда в это время не спят.

Оттого, что в зрачки мои звезды вместились,
Я их тихо закрыл и обрел тишину...
У тебя же глаза и наутро светились.
Разве можно так долго смотреть на луну!

1990

* * *

Мой Лихославль сгорел дотла.
Ушла во прах дорога к дому.
Нет даже черного дупла,
А в нем письма к себе, седому.
Но только зренье напруги,
Сад закачается гневливо,
Засеребрится — вопреки,
Наперекор и прихотливо.
Как сам захочет, через край
Листву выбрасывая, тополь
Вскипит — беги и подбирай
Его серебряную опаль.

Мой Лихославль сгорел дотла.
А я устал бродить по свету.
Глядит икона из угла,
Которого давно уж нету.
Повисла в воздухе, глядит,
Мерцая золотым окладом...
И я не знаю, *кто* стоит.
Невидимый, со мною рядом.

1990

* * *

Ирине Одоевцевой

Там вечера фиалкового цвета,
Там все не выговаривают «эр».
А если выговаривают, это —
Как рок, как рокот; в песне, например.

Теперь вы с вашим выговором странным
На берегах, где эти «эр» и «эль»
Звучат, как встарь, звучаньем первозданным,
Как Летний сад, как русская метель.

С ветвей над белой статуей во мраке
Роняет иней ворон вечных лет.
Он неспроста в почти блестящем фраке
И что-то вам скандирует вослед.

Он глаз косит, задумавшись: с отрадой
Или с досадой слушают его?..
Я прохожу в то время за оградой
И этого не вижу ничего.

1990, июль

* * *

Я в ужасе бегу от жизни
И тихо возвращаюсь к ней.
На цыпочках. Из-за угла
Выглядываю: как там слизни?
Еще ползут стезей своей?
Все так же ль бабочку игла
Подкарауливает тонко?
Иль махаон, подобно мне,
С глазами умного ребенка,
Листа шершавую изнанку
Предпочитая спозаранку,
Застыл в тени и тишине?

А над лужайкой виснет чад
И ветки так растрепыхались,
Как будто множеством зеркалец
Играют дети и молчат.
И все мерещится мне палец
У чьих-то губ... Они кричат?

Я в ужасе бегу от жизни,
И страшно мне, что я живой,
Что мертвый тополь в укоришне
Еще качает головой.

* * *

Сколько желтых листов! Это осень?
И на улице, и в кабинете
У меня эта желтая осыпь
Листьев – в воздухе и на паркете.
На полу. И на улице тоже,
Только там их никто не сгребает.
Я же, здесь, ничего не итожа,
Вижу, сколько страниц погибает.
И погибло уже, без ухода.
Пылью легкие мне заложило.
Эта пыль – сорок пятого года.
Эта пудра, она отслужила.
А вот эта – из сорок шестого,
Как внедренная ревтрибуналом
Против чистого русского слова,
Русским же Беломорским каналом
Перекинутая из былого...
В настоящее... В новые были...
Сколько желтых листов. Сколько пыли.
Сколько праха,
Победы и Краха...

* * *

Муки знаменитого поэта,
Как прилюдно ни был бы затравлен,
Это все-таки одно...
Есть другое — в глухомани где-то
Человек унижен и ославлен,
А затем и вовсе обесправлен.
И никто о нем не знает... Но
В час ночной, когда, невзвидя света,
Книжку он читает, нем и тих,
Муки знаменитого поэта
Для него больнее мук своих.

А поэт подьемлет тост. Он в Риме.
Всех несчастней и непримиримей.

1990

* * *

Мне страшно, что жизнь прожита,
Что смерть — это значит домой,
Что снова трясет нищета
На грязных вокзалах сумой.

Что родина — это слеза,
Что мать — это холм без креста,
Что вор, закативши глаза,
Гнусит: мир спасет красота.

А в целом... Да что говорить!
Всего мне страшнее сейчас,
Что я не могу сотворить
Из прошлого будущий час.

1991

* * *

Боже, сколько на сердце зарубок!
Это ж мука сплошная...
Не от туфелек, ног, не от юбок
Эта грусть ледяная.

Не от губ, не от пористых губок,
Грим со скул удалявших
Так красиво... О, сколько зарубок
Не от тех, утолявших!..

Как на притолоке, возле шубок,
Возле шуб, возле эха –
Боже, сколько на сердце зарубок
От проклятого Века!

1991, октябрь

* * *

Боже мой, как хочется прочесть
Улицу, булыжник, шелест ветки
И узнать, о чем же наконец
Мне они стараются сказать
Столько лет в дождливые часы.

Вот я, после дождичка, в четверг,
Говорите же, шепчите...

— Ладно, —

Ветка бьет по рукаву. — Замри! —
(Град воды окатывает шляпу).

Видишь эти точки и тире
У березы на сырой коре?

Ты же сам для нас

как иероглиф.

<?>

* * *

Феликсу Дектору

Я не был в Иерусалиме
И вовсе, может быть, не буду,
Но снится мне: я в том Заливе,
Где люди поклонились Чуду.

Там, на водах, следы синели,
И Он кормил пятью хлебами
Людей, как птиц, что налетели,
Крича, как чайки, над песками.

Я в стороне стоял. Я замер.
И мне сквозь годы волн и бредней
Сказал Он чистыми глазами:
«Возьми кусочек. Он последний».

Я помню зной, сухую руку,
Следы, что таяли, не тая...
Потом мне снилась только мука,
Им наяву пережитая...

Был сон еще: я верил в Бога
И разуверился однажды.
И пролегла моя дорога
Полями голода и жажды.

Но, причащаясь молча телу
И крови жертвенной Господней,
Любому кланяясь уделу,
Я сердцем сыт и всех свободней.

Я не был в Иерусалиме
И вовсе, может быть, не буду.
Но Купины неопалимей
Мой сон, что я свидетель Чуду.

1992, январь

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Невыносимое лето,
Серая, серая муть...
Призрачна, полуодета,
Падает осень на грудь.

И ее так обнимаешь,
Как невозможно обнять.
Кажется — не понимаешь.
Кажется — и не понять.

Руки в рояль окунала,
Взбрасывала, и опять
Кажется — не понимала.
Кажется — и не понять.

Кажется, о Марианна,
В этом последнем танго
Сны, как руины Руана,
А не романа Гюго.

Так эти падают листья,
Рушатся, а тополя
Черные, все золотистой
Или нежней янтаря...

И так пронзительно строго
Каменный замер Орфей,
В музыке Оскара Строка
Слышащий эхо своей.

И так мучительно грустен
Мраморный этот сюжет,
Мучимый не захоластьем
Парка, а патиной лет.

Но просияли ж из окон
Стекла свечами дворца,
Твой золотящийся локон
Тронувшие у лица.

Это последнее т'анго.
Это последний роман.
(...Это над водами Ганга
Русских гусей караван...)

Это мой голос осенний
Возле любимой руки,
Как над Невой и над Сеной
Музыка ради реки...

Руки в рояль окунала,
Взбрасывала и опять
Осени не понимала.
Осени и не понять.

1992

ЛИВЕНЬ

Какая радость в мире без надежд
И без мечты — увидеть летний ливень!..

Вскипает под окном тропинка, пузыри
Бушуют, лопаясь, трава седеет.
А вскинешь голову — там, замутясь,
Качает небо сосны строевые
И среди них особенно одну,
Чья схожа с лирой золотой вершина.

Какая радость в мире без надежд
И без любви, без службы, наконец-то,
Увидеть град и градину поймать,
Как жизнь тому назад пропавшее мгновенье.
Когда дымится ливнем подоконник,
А гром раскалывает корпуса,
Как хрусталем набитые буфеты...
Откатывается, стихая где-то,
И исчезает, молнии сложив.

Какая радость градину поймать
И с тайным ужасом следить, как тает
Давно уже растаявшая жизнь,

Хоть тайны в этом нет ни для кого,
Кроме тебя...

Озоном пахнет, воском,
Сырой землей... Как сладко моросит
Тебе окно о том, что ты не нужен.

1993

ПОЛНОЛУНЬЕ

Я живу на другой планете.
Надо мной другие созвездья
Так пугающе, непривычно
Близко движутся... Но как мало

У меня ночей и ландшафта
Гипнотически голубого.
Скоро, скоро мне улетать.

Это здесь говорят мне люди:
«Наконец-то ты прилетел!
Как живешь ты с мечтой о чуде
Там, где есть у всего предел?»

«Что вы, что вы, — я отвечаю. —
Там, за вечностью, в тех часах
Я давно уже не мечтаю
И не знаю о чудесах.
А у вас разве нет предела?»

«Нет, конечно». — «А мера есть?» —
«Мера — это душа и тело,
Мысль и разум, останься здесь!»

«Нет. Совсем на другой планете
Я живу. И звезды не эти

Ночью движутся надо мной.
И вопрос у меня земной —
Почему мы все — как родня,
А общение
безымянно?

То, что знаете вы меня,
А я вас, для меня не странно.
Странно — как я попал сюда,
В Никуда или в Никогда?»

«Это просто. Как в полнолуние
Помнишь, в детстве было с тобой —
Засыпал ты в одной комнате,
А глаза открывал в другой...»

«Почему голос мой немеет,
А слова на душе растут?
Почему мой язык не смеет
Вас спросить, как меня зовут?»

«Ты оставишь еще в Подлунной
Стих из золота и серебра...
А теперь и о нас подумай,
Нам давно уже спать пора.

Ведь покуда ты так встревожен
Фосфорическим днем луны,
Мы тут тоже уснуть не можем
И зазвездные видим сны.

Окунай в синеву ресницы.
Над тобой нарастает Дом.
Мы тебе будем часто сниться
И когда-нибудь позовем.

Мы окликнем тебя.
— Будь с ними! —
Скажет Дом. И взойдет звезда...
И свое настоящее имя
Ты узнаешь только тогда».

1993

* * *

По капоту машины бьют градины.
Размышленья итожу:
Все стихи у кого-то украдены,
Все мелодии – тоже...

Град взлетает... Бокал газированной
Выпить было бы славно...
Все оттенки всех красок сворованы,
Сами краски – подавно.

Вдруг на землю небесными лужами
Дождь ложится устало.
Облаками и солнцем запружены
Мостовые квартала.

Снова голуби вдруг гули-гуляются
Голосами чужими.
Марианна идет через улицу
Прямо к синей машине.

И садится за руль...
Тем не менее

Я итожу уныло:
Где-то все это, за исключением
Марианны, уж было...

* * *

Под деревом ночным, шумящим,
Под ветром и дождем несильным —
Себя запомнить заносающим
В блокнот карандашом чернильным

И шум листвы, и эту осень
Войны, и это ощущение,
Что сам себя в блокнот заносит
Дождь, не имеющий значенья.

Под деревом ночным, шумящим
Не понимать — какое чудо
Быть настоящим, уходящим
Невесть куда, как весть отсюда.

Но и не уходить, а, слезы
Сдержав мальчишески жестоко,
Сидеть, не изменяя позы,
И видеть, как шумит широко

Дождь, принимающий участие
В стихах, чтоб дольше сохранились,
Чтоб эти буквы, хоть отчасти,
Полиловели и расплылись.

Под деревом ночным, шумящим...
Под деревом ночным, шумящим...
О, под дождем, так бившим гулко
По ржавым крышам переулка!

1994

* * *

В Париже я не написал ни строчки.

Прошло три года... Ветреный закат

За черными стволами и ветвями

Тревожил охрой, синькой...

Торопливо

И очень низко тучи проносились

Над рю Гренель,

Где сквер

и спуск в метро.

В прорывах туч клубился белый свет.

Куда девалась жизнь?

и почему

Все стало так отныне безвозвратно?

И пятипалый бурый лист платана

Бессильно падает, не дотянувшись...

И безвозвратно я перехожу

Из одного мгновения в другое.

Куда девалась жизнь?

ее втянуло

В багрово-черный мавзолей?

в воронку

Квадратную,
 чтоб дольше жил мертвец?
Куда девалась жизнь?
 с кого спросить?
Опять — с себя,
 в красивом фарисействе?

Прохладный воздух пахнет
 теплым камнем.

Пахнуло дождичком... И лист платана
Опять не долетел, не дотянулся.

Зазолотилась Эйфелева башня.
Дождь безвозвратно так зашелестел.

Куда девалась жизнь? Спросить его?
А он — парижский, здешний,
 тихий дождик.

Он о других не знает ни-че-го.

8 декабря 1994 г., Париж

* * *

Юре Лаврушину

Как-то поэт, проживавший в Париже,
Слух поражая стоявших поближе,
Проголосил ни с того ни с сего:
«Музыка, музыка прежде всего!»

Этот порыв без тоски и без фальши
Вдруг долетел до стоявших подальше.
И, отодвинув како-шуа,
Забормотали в ответ буржуа:
«Цифры и счета превыше всего».

Юра, желаю тебе одного:
Помнить, чтоб сердце твое не скучало —
«Прежде всего» это значит «сначала».

...Музыка, музыка, музыка зала,
Где, кроме музыки, нет никого,
Нет ни Москвы, ни Парижа, ни счета...

Музыка — птица большого полета.

И в день рожденья, и после него —
Музыка, музыка прежде всего!

21 июля 1995 г.
Переделкино

* * *

...Милая, дождь идет,
Окна минуя, косо.
Я ведь совсем не тот,
Чтоб задавать вопросы.

Я ведь совсем другой.
Я из того ответа,
Где под ночной пургой
Мечется тень поэта...

<?>

* * *

Тбилиси! Туманная рань!
И вдруг ослепительный день.

Балконов твоих филигрань,
Извилисто-тонкую тень
Бросающая по стене...
Тбилиси, ты снишься и мне.

Тбилиси, о, как я плутал.
Я слышу походку свою.
И вдруг тишина! Я стою,
В слезах обнимая платан.

Мне помнить уже суждено,
Пока я не глух и не слеп,
Твой теплый лаваш и вино,
Упавшее розой на хлеб.

<?>

* * *

Мне нравится, что жизнь проходит,
Что мокрый желтый лист летит
И что с меня очей не сводит
Ночь под мелькание копыт;

С подков, взблеснув, летят ошметки
Дорожной грязи и времен...
И вдруг — опушка, лес и кроткий
Вздых льном повеявших сторон.

И, множась в мороси тумана,
Конь, взбрыкивающий без нужды, —
Так просто... спутанный... ночной...

И — независимо и чуждо —
Всем небосводом, без обмана,
Глядящий в душу край родной.

<?>

* * *

Надо забыть звуки
И не ходить в гости.
Надо умыть руки
И рукоять трости.

Надо забыть горе
Этих кончин вечных.
Надо открыть море
В свете пучин Млечных.

<?>

* * *

Марианне

Я за столько лет не нагляделся,
Не налюбовался на тебя...
Город в белый снег переделся,
Чистоту внезапную любя.

Я за столько лет еще не свыкся
С первопутком около домов:
Снеговик с загадочностью сфинкса
И в снегу две ветки двух тонов.

Я хочу продлить их неизвестность
Изморози или черноты.
Но тогда вступаешь в эту местность,
Инея не стряхивая, ты.

Пусть висок мой в иней приоделся.
Будь со мной, тревожась и любя.

(Не уйди, мой город разлюбя.)

Я за столько лет не нагляделся,
Не налюбовался на тебя.

<?>

ПРИШЕЛЕЦ

ПОЭМА

Вместо предисловия

В этот странный час на серой, пустой предутренней улице, где все что-то забыло, что-то важное, и теперь мучительно напоминает – карнизами, окнами, мостовой, ты должен помочь этой улице вспомнить, о чем она забыла. И в этом совместном с ней воспоминании чего-то забытого, важного и есть тот момент, когда зарождается стихотворение или поэма.

Мне нравятся книги, которые пахнут асфальтом и серым дождем городских площадей. Мне нравятся книги, в которых, как в лужах, отражаются старинные здания и фонари. Мне нравятся книги, в которых есть загибающийся в неизвестность переулок; в которых любовь появляется из-за угла и складывает мокрый зонтик. Мне нравятся книги, в которых во время ливня, как голуби, бьются белые струи под водосточной трубой над серым, истершимся до кирпича асфальтом. Мне нравятся книги, в которых есть каменные ворота в неизвестный двор, где можно сесть на лавочку и слушать музыку из распахнутого окна. Музыка просто так... А бледный клен шумит над головой и роняет тебе на колени мокрые, мягкие листья.

И еле доносится городской гул.

Каждый поэт в душе сюрреалист. Даже Гомер. Даже Пушкин (сон Татьяны, скачущий памятник в «Медном всаднике» и т.д.). Другое дело, как он с ирреальностью поступает. Без ирреальности, иррациональности невозможно чувствовать реальную почву под ногами.

Угол дома с кружевным углом ржавого карниза висит в космосе. Бабочка, вспорхнувшая на цветок, – вечность. Мы умираем в бесконечности и все время ждем, что будет в конце. Левитановский «Март» – крыльцо, снег, лошадка – мне часто видится на фоне черного звездного космоса, приближенного, как в телескопе.

Всегда хочется поймать переход времени в вечность.

1. ПРЕЛЮДИЯ

Ворвался в сон огромный куст жасмина:
 Зашелестел, запах, заговорил,
 Как стих «с упреком давнего помина»,
 Едва мерцая, в сумрак воспарил.

Но все ж откуда рифма – «ужас минул»?
 Я этих слов совсем не говорил.
 Я говорю: как привиденье, бродит
 Туман в деревьях, где живет сова...

Но кто во тьме моей рукой выводит
 Свои почти сторонние слова:
 «Оставьте – мысль – о ядерном – ударе –
 Вас – вот – уже – идет – на вашем – Шаре –
 Совсем – другой – материи – распад –
 Она – была – нетленной – но...»

Я бросил

Перо. Оно пошло писать само
 О том, что я без лодки и без весел
 Плыву туда, где начато письмо...

И должен я теперь, хотя б немногим,
 Покуда этот мир еще не пуст,
 Заметить им, неглупым и двуногим,
 Что тлен уже из их исходит уст.

Я пробудился. Этот куст жасмина
Один из сна остался моего
И говорил, что если ужас минул,
То людям знать не надо ничего.

Из-под пера бумага ускользала.
И в миг, когда Сатурн совпал с Луной,
«Ты верно понял», — небо мне сказало.
«Домой пора!» — сказал мне дом земной.

Пошли сжиматься годы в час единый!
Что ж, я опять себе не господин.
Но кто ж тогда польет мой куст жасмина?
«Неважно. Бог польет», — сказал жасмин.

2. ОТБЫТИЕ

Однажды мне шепнули: вы — пришелец!
Я только палец приложил к губам.
И улыбнулся. И заплечный шелест
Так грустно канул к липам и дубам.

Петродворец сиял во всем параде,
А женский взор сиял, как бирюза,
Но, спохватясь, в земном и сером взгляде
Я спрятал настоящие глаза.

Со мной случалось очень редко это.
Я так привык держать себя в узде.
Но были Дни великого поэта,
И я забыл, что я не на Звезде.

Я должен быть не узнан и не понят.
Я должен быть держащимся в тени.
Я должен быть не тем, о ком трезвонят,
А тем, кто каждой улице сродни.

Всю ночь шел дождь. Всю ночь писал стихи.
И рисовал. Отмахиваясь веткой
От облаков. Последние штрихи
Все наносил. Все падал мелкой сеткой.

Блестела крыша. На нее глядел
Чердак соседней крыши. Дождь редел.
Стихи заканчивались. И чужими
Уже казались. И рисунок был
Чужим уже. На нем блестела крыша.
И лунный свет! Сквозь дождь!

Я не забыл,
Что мне пора, что — время... Тише, тише...
Окно чернеет... Дверь я сам закрыл.

Тьмой пустоты уже снижалось небо.
Я знал, что мне нельзя покинуть Пост.
Но, как монах, Земле свершая требу,
Я плакал, не желая видеть звезд.

Планета Икс шла прямо на сближение
Со мной одним. Сквозь рябь черновика.
И мощь ее святого притяженья
Я ощущал как будто сквозь века.

Окно и дверь. И чистый лист бумаги.
Да в пальцах это вечное перо.
И дуновенье горестной отваги:
Договорить, оставить серебро...

Я помню все! Я не имею права
Земными буквами о неземном...

Но умоляю... Перед переправой...
Я заслужил... Я только об одном...

Прошу хоть час земного опознания
(У нас так не бывает, знаю я).

Но как он прав!.. Последнее сказанье,
И летопись окончена моя.

Еще есть пыль Московского вокзала,
Еще есть рифмы к «ползать» и «парить»!..
И, приближаясь, мне Звезда сказала:
«Что ж, говори».

Я буду говорить.

Но только с теми, с кем я рядом жил,
Где чудом голову я не сложил.

Мне сорок лет. Я вышел на свободу
Из бытия или небытия.
Из дома... из тюрьмы... не знаю я.
Какая разница... Кому в угоду
Я должен точный адрес рисовать
Или картинку Выхода и Входа?
Для тех, кто все привык адресовать?

Я на Земле от имени отвык.
Теперь полет понятий – мой язык.
И он туда направлен, где за пылью
Роящегося Млечного Пути
Меня еще, наверно, не забыли
Две-три персоны, юные почти.

Я прибегаю все еще к словам.
Но я достиг той самой лунной фазы,
В которую так страшно деревьям,
Засеребренным...

Прощайте, вязы!

Прощай, стена!

Мне дурно, но чуть-чуть...

Я замолчал. И мне открылся Путь.
Я бросился в него! И – надо мной

Деревья зашумели, встав стеной,
Запахло вдруг проселочной дорогой,
Ромашкой, сеном... Звездный небосвод
В двух колеях, черневших, отразился.
Я этому пейзажу поразился.
Казалось, я сойду с ума вот-вот.
Исчезла полночь. Полдень воцарился.

Мелькают загорелые коленки,
И ситец платья, тело обтекая,
Взлетает. Ты его руками ловишь
И наклоняешься к волне ромашек.
Я сквозь ресницы на тебя гляжу,
Со стебельком в зубах в траве лежу,
Не замечая, что уже сквозь годы
Гляжу на облако и на тебя...
Мелькают загорелые коленки,
Ты приближаешься, летишь по лугу,
Гляжу на небо, близкое к испугу...

И открываю в комнате глаза.

И думаю, почти без сокрушенья,
Оглядывая вновь свое жилье:
Вот какво земное притяженье!
Или твое...

Всю ночь шел дождь. Всю ночь писал стихи.
И рисовал. Отмахиваясь веткой
От облаков. Последние штрихи...

И снова — тот же час и та же ночь.
Теперь я память должен превозмочь.
Что еще сделать?

Холоднее льда,

«Договорить», — ответила Звезда.
Я так устал среди этих пальм и елей,
Меридианов, войн и параллелей
(Откуда знать придумавшим ракеты,
Как устают пришельцы и поэты).
Среди каких-то служб, каких-то наций
И просто непонятных махинаций,
Где логика почти на все готова,
Раз отрубают голову за слово.
Где просто Планетарное искусство,
А рядом подлый миф, как меч Прокруста.
Зачем? Когда и так, без ваших мифов,
Поэзия есть вечный труд Сизифов,
В котором камень мудрости от века
С холма опять летит на человека.
И только вам, землянам, непонятно,
Что он совсем другим летит обратно.

.....

Вот так и я — к холмам и ликам милым
Вернусь уже почти другим посылом.
Я заболел тяжелым миром вашим
С его ядром, случайно не погасшим...

Тем, кто войдет, оставлю на столе
Стихи. Я был поэтом на Земле.
Но это было только порученье
И не имеет более значенья.

.....

«Увы, увы», — кричит ночная птица
В сыром саду. И нам пора проститься.
У подмосковной гнущейся березы
Ты у меня в глазах стоишь, как слезы.

Ты не поймешь того, что я отозван.
 Ты будешь плохо думать обо мне.
 Но будет ночь. Ты обратишься к звездам
 И обретишь свободу не во сне.

.....

Проститься трудно мне и с богомазом,
 Нарисовавшим Бога по рассказам.
 Но как он смог понять сестру и брата,
 Не понимая Черного Квадрата?

Я б не сумел, имея кисть и очи,
 Не видеть звезд среди беззвездной ночи.
 Ведь свет и тьма для космоса одно.
 Какая тьма светил глядит в окно!

Грех не проститься мне и с земледельцем.
 Среди пустых тележек и телег
 Присядь со мной по-свойски, как с пришельцем,
 Ведь сам живешь, как пришлый человек.

Я напишу пленительную книгу
 О лепестках, ресницах и зрачках.
 А ты подаришь хлеба мне ковригу,
 Чтоб я остался в Вышних Волочках.

Но есть миры и выше нежных елок
 И рвущих сердце речек и полей.
 Я уважаю этот древний волок,
 Но, знаешь, тянет душу Водолей.

.....

«Увы, увы», — кричит ночная птица
 В саду промокшем у монастыря.
 Звезда, я плачу, вспоминая лица,
 Которых больше не увижу я.

Я послан был тобой на эту сушу,
Чтоб, позабыв о воле и крыле,
Бессмертную свою оставить душу
Всю, по частицам, на чужой земле.

С чего ж я плачу, сбрасывая бремя —
Земную пыль, земной недолгий час?
У нас пространства нет. Есть только время,
Оно зовется вечностью у вас.

...Я так устал на вас похожим быть.
К тому ж за годы, что я здесь бытую,
Вы и меня сумели убедить,
Что нет меня, что я не существую.

Покуда не опознан Человек,
Все эти миллионы невидимок,
В заботах коротающие век,
Все НЛЮ — один туманный снимок.

Былых фантазий бывший фаворит,
Двадцатый век, век — маска, век — насильник,
Зачем тебе энергия, рубильник?
Чтоб делать пеплом все, что говорит?

Как некий дух над каждым человеком,
Как в черном космосе парад планет,
Парад веков стоит над вашим веком,
И от него нигде спасенья нет.

.....
Я, как дитя, представил бесконечность —
И страх объял меня. Я в Путь готов.
Я здесь оставил душу. Дай мне, вечность,
Хотя б минуту для немногих слов.

Увы, прощайте, гордые, как дети,
 Что занеслись, экзамен первый сдав.
 Хулу или хвалу чужой планете
 Нам воздавать нельзя. Таков устав.

Но я закон своей звезды нарушу.
 Вы — гениальны. Это не секрет.
 Вы умудрились сделать смертной душу!
 Нигде другой такой планеты нет.

.....

Всю ночь шел дождь. Всю ночь писал стихи.
 И рисовал. Отмахиваясь веткой
 От облаков. Последние штрихи
 Все наносил. Все падал мелкой сеткой.
 И слушал шелест крыльев за спиной,
 И все руками разводил от счастья.
 И две луны вставали надо мной.
 Одна была похожей. Но отчасти.

Как вам сказать, где ожил я теперь,
 Как сообщить без буквы и без фальши?
 Созвездье Лебеда? Оно — как Тверь
 Или Можайск... Мы несравнимо дальше...
 Там нет конца...

Но есть Окно и Дверь.

1989, 1990

АЛИБИ

ПОЭМА

Так где я был, когда вы воду в ступе
Толкли со всей своей системой вкупе?
Я УХОДИЛ В МУЧИТЕЛЬНЫЕ ДАЛИ,
Вот где я был, пока вы заседали.

ПРОЛОГ

Я все живу и жить намереваюсь,
Покуда стих, как дудочка в лесу,
То приближается, то, удаляясь,
Влечет и сердце держит на весу.

Я все живу и всем лицом в забвенье,
Как в куст сирени майской, уходя,
До замиранья вслушиваюсь в пенье
Жемчужной птицы и в шаги дождя.

Ночной проходит дождь походкой слабой
Сквозь сад, шумя в ушах, как тишина,
И зная, что я здесь, под этой лампой,
Он топчется у моего окна...

Не надо, проходи. Ты теплый, летний.
Здесь нужен лед. Иди к чужому дню.
Надежду, умиравшую последней,
Я без тебя, один, похороню.

Все медлил я. В напутствиях старинных
Отсрочку словно строчку находил...
И вот — «Поэма. В нескольких руинах».
Вот — жанр, в который с веком угодил.

Все ждал чего-то. Все искал прогалин
Во времени, чтоб вырваться «вовне».

И вот — поэма в несколько развалин,
Бессвязная, как эта жизнь в окне.

Не вырвался, не выбился. Обломки
Часов и дней сложив под шум дождя,
Я все гляжу в осенние потемки.
А дождь все топчется, не уходя.

...И трещина прошла
По государственной Библиотеке,
В чем Метрострой мгновенно обвинил,
От всей души инстанции минуя,
НИИ, где я не помню кем служил.
И, впрочем, прав наверно в чем-то был.
Там начались сплошные заседания...
А трещина? А трещина росла,
И наконец, разваливая Зданье,
Она по сердцу моему прошла.

Мне кто-то крикнул: «Через час собрание,
Куда бежишь?»

Я отвечал: Дела!»

Был летний день. Хладея постепенно,
Алел асфальт сиреневый у ног.
Казалось, на Ордынке даже стены
Прекрасно знали, как я одинок.

Ампирный, восемнадцатого века,
Три этажа, три эркера. Подъезд
Дорический. И — чудо этих мест —
Он пуст! (Ни огонька, ни человека).

...Был день.

Прекрасной дамы солнечная тень
Возникла предо мной. Остановилась.

Ошеломленно на меня взглянула
Иль на кого-то за моей спиной.
Взгляд отвела. И в тот подъезд шагнула.
Тень, мы знакомы разве?..
Что со мной?..
Мне померещились глаза совы...

...Какие-то военные машины
Летели мимо тротуара... Солнце
Бросало зайчики сквозь шум листвы,
Как будто прыгающие червонцы...

Небезопасны старые дома
Для впечатлительного человека.
Там всяких душ перебивала тьма
С начала восемнадцатого века.

В его на диво слаженный ампир
Вдышавшись, к счастью или же к несчастью,
Они остались здесь какой-то частью,
В нем сотворив особый дух и мир.

...Дверь проскрипела. Я вошел с оглядкой
(Дверь тяжело захлопнулась за мной).
Подъезд был пуст. Лежал узор цветной
На плитках пола солнечной накладкой.
Шла мраморная лестница изгибом
Справа налево — вверх — где, как балкон,
Коричневым фигурным парапетом
Висели антресоли, скрип тая.
Над антресолями и над подъездом
Висело небо, ангелы глядели
Вниз, на меня, томясь от паутины,
К ним подбирившейся, от облаков,
Давно не белых...

Солнце сквозь витраж

Осколки радуги бросало на пол
 (Дверь тяжело захлопнулась за мной!).
 Я сделал шаг... И закружилась пыль.
 И я ослеп от страшного удара.

Я долго поднимался... Я стоял
 На двух ладонях и на двух коленках,
 Мотая головой...

И вдруг такой
 ромашкой, кашкой в ноздри мне дохнуло,
 полынью и кузнечиком в ушах,
 так вдруг зашлась всей степью синева,
 что я вскочил, одернув гимнастерку,
 потер затылок,

огляделся

и...

«Р-равняйся!» — услышал...

Блекло-синий свод.
 Мы, пленные, стараемся равняться,
 Друг друга выпираючи вперед.
 А рядом вишни, яблоневый сад,
 Искусственный бассейн, флагшток, палатки...
 «Р-равняйся!» — как на линейке...

Здесь вчера

Был пионерский лагерь.

СТЫД. Жара.

И так по-свойски, буднично:

«Евреи

И коммунисты, шаг вперед».

И Додик,

Как кто-то рядом, сделал шаг. Вперед.

Тогда я тоже сделал шаг вперед.

«Ты коммунист?» — спросил ублюдок в черном,
 Наверно, переводчик. Он, конечно,
 Не немец был. Без нации, но — наци.

Я не был коммунистом. Я был другом.
И одноклассником.

Я руку положил
Давиду на плечо. И улыбнулся.

«Зачем ты вышел?» — он шепнул. «Молчи.
Так веселей!»

— «Встать на краю бассейна!»

И грянул залп...

И в уши, как в ночи,
Плеснули волны Волги или Рейна...

Небезопасны старые дома
Для впечатлительного человека.
Здесь всяких душ перебивала тьма
С начала восемнадцатого века.

В его на диво слаженный амбир
Вдышавшись, к счастью или же к несчастью,
Они остались здесь какой-то частью,
В нем сотворив особый дух и мир.
Мгновенья, что над веком верховодят,
Дни, от которых годы без ума,
Как бесенята, вас захороводят...
Небезопасны старые дома.

Я всплыл. И, уцепясь за край бетонный,
Увидел, что я здесь совсем один.
Перевалился и, вцепясь в траву,
Рванулся и пополз, хватая землю,
И оказался в комнате... Я полз
По запыленному паркету. Сердце
Подкатывало к горлу, пульс — к вискам.
В моих горстях еще была трава,
Она ромашкой пахла и землей,
Я долго пальцы разжимал и видел,

Как исчезали медленно травинки,
Как на ладонях таяла земля.

Я стиснул губы чистыми руками,
Потом лицом припал бессильно к полу.
Пол закружился.

В этот самый час
Прохожие беспечно проходили,
Ерошил ветерок листву, шуршали
Колеса по асфальту возле дома,
Где я и был и не был...

Дом стоял
Во временах и в неподвижной дате
(Лишь тополь тенью гладил по стене,
Зеленый, но такой же старый, кстати).

...Я встал с коленей и, держась за воздух,
Ступая тихо, подошел к окну.
Потряс его и распахнул. Сырой
Вдыхая ветер осени и снега.
Не удивляясь больше чудесам,
Предоставляемым мне этим домом,
Я любовался бедным и знакомым
Пейзажем, где плутал я по лесам,
Где в этот миг к любой его тропинке
Был близок легкий гул Большой Ордынки.

Мой век, тебе давно не по себе!
Зачем ты вел борьбу со мной в себе?
Мне все равно, где это совершалось —
В Москве или в Париже, или там,
Куда за океаном по пятам
Бегут, ко мне испытывая жалость.

Прощайте все! Мне некуда бежать.
Я остаюсь от холода дрожать.

Здесь я наедине с двадцатом веком.
Здесь он во всей открытости своей,
Такой, как есть, на родине моей,
Где каждый пятый – вор или калека.

Мне все равно, какое время суток.
Мне все равно, какое время дня.
Мне все равно, какое время ночи.
Я уйду в знобящий промежуток,
Где ждут давно оболганные очи,
Все понимающие про меня...

Там, за рекой, где больше нет разлуки,
Где тень креста, хотя бы погощу.
С тяжелым вздохом подниму я руки
И с легким вздохом руки опущу.

Взойду по шатким, щелястым ступеням
На старый барский вымерший балкон,
Прислушиваясь к их дрожащим пеням
И к шелестам со всех родных сторон.
Пахнет снежком, и в желтом отдаленье
Проступит леса синяя стена...
В День Ангела слышней, чем в День Рожденья,
Все времена твои, все имена...

Там родина моя... которой люди
Еще не знают, хоть на ней живут.
Ведь я не рассказал еще о чуде,
Что сходит к нам, когда его не ждут.
Однажды на заре я вышел в поле,
Еще едва впиталась в землю кровь.
И защемило сердце, как от боли,
От радости, что есть еще любовь!..
Ведь родина не только эти дали
И эта высь, она ведь, между тем,

То место на планете,
 где нас ждали,
 Когда еще нас не было совсем.
 Когда мы были только сочетаньем
 Звезды и Праха, Крови и Мечты...
 Потом мы станем чьим-то причитаньем
 Иль немотой...

Россия, это ты...

Небезопасны старые дома,
 Они молчат, как вечные тома.

Хочу от злой неутолимой жажды
 Ступить в одну и ту же реку дважды.
 И трижды. Невозможно? Пустяки!
 Ведь только так и пишутся стихи.

Откуда этот колокольный звон?
 Пространство голое —

со всех сторон...

Ни леса нет, ни церкви вдалеке.
 Избушка... Дед, сидящий на пеньке...
 Тень шумных листьев мечется у ног,
 А древа нету...

«Что тебе, сынок?»

«Дед, что здесь было?»

«Здесь была Россия».

«Старик, ты спятил. Я же русский сам,
 Я знаю, где она!»

«Она не там.

Россия там, где все уже скосили.
 До зернышка повыбрали. Дотла
 Спалили храмы. А колокола
 Расплавляли.

И только звон остался».

Окно захлопнулось. Звонок раздался...
Небезопасны старые дома.

Здесь на себе (как ни были б смиренны)
Вы постоянно чувствуете взгляд
Чей неизвестно. Знайте, эти стены
Не только слышат, но и говорят.

Дом может вам обычным показаться.
Но в час любой, как музыкаю сфер,
В нем тишина полна импровизаций
На темы всех реалий и химер.

Они живут, как скрытые цитаты,
Как внутренние рифмы, в толще стен
И проступают в нынешние даты,
Но лишь при тех, кто жаждет перемен.

Пусть здравый смысл и опыт протестуют,
Но для живого сердца и ума
Небезопасны старые дома...
Особенно, когда они пустуют.

Я дверь открыл в соседнее пространство.
Там в окнах — сквозь осеннее убранство
Листвы — рябила гладь Невы иль Сены...
Вот-вот сказать хотели что-то стены...
Звонок интимно вроде б и условно
Два раза прозвенел с намеком, словно
Я дома был... Но *странный*
длился день...

Прекрасной дамы солнечная тень
Прошла и встала слева от проема
Дверного, за стеной: «В урочный час,
Мне кажется, я заманила вас.

Но вы мне так напомнили кого-то,
Кто вне учета для широких масс...
А там, в НИИ, без вас ломают копья,
Там и о вас хотят поднять вопрос...»

— «Я эту *трещину* в себе унес!»

— «Я знаю. Вы хотите, чтобы хлопья
Замельтешили, чтобы монастырь
Вас обступил. Ужель хотите в келью?»

-- «Я посмотреть на вас хочу.

Вы где?..»

— «Зачем? Да и с какой, скажите, целью? —

Она ответила. — Я тут везде.

Глядите ж, снег! И все как в январе!
Вам нравится в Донском монастыре?
Я отпускаю вас...

Но вы вернетесь.

Не обошли вы стольких этажей!
Их там у нас побольше, чем снаружи.
Идите же, глотните этой стужи,
Не забывая наших витражей».

Я сделал шаг. И встал... Вороны с криком
Роняли рваный мокрый серый снег.
Ведь здесь (я поклонился двум гвоздикам)
Под камнем, в одиночестве великом —
Загадочный великий человек.
Могилы скоро будут, как сугробы,
Белым-белы, лишь черные на них
Ряды чугунных букв старинной пробы
Затяжелеют, как печальный стих.
Одни под снегом канут, как растаяв,
Но эти будут вечно — ЧААДАЕВ.

Я на скамейке погрузился в сон,
 Успокоительный, как снегопад,
 Но спать на кладбище еще живому
 Опасно все же — кто-то рядом сел
 И монотонно: «Голос, Логос, Голос», —
 Забормотал. Я вскрикнул
 и проснулся.

Свершалось то, чего я так боялся! —
 Заволновались стены, это глина
 Звала кирпич обратно; задрожали
 На церкви кровля и решетки — это
 Руда звала к себе свое железо.
 Скамейка зашаталась.

Я проснулся.

Опять.

Снег с ветки уронив,
 Сова взгляд отвела и косо полетела...

Метель повеяла о вечном свете
 Отца и Сына и Святого Духа.
 Но кто-то с кем-то вновь заговорил:
 «Да, я согласен с вами, что не может
 Быть воплощением алиби поэт,
 Не соучастник он. Но совесть гложет
 Его. А вас, по видимости, нет.
 Грешно, явившись Сыном без Отца,
 Мечом организовывать Второе
 Пришествие — получим Страшный Суд
 Без Судии!.. Без Бога, без предела...
 Для всех!»
 И снова: «Логос, Голос, Логос...»
 «Кто здесь?» —

Я окончательно проснулся...

Шли от скамейки свежие следы
 Двоих, по снегу, в сторону могил.
 Их быстро-быстро хлопья заметали.

Шел крупный снег в Донском монастыре.

...Мысль о поэме, как дамоклов меч,
 Висела надо мной четыре года.
 Сидишь в гостях, бывало, глянешь вверх —
 Висит.

А выпьешь —

Падает со свистом.

И я, глаза от ужаса смежив,
 Сижу, не видя, и молчу, не слыша.
 И мальчики кровавые в глазах.
 Встаю.

«Куда ты?»

— «Я сейчас... Сейчас!»

И становлюсь дождем, туманом, снегом.
 Я на земле. Но что мне делать с небом?
 Троллейбусы, я спрашиваю вас!
 (Меня в подъезд заталкивает ветер...)

Слетают снега маленькие крохи.
 Снег ни при чем, дорога ни при чем...
 Да это же поветрие эпохи —
 Быть с алиби повсюду и во всем.

Стоят дома с отсутствующим видом.
 С отсутствующим видом я иду.
 Не бойся, город! Я тебя не выдам
 Ни в этом, ни в двухтысячном году.

1987, 1995

КНИГИ СТИХОВ ВЛАДИМИРА СОКОЛОВА

Утро в пути

М.: Советский писатель, 1953

Трава под снегом

Стихи. М.: Советский писатель, 1958

На солнечной сторон

Стихи. М.: Советский писатель, 1961

Смена дней

Стихи. М.: Молодая гвардия, 1965

Разные годы

Избранные стихи. М.: Советский писатель, 1966

Избранная лирика

Библиотечка избранной лирики. М.: Молодая гвардия, 1967

Снег в сентябре

М.: Советская Россия, 1968

Стихотворения

М.: Художественная литература, 1970

Вторая молодость

Стихи. М.: Молодая гвардия, 1971

Четверть века

Избранные стихи 1948–1973. М.: Советская Россия, 1975

Городские стихи

М.: Советский писатель, 1977

Позднее утро

М.: Современник, 1977

Спасибо, музыка

Стихотворения и поэмы. М.: Молодая гвардия, 1978

Сюжет

Стихи и поэма. М.: Советский писатель, 1980

Избранные произведения

В 2-х томах. М.: Художественная литература, 1981

Долина

Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1981

Стихотворения

М.: Детская литература, 1983

Любовь как любовь

Библиотечка «Огонька». М.: Правда, 1985

Сюжет

Стихи и поэма. М.: Советский писатель, 1986

Новые времена

Стихотворения и поэмы. М.: Молодая гвардия, 1986

Стихотворения. Поэмы

М.: Художественная литература, 1987

Я тебе изумляюсь, Тбилиси

Стихи. Переводы из грузинской поэзии

Тбилиси: Мерани, 1987

Избранное

М.: Советский писатель, 1989

Посещение

Стихи. М.: Советский писатель, 1992

Стихотворения

Серия «Самые мои стихи». М.: Слово, 1995

Неповторимый венец

Избранное. М.: Фонд им. М.Ю. Лермонтова, 1995

Стихи Марианне

М.: Региональный общественный фонд поддержки и развития отечественной культуры «ПРОК», 1996

Неповторимый венец

М.: Новый ключ, 1999

Белые ветки России

М.: Русская книга, 2000

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- «...А если ты искал дорогу...» (Этюд II) 184
«А мне надоело скрывать...» (Стихи Марианне, 1) 232
«А музыку я оставлял на потом...» 356
Алиби («Я все живу и жить намереваюсь...») 572
Артист («Мой товарищ, сегодня ночью...») 210
- «Бабушкино одеяло...» (Тепло) 292
«Балканский сырой ветерок...» (Из Софийской тетради, IV) 279
«Бедный мальчик в промокшей кепке...» 29
«Безвестность – это не бесславье...» 151
«Беззвучно дерево шумело...» 60
«Белые гнезда снега...» 180
Бессонница («Почему ты не спишь и глядишь в окно?...») 251
Бессонница («Спит сямский котенок, вцепясь в ковер...») 484
«Благословенно лето...» (Лето) 464
«Боже мой, как хочется прочесть...» 541
«Боже мой, разве...» (Разлука) 250
«Боже, как ей все это знакомо!...» 198
«Боже, как это было давно...» 263
«Боже, сколько на сердце зарубок...» 540
Болезнь («Третий класс. Температура...») 220
Больничное окно («Осточертевший пейзаж за окном...») 436
«Большой зимы строительный каркас...» 376
«Бродя и гадая...» 322
«Была зима белым-бела...» 187
«Было время, льнул я к любой судьбе...» 245
- «В дни, когда рано темнеет...» 177
В метелице («В метелице... в шубке... Да что там!...») 451
«В метелице... в шубке... Да что там!...» (В метелице) 451
«В мое отсутствие...» (Ноябрь) 204
«В Париже я не написал ни строчки...» 554
«В первые солнца мои...» 304
«В продолжение долгого времени...» 120
«В прозрачной осенней Софии...» (Любовь к Болгарии; София, II) 416
«В час, когда слабость рвется из глаз...» (Спасоналивковский переулок) 21

- «В час, когда щебетали карнизы...» 347
«Вагона мерное качанье...» 18
Вальс о родине («Серый денек...») 508
«Вдали от всех парнасов...» 72
Венок («Вот мы с тобой и развенчаны...») 142
Весна на Арбате («Снег и ржавчина...») 164
«Весна. Финансовые затруднения...» 519
Весной («Хочу писать стихи о том...») 246
«Весь в перьях сад...» 134
Вешние дали («Низкая впадина, речка высокая...») 130
«Взгляд твоих черных ресниц, Дора...» (Две мартиничы, 2) 511
«Владения камня...» (Любовь к Болгарии) 421
Волки («Ребята, спите по ночам...») 66
«Ворвался в сон огромный куст жасмина...» (Пришелец) 562
Воспоминание о книге «Сестра моя жизнь» («Когда я прочел эту книгу...») 478
Воспоминание о кресте («Я наконец добился своего...») 76
«Вот вам конспект лирической поэмы...» (Сюжет) 383
«Вот и нет меня на свете...» 73
«Вот мы с тобой и развенчаны...» (Венок) 142
«Вот уже зима, а меня не позвали...» 452
«Время пройдет. Охладеет...» 121
«Время тянется, катится, мчится...» 152
«Все время чувствую вину...» 203
«Все выпадает снег...» 110
«Все как в добром старинном романе...» 71
«Все нарисовано мокрыми красками...» 431
«Все чернила вышли, вся бумага...» 188
«Вспоминается первый ледок...» 268
Встреча («Шутка...») 237
«Всю даль последующих весен...» (Снег в сентябре) 138
«Выброси из головы...» 488
«Выживаемость нелучших...» 525
- Галки («С ветвей, махнув морозным пухом...») 308
«Гербарий сырых тротуаров...» 248
«Гляжу все чаще я...» (Новоарбатская баллада) 156
«Говорим, что будет завтра?...» 432
Гоголь ночью («Как страшно поэтом быть...») 500
Голос («Туч синеватые донья...») 309
Грачи прилетели («После первых ночей...») 172
«...Грустно было мне...» (Паром) 136
«Грустно, что годы идут...» 516
«Гусиные перья...» (Пушкинский час) 124
«Густым гудком ночной покой затронут...» (На станции) 27
- «Да, вот такие же, как ты...» 380
«Даже в самой наполненной строчке...» (Февраль) 282

- «Дай мне Бог побольше жизни...» 494
 «Да что мы словно сговорились...» (Живописцу) 102
 «Две мартиницы (2 стихотворения) 510
 Девятое мая («У сигареты сиреневый пепел...») 196
 «Деревья стоят наподобие дек...» (Зимняя тень музыканта) 350
 «Дождь оборвал на полуслове...» 235
 Дом с мезонином («Прощайте, Машенька, прощайте...») 266
 «Домой, домой, туда, где дома нет...» 302
 «Другого места не нашел...» 486
 Другу (2 стихотворения) 506
 «Друзья мои, не умирайте...» 114
 «Духом десятилетий...» (Слова) 19
 «Дышала беглым холодом вода...» 171
 «Дышит марля в оконном проеме...» (Украина) 38

 «Ей снится крылатый стреноженный конь...» 461
 «Если была у меня любовь...» 382
 «Если песенку не затевать...» 372
 «Если покажется: умерли...» 332
 «Если смерть – это сон бесконечный...» (Звонок) 462
 «Есть жизнь у меня...» 447
 «Еще лет десять буду молодым...» 366

 «Жду тебя...» 438
 Живописцу («Да что мы словно сговорились...») 102
 «Жизнь прошла. И как перед началом...» 364

 «Забавна эта мысль Петра...» (Указ Петра) 96
 «Заблудился я...» 315
 «Завидовать нечему...» (Перемены) 194
 «Заиндевшие снасти...» (Речной вокзал) 160
 «Заручиться любовью немногих...» 285
 Застава («Я здесь, усни, моя родная...») 122
 «Зашумит, защебечет страница...» 472
 Звезда полей («“Звезда полей...”») 98
 Звонок («Если смерть – это сон бесконечный...») 462
 «Здесь вешний бор с залетными пичугами...» (Пригород) 190
 «Зима. Почерневших деревьев аллеи...» 273
 Зимнее видение («Смотри, он бежит, он уже не вернется...») 502
 Зимнее воспоминание о Львовском кладбище («Ничего такого.
 Просто...») 362
 Зимняя звезда («Темное утро бело...») 351
 Зимняя тень музыканта («Деревья стоят наподобие дек...») 350
 «Значит, жить?...» 337

 «И все-таки я Пештяны запомню...» 499
 «И звонкость погоды...» 43
 «...И освобожденный от женщины мир...» 321

- ◀И позабыть о мутном небе...▶ 35
- ◀И самый юный в мире дождь...▶ 168
- ◀И я потянулся вослед за тобой...▶ 316
- Игрушки («Помню первые игрушки...») 230
- ◀Идет московский снег в Софии...▶ (Январь; Любовь к Болгарии) 428
- ◀Из переулка сразу в сон...▶ 44
- Из Софийской тетради (4 стихотворения) 275
- ◀Извилист путь и долог...▶ (Муравей) 70
- ◀Интеллигентной милой недотрогой...▶ (Пейзаж с дорогой) 212
- Интимный сонет («Опаловое море. Карадаг...») 371
- ◀Испытание временем...▶ (Ровеснику) 294
- ◀Итак, тоска...▶ 434

- ◀К нам приходят ночами...▶ 45
- ◀Как будто не было зимы...▶ 37
- ◀Как будто нет других поэтов...▶ 454
- ◀Как бы мне оторваться от жизни...▶ 58
- ◀Как вечернее стихотворенье...▶ 480
- ◀Как много зонтиков...▶ 346
- ◀Как страшно поэтом быть...▶ (Гоголь ночью) 500
- ◀Как страшно с тобой расставаться...▶ 206
- ◀Как хочется что-нибудь спеть...▶ 342
- ◀Как четко и влажно сегодня шаги...▶ 33
- ◀Как я хочу, чтоб строчки эти...▶ 15
- ◀Какая маленькая ты у нас, Москва!...▶ 318
- ◀Какая осенью младая...▶ 526
- ◀Какая радость в мире без надежд...▶ (Ливень) 546
- ◀Какое большое счастье...▶ 32
- ◀Какой сегодня сон приснится мне?...▶ 68
- ◀Как-то поэт, проживавший в Париже...▶ 556
- ◀Карнизы вывесили бахрому сосулек...▶ 446
- ◀Когда любви коснулась вещь...▶ 274
- ◀Когда мы были незнакомы...▶ 225
- ◀Когда-нибудь, когда меня не будет...▶ 515
- ◀Когда по белой ленте тротуара...▶ (Фрагмент) 470
- ◀Когда случаются в судьбе...▶ 456
- ◀Когда смеются за спиной...▶ 63
- ◀Когда стреляют в воздух на дуэли...▶ 46
- ◀Когда цепенел я и маялись кости...▶ 528
- ◀Когда я заметил, что время прошло...▶ 473
- ◀Когда я после смерти вышел в город...▶ 264
- ◀Когда я прочел эту книгу...▶ (Воспоминание о книге «Сестра моя жизнь») 478
- Копривштица («Копривштица встает перед глазами...»; Любовь к Болгарии) 423
- ◀Копривштица встает перед глазами...▶ (Копривштица; Любовь к Болгарии) 423
- Космос, позывные («Твои одинокие ночи...») 340

- «Красивый, старый, черный дом...» 290
 Крыша («Сначала некая зависимость...») 334
 «Крыши намокли...» 288
 «Кто виноват, шофер или мы?...» (Сумерки) 36
 «Кто золотой скрипичный ключик...» 48
 «Куда ни посмотришь, везде...» 358
 «Куда ты делась, музыка моя...» 444
- «Ладно. Сколько бы там ни осталось...» 300
 «Легко обремененный снегом...» 118
 Лето («Благословенно лето...») 464
 Ливень («Какая радость в мире без надежд...») 546
 «Листья летят, как утраты...» 311
 «Листья прыгают, как лягушата...» 192
 Лихославль – это город полей...» 375
 «Лучшие годы я прожил...» 242
 «Люблю, когда друзья мои в Тбилиси...» 92
 Любовь («Утешь меня...») 90
 Любовь к Болгарии (10 стихотворений) 415
 «Люди, обделенные любовью...» 244
- Марианна («Слежу, как листья липы отсыхают...») 303
 «Машук оплыл – туман в округе...» 47
 Метаморфозы («Мир детства. Заборы и лужи...») 82
 «...Милая, дождь идет...» 557
 «Мимо Новодевичьего кладбища...» 496
 «Мир детства. Заборы и лужи...» (Метаморфозы) 82
 «Мириадами глаз глядели...» (Любовь к Болгарии) 426
 «Мне будет вечно сниться дождь...» 482
 «Мне издали ты кажешься иной...» (Улица) 145
 «Мне кажется, что этот год...» 345
 «Мне не может никто...» 254
 «Мне нравится, что жизнь проходит...» 559
 «Мне нравятся поэтессы...» 144
 «Мне позвонила улица...» 448
 «Мне страшно оставаться одному...» 30
 «Мне страшно, что жизнь прожита...» 539
 «Мне это надолго запомнится...» (Любовь к Болгарии) 417
 «Можно жить и в придуманном мире...» 74
 «Мой Лихославль сгорел дотла...» 534
 «Мой товарищ, сегодня ночью...» (Артист) 210
 «Мой учитель был берегом, улицей, домом...» 208
 Моление о разлуке («Пишу, а сам уже не понимаю...») 215
 «Морозом схваченная рама...» 475
 «Московское лето в разгаре...» (Ромашка) 270
 «Муки знаменитого поэта...» 538
 Муравей («Извилист путь и долог...») 70

- «...Мысль о смерти...» (Оптимистика) 450
«Мы так и не доехали тогда...» (Ока) 115
- «На влажные планки ограды...» 169
«На душе легко и снежно...» 320
«На крайнем юге, солнечном и синем...» (Пушкинский час) 128
«На нынешнем витке Истории...» 520
«На речонке Тополнице...» (Цыгане; Любовь к Болгарии) 418
На станции («Густым гудком ночной покой затронут...») 27
На улицах Старого Братска («На улицах черные лодки...») 78
«На улицах черные лодки...» (На улицах Старого Братска) 78
«Надо вспомнить, обязательно вспомнить...» 456
«Надо дать отдохнуть глазам...» 440
«Надо забыть звуки...» 560
«Надо писать...» 228
«Наконец-то я молод...» 522
«Наступают в мире холода...» 42
«Натали, Наталья, Ната...» (Пушкинский час) 128
«Не в музейном пыльном кивере...» (Пятигорские стихи) 238
«Не торопись...» 226
«Не уважаю неревнивых...» 86
«Не хотел он понять, с мальчишек...» 455
«Не хочу я идти домой...» (Новый снег) 224
«Небольшой мокрый снег...» 272
«Невыносимое лето...» (Осенние листья) 544
«Несколько дней назад...» 504
«Несостоявшаяся жизни Надежда!..» 328
«Нет сил никаких улыбаться...» 159
«Нет школ никаких. Только совесть...» 229
«Низкая впадина, речка высокая...» (Вешние дали) 130
«Ничего от той жизни...» (Памяти Афанасия Фета) 222
«Ничего такого. Просто...» (Зимнее воспоминание о Львовском кладбище) 362
«Ничего, что вымокла дорога...» 56
«Но как мы встретимся – чужими?...» 31
«...Но мою любовь не берегли...» 354
Новоарбатская баллада («Гляжу все чаще я...») 156
Новый снег («Не хочу я идти домой...») 224
Ночные бабочки («Я жил в горах...») 107
Ноябрь («В мое отсутствие...») 204
«Нужно плотно прижаться...» 199
- «О дворики московских синяя...» 34
«О, расскажи о том, что происходит...» 344
«О свет зарницы моментальной!..» 20
«О умножение листьев...» 17
«О, что мне делать с этим бедным даром...» 23

- «О, я еще не изучил...» (Снег) 236
 Обращение («Я обращаюсь к тени удаленной...») 312
 Одиночество («Тепло в моем доме, свободно и чисто...») 261
 «Однажды проснется она...» 170
 «Однажды я назвал себя поэтом...» 374
 Озаренье («Приближаются чудные вести...») 458
 Ока («Мы так и не доехали тогда...») 115
 «Окно с обнаженной натурой...» 378
 Украина («Дышит марля в оконном проеме...») 38
 «Она души не приняла...» 234
 «Опаловое море. Карадаг...» (Интимный сонет) 371
 Оптимистика («...Мысль о смерти...») 450
 «Опять весна. Какие перемены...» 336
 «Опять с непогашенным светом...» 140
 «Осеннее золото куполов...» (Ростов Великий) 129
 Осенние листья («Невыносимое лето...») 544
 «Оскалить ярмарочно ливенку?...» (Пауза) 260
 «Оставит женщина? Пускай...» (Страх) 333
 Осташков («Осташков древний...») 104
 «Осташков древний...» (Осташков) 104
 «Осторожней со словом, мадам!...» 284
 «Осточертевший пейзаж за окном...» (Больничное окно) 436
 «От мороза с его причудами...» (Ша нуар) 433
 «Отбрасываю в сторону стихи...» 286
 «Открытая внешняя рама...» 207
 Отрывок («Так звездочет, звездой влекомый...») 524
- Памяти Афанасия Фета («Ничего от той жизни...») 222
 «Паровик. Гудок его глухой...» 64
 Паром («...Грустно было мне...») 136
 Патриаршие пруды («Я целую книгу вчера написал...») 476
 Пауза («Оскалить ярмарочно ливенку?...») 260
 Пейзаж с дорогой («Интеллигентной милой недотрогой...») 212
 Первый снег («Хоть глазами памяти...») 24
 Перемены («Завидовать нечему...») 194
 «Перестал восхищаться чужими стихами...» 483
 Пицунда («Простая добытая строчка...») 381
 «Пишу поэму...» 52
 «Пишу, а сам уже не понимаю...» (Моление о разлуке) 215
 «Пластинка должна быть хрипящей...» 176
 «По всем городским кварталам...» (Любовь к Болгарии; София, I) 415
 «По какой-нибудь малой вещице...» 339
 «По капоту машины бьют градины.» 551
 «По следам прошлогоднего солнца...» 373
 «Под деревом ночным, шумящим...» 552
 «Пожалей меня за то...» 116
 «Поймай меня на том...» 153
 Полнолуние («Я живу на другой планете...») 548

- «Помню первые игрушки...» (Игрушки) 230
«Попробуй вытянуться...» 154
Посещение («Я ждал тебя на улице, в метро...») 370
«После дней обаянья...» (Чужая книга) 162
«После первых ночей...» (Грачи прилетели) 172
«Последнюю ласку...» 460
«Почему ты не спишь и глядишь в окно?...» (Бессонница) 251
«Поэзия, одна не знаешь ты...» 518
«Поэму отнесло, как тучу...» 297
«Прекрасная необычайность...» 445
«Прекрасно стать забытой книгой...» 529
«Приближаются чудные вести...» (Озаренье) 458
Пригород («Здесь внешний бор с залетными пичугами...») 190
«Припорошит, а не припорошит...» (Январский словарь) 348
Пришелец («Ворвался в сон огромный куст жасмина...») 562
«Простая добытая строчка...» (Пицунда) 381
«Прощайте, Машенька, прощайте...» (Дом с мезонином) 266
«Птицы свищут в мокрых переклестах...» (Соловей) 217
«Пусть я довольствовался малым...» 306
Пушкинский час (5 стихотворений) 124
Пятигорские стихи («Не в музейном пыльном кивере...») 238
- Разлад («Сразу несколько стихотворений...») 178
Разлука («Боже мой, развè...») 250
«Ребята, спите по ночам...» (Волки) 66
«Речка пропала! А речка была...» (Черная речка) 298
Речной вокзал («Заиндевшие снасти...») 160
Ровеснику («Испытание временем...») 294
«...родина, это ты...» 485
Родные стены («Эти окна подернуты инеем...») 174
Ромашка («Московское лето в разгаре...») 270
«Россия средней полосы...» 50
Ростов Великий («Осеннее золото куполов...») 129
«Рощу и поле дождем замутило...» 521
- «С ветвей, махнув морозным пухом...» (Галки) 308
«С деревьев галки осыпают иней...» 468
«— С утра такой дождливый день...» (Телефон) 249
Сальери («Сальери, мастер в высшей мере...») 88
«Сальери, мастер в высшей мере...» (Сальери) 88
Самолет, воспоминание (Из Софийской тетради, III) 278
«Сегодня день под Рождество...» 530
Селигер («Ты помнишь, как молоды были...») 100
«Серый денек...» (Вальс о родине) 508
«Синь да облако... Сияя...» (Чуть-чуть есенинское) 368
«Сколько желтых листов! Это осень?...» 537
«Скорей в начале жизни, чем в конце...» (Пушкинский час) 124
«Слежу, как листья липы отсыхают...» (Марианна) 303

- Слова («Духом десятилетий...») 19
 Служение («Такси, завернувшее за угол...») 466
 «Смотри, он бежит, он уже не вернется...» (Зимнее видение) 502
 «Сначала некая зависимость...» (Крыша) 334
 Снег («О, я еще не изучил...») 236
 Снег в сентябре («Всю даль последующих весен...») 138
 «Снег и ржавчина...» (Весна на Арбате) 164
 «Снега белый карандаш...» 69
 «Снится мне: я и стар, и беззуб...» 442
 «Снова прячется рифма в кору...» 498
 Соловей («Птицы свищут в мокрых перехлестах...») 217
 «Сорок второй...» (Хлеб) 54
 София («По всем городским кварталам...»; Любовь к Болгарии) 415
 «Спасибо, музыка...» 62
 Спасоналивковский переулок («В час, когда слабость рвется из глаз...») 21
 «Спит имя твое...» 532
 «Спит сиамский котенок, вцепясь в ковер...» (Бессонница) 487
 «Сразу несколько стихотворений...» (Разлад) 178
 Старые церкви («Я вовсе не Божий угодник...»; Любовь к Болгарии) 425
 Стихи Марианне (2 стихотворения) 232
 Страх («Оставит женщина? Пускай...») 333
 Сумерки («Кто виноват, шофер иль мы?...») 36
 «Сухие, чистые морозы...» 326
 «Счастливое славя житье...» (Стихи Марианне, 2) 232
 Сюжет («Вот вам конспект лирической поэмы...») 383
 «Так был этот закат знаменит...» 469
 «Так звездочет, звездой влекомый...» (Отрывок) 524
 «Так ничего я и не написал...» (Из Софийской тетради, II) 276
 «Такси, завернувшее за угол...» (Служение) 466
 «Там вечера фиалкового цвета...» 535
 «Тбилиси! Туманная рань!...» 558
 «Твои одинокие ночи...» (Космос, позывные) 340
 «Тебе обещал я деревья...» (Из Софийской тетради, I) 275
 Телефон («— С утра такой дождливый день...») 249
 «Темное утро бело...» (Зимняя звезда) 351
 «Теперь, когда уже не повторить...» 310
 «Теперь я свободно могу сочинять стихи...» 318
 Тепло («Бабушкино одеяло...») 292
 «Тепло в моем доме, свободно и чисто...» (Одиночество) 261
 «Третий класс. Температура...» (Болезнь) 220
 «Туч синеватые донья...» (Голос) 309
 «Ты вошла со светящимися глазами...» 533
 «Ты вправе думать, посетив больницу...» 492
 «Ты говоришь, что все дела...» 269
 «Ты камнем упала, я умер под ним...» 112

- «Ты одет был словно бы на выход...» (Другу, 1) 506
«Ты от меня отвернулась, как мир...» 367
«Ты плачешь в зимней темени...» 218
«Ты помнишь, как молоды были...» (Селигер) 100
- «У меня исчезают стихи...» 307
«У меня осталось только Божье время...» 327
«У сигареты сиреневый пепел...» (Девятое мая) 196
«У снега короткая память...» 489
«Убит...» (Пушкинский час) 126
«Уволенная статуя...» 258
Указ Петра («Забавна эта мысль Петра...») 96
Улица («Мне издали ты кажешься иной...») 145
«Упаси меня от серебра...» 314
«Утешь меня...» (Любовь) 90
«Ученический зимний рассвет...» 132
«Учись ваянию, ваятель...» 281
- Февраль («Даже в самой наполненной строчке...») 282
Фрагмент («Когда по белой ленте тротуара...») 470
- Хлеб («Сорок второй...») 54
«Хотел бы я долгие годы...» 81
«Хоть глазами памяти...» (Первый снег) 24
«Хочу писать стихи о том...» (Весной) 246
«Художник выставлял...» 271
«Художник должен быть закрепощен...» 93
- «Цветущая ветка с надломом...» 296
Цикады («Я думал – рассветные птицы поют...») 94
Цыгане («На речонке Тополнице...»; Любовь к Болгарии) 418
- «Чего ты хочешь, умный век...» 28
Черная речка («Речка пропала! А речка была...») 298
«Черные ветки России...» 181
«Что такое поэзия? Мне вы...» 357
«Что-нибудь о России?...» 359
Чужая книга («После дней обаянья...») 162
Чуть-чуть есенинское («Синь да облако... Сияя...») 368
- Ша нуар («От мороза с его причудами...») 433
Шипка («Я был болгариним полгода...»; Любовь к Болгарии) 429
«Шумящие глухо деревья...» 193
«Шутка...» (Встреча) 237
- «Эта память...» 167
«Эти окна подернуты инеем...» (Родные стены) 174
«Этих первых узнаю...» 84
«Это очень старая песня...» 474

- «Это так и останется тайной...» 495
 Этюд I («Я ощущал прямую связь...») 182
 Этюд II («...А если ты искал дорогу...») 184
- «Я болен...» 256
 «Я был болгаринoм полгода...» (Шипка; Любовь к Болгарии) 429
 «Я в дом вошел, оставив снег в полете...» 365
 «Я в ужасе бегу от жизни...» 536
 «Я вас люблю всей тенью...» 352
 «Я виноват, что я в живых остался...» 330
 «Я вовсе не Божий угодник...» (Старые церкви; Любовь к Болгарии) 425
 «Я все живу и жить намереваюсь...» (Алиби) 572
 «Я вторгся в маленький уют...» 227
 «Я вчера не хотел просыпаться...» (Другу, 2) 507
 «Я должен взрыть сухую гладь бумаги...» 513
 «Я должен говорить дождями...» 338
 «Я думал – рассветные птицы поют...» (Цикады) 94
 «Я ждал тебя на улице, в метро...» (Посещение) 370
 «Я живу на другой планете...» (Полнолуние) 548
 «Я жил в горах...» (Ночные бабочки) 107
 «Я за столько лет не нагляделся...» 561
 «Я забыл свою первую строчку...» 80
 «Я здесь, усни, моя родная...» (Застава) 122
 «Я и за то еще тебя люблю...» (Две картины, 1) 510
 «Я к дороге так привык...» 252
 «Я колокольчик подарил...» 262
 «Я люблю незнакомые улицы...» 16
 «Я люблю тебя – я думаю...» 57
 «Я наконец добился своего...» (Воспоминания о кресте) 76
 «Я не боюсь воскреснуть...» 201
 «Я не был в Иерусалиме...» 542
 «Я не хочу дружить со стариками...» 324
 «Я никогда не думал...» 355
 «Я никому сегодня не открою...» 360
 «Я обращаюсь к тени удаленной...» (Обращение) 312
 «Я ощущал прямую связь...» (Этюд I) 182
 «Я понял жизнь свою как жизнь людей...» 459
 «Я правильно делал, что писем...» 40
 «Я славы не искал, зачем огласка?...» 202
 «Я снова юность повторяю...» 200
 «Я стихи когда-то написал...» 490
 «Я устал от двадцатого века...» 514
 «Я целую книгу вчера написал...» (Патриаршие пруды) 476
 Январский словарь («Припорошит, а не припорóшит...») 348
 Январь («Идет московский снег в Софии...»; Любовь к Болгарии) 428

СОДЕРЖАНИЕ*

<i>От составителя</i>	3
<i>Марианна Роговская-Соколова. Я был поэтом на земле...</i>	5

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

СОРОКОВЫЕ – ПЯТИДЕСЯТЫЕ

«Как я хочу, чтоб строчки эти...»	15
«Я люблю незнакомые улицы...»	16
«О умножение листвы...»	17
«Вагона мерное качанье...»	18
Слова	19
*«О свет зарницы моментальной!..»	20
Спасоналивковский переулочек	21
«О, что мне делать с этим бедным даром...»	23
Первый снег	24
На станции	27
«Чего ты хочешь, умный век...»	28
«Бедный мальчик в промокшей кепке...»	29
«Мне страшно оставаться одному...»	30
«Но как мы встретимся – чужими?..»	31
«Какое большое счастье...»	32
«Как четко и влажно сегодня шаги...»	33
«О дворики московских синяя...»	34
«И позабыть о мутном небе...»	35
Сумерки	36
«Как будто не было зимы...»	37
Окраина	38

* Произведения, отмеченные звездочкой, не вошли в прежние книги.

«Я правильно делал, что писем...»	40
«Наступают в мире холода...»	42
«И звонкость погоды...»	43
«Из переулка сразу в сон...»	44
«К нам приходят ночами...»	45
«Когда стреляют в воздух на дуэли...»	46
«Машук оплыл — туман в округе...»	47
«Кто золотой скрипичный ключик...»	48
«Россия средней полосы...»	50
«Пишу поэму...»	52
Хлеб	54
«Ничего, что вымокла дорога...»	56
«Я люблю тебя — я думаю...»	57
«Как бы мне оторваться от жизни...»	58
«Беззвучно дерево шумело...»	60
«Спасибо, музыка...»	62
«Когда смеются за спиной...»	63
«Паровик. Гудок его глухой...»	64
Волки	66
«Какой сегодня сон приснится мне?...»	68

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

«Снега белый карандаш...»	69
Муравей	70
«Все как в добром старинном романе...»	71
«Вдали от всех парнасов...»	72
«Вот и нет меня на свете...»	73
«Можно жить и в придуманном мире...»	74
Воспоминание о кресте	76
На улицах Старого Братска	78
«Я забыл свою первую строчку...»	80
«Хотел бы я долгие годы...»	81
Метаморфозы	82
«Этих первых узнаю...»	84
«Не уважаю неревнивых...»	86
Сальери	88
Любовь	90

«Люблю, когда друзья мои в Тбилиси...»	92
«Художник должен быть закрепощен...»	93
Цикады	94
Указ Петра	96
Звезда полей	98
Селигер	100
Живописцу	102
Осташков	104
Ночные бабочки	107
«Все выпадает снег...»	110
«Ты камнем упала, я умер под ним...»	112
«Друзья мои, не умирайте...»	114
Ока	115
«Пожалей меня за то...»	116
«Легко обремененный снегом...»	118
«В продолжение долгого времени...»	120
«Время пройдет. Охладеет...»	121
Застава	122
Пушкинский час	
«Скорей в начале жизни, чем в конце...»	124
«Гусиные перья...»	124
«Убит...»	126
«Натали, Наталья, Ната...»	128
«На крайнем юге, солнечном и синем...»	128
Ростов Великий	129
Вешние дали	130
«Ученический зимний рассвет...»	132
«Весь в перьях сад...»	134
Паром	136
Снег в сентябре	138
«Опять с непогашенным светом...»	140
Венок	142
«Мне нравятся поэтессы...»	144
Улица	145
«Безвестность — это не бесславье...»	151
«Время тянется, катится, мчится...»	152
«Поймай меня на том...»	153

«Попробуй вытянуться...»	154
Новоарбатская баллада	156
«Нет сил никаких улыбаться...»	159
Речной вокзал	160
Чужая книга	162
Весна на Арбате	164
«Эта память...»	167
«И самый юный в мире дождь...»	168
«На влажные планки ограды...»	169
«Однажды проснется она...»	170
«Дышала беглым холодом вода...»	171
Грачи прилетели	172
Родные стены	174
«Пластинка должна быть хрипящей...»	176
«В дни, когда рано темнеет...»	177
Разлад	178
«Белые гнезда снега...»	180
«Черные ветки России...»	181
Этюд I	182
Этюд II	184
«Была зима белым-бела...»	187
«Все чернила вышли, вся бумага...»	188
Пригород	190
«Листья прыгают, как лягушата...»	192
«Шумящие глухо деревья...»	193
Перемены	194
*Девятое мая	196
«Боже, как ей все это знакомо!..»	198
«Нужно плотно прижаться...»	199
«Я снова юность повторяю...»	200
«Я не боюсь воскреснуть...»	201
«Я славы не искал, зачем огласка?..»	202
«Все время чувствую вину...»	203
Ноябрь	204
«Как страшно с тобой расставаться...»	206
«Открытая внешняя рама...»	207
«Мой учитель был берегом, улицей, домом...»	208

Артист	210
Пейзаж с дорогой	212
Моление о разлуке	215

СЕМИДЕСЯТЫЕ

Соловей	217
«Ты плачешь в зимней темени...»	218
Болезнь	220
Памяти Афанасия Фета	222
Новый снег	224
«Когда мы были незнакомы...»	225
«Не торопись...»	226
«Я вторгся в маленький уют...»	227
«Надо писать...»	228
«Нет школ никаких. Только совесть...»	229
Игрушки	230
Стихи Марианне	
«А мне надоело скрывать...»	232
«Счастливое славя житье...»	232
«Она души не приняла...»	234
«Дождь оборвал на полуслове...»	235
Снег	236
Встреча	237
Пятигорские стихи	238
«Лучшие годы я прожил...»	242
«Люди, обделенные любовью...»	244
«Было время, льнул я к любой судьбе...»	245
Весной	246
«Гербарий сырых тротуаров...»	248
Телефон	249
Разлука	250
Бессонница («Почему ты не спишь и глядишь в окно?..»)	251
Я к дороге так привык...»	252
«Мне не может никто...»	254
«Я болен...»	256
«Уволенная статуя...»	258

Пауза	260
Одиночество	261
«Я колокольчик подарил...»	262
«Боже, как это было давно...»	263
«Когда я после смерти вышел в город...»	264
Дом с мезонином	266
«Вспоминается первый ледок...»	268
«Ты говоришь, что все дела...»	269
Ромашка	270
«Художник выставлял...»	271
«Небольшой мокрый снег...»	272
«Зима. Почерневших деревьев аллеи...»	273
«Когда любви коснулась вещь...»	274
Из Софийской тетради	
I. «Тебе обещал я деревья...»	275
II. «Так ничего я и не написал...»	276
III. Самолет, воспоминание	278
IV. «Балканский сырой ветерок...»	279
«Учись ваянию, ваятель...»	281
Февраль	282
«Осторожней со словом, мадам!..»	284
«Заручиться любовью немногих...»	285
«Отбрасываю в сторону стихи...»	286
«Крыши намокли...»	288
«Красивый, старый, черный дом...»	290
Тепло	292
Ровеснику	294
«Цветущая ветка с надломом...»	296
«Поэму отнесло, как тучу...»	297
Черная речка	298
«Ладно. Сколько бы там ни осталось...»	300
«Домой, домой, туда, где дома нет...»	302
Марианна	303
«В первые солнца мои...»	304
«Пусть я довольствовался малым...»	306
«У меня исчезают стихи...»	307
Галки	308

Голос	309
«Теперь, когда уже не повторить...»	310
«Листья летят, как утраты...»	311
Обращение	312
«Упаси меня от серебра...»	314
«Заблудился я...»	315
«И я потянулся вослед за тобой...»	316
«Теперь я свободно могу сочинять стихи...»	317
«Какая маленькая ты у нас, Москва!..»	318
«На душе легко и снежно...»	320
«...И освобожденный от женщины мир...»	321
«Бродя и гадая...»	322
«Я не хочу дружить со стариками...»	324
«Сухие, чистые морозы...»	326
«У меня осталось только Божье время...»	327
«Несостоявшаяся жизнь! Надежда!..»	328
«Я виноват, что я в живых остался...»	330
«Если покажется: умерли...»	332
Страх	333
Крыша	334
«Опять весна. Какие перемены...»	336
«Значит, жить?...»	337
«Я должен говорить дождями...»	338
«По какой-нибудь малой вещице...»	339
Космос, позывные	340
«Как хочется что-нибудь спеть...»	342
«О, расскажи о том, что происходит...»	344
«Мне кажется, что этот год...»	345
«Как много зонтиков...»	346
«В час, когда щебетали карнизы...»	347
Январский словарь	348
Зимняя тень музыканта	350
Зимняя звезда	351
«Я вас люблю всей тенью...»	352
«...Но мою любовь не берегли...»	354
«Я никогда не думал...»	355
«А музыку я оставлял на потом...»	356

«Что такое поэзия? Мне вы...»	357
«Куда ни помотришь, везде...»	358
«Что-нибудь о России?...»	359
«Я никому сегодня не открою...»	360
Зимнее воспоминание о Львовском кладбище	362
«Жизнь прошла. И как перед началом...»	364
«Я в дом вошел, оставив снег в полете...»	365
«Еще лет десять буду молодым...»	366
«Ты от меня отвернулась, как мир...»	367
Чуть-чуть есенинское	368
Посещение	370
Интимный сонет	371
«Если песенку не затевать...»	372
«По следам прошлогоднего солнца...»	373
«Однажды я назвал себя поэтом...»	374
«Лихославль — это город полей...»	375
«Большой зимы строительный каркас...»	376
«Окно с обнаженной натурой...»	378
«Да, вот такие же, как ты...»	380
Пицунда	381
«Если была у меня любовь...»	382
Сюжет	383

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Любовь к Болгарии

София

«По всем городским кварталам...»	415
«В прозрачной осенней Софии...»	416
«Мне это надолго запомнится...»	417
Цыгане	418
«Владения камня...»	421
Копривштица	423
Старые церкви	425
«Мириадами глаз глядели...»	426
Январь	428
Шипка	429
«Все нарисовано мокрыми красками...»	431
«Говорим, что будет завтра?...»	432

Ша нуар	433
«Итак, тоска...»	434
Больничное окно	436
«Жду тебя...»	438
«Надо дать отдохнуть глазам...»	440
«Снится мне: я и стар, и беззуб...»	442
«Куда ты делась, музыка моя...»	444
«Прекрасная необычайность...»	445
«Карнизы вывесили бахрому сосуллек...»	446
«Есть жизнь у меня...»	447
«Мне позвонила улица...»	448
Оптимистика	450
В метелице	451
«Вот уже зима, а меня не позвали...»	452
«Когда случаются в судьбе...»	456
«Как будто нет других поэтов...»	454
«Не хотел он понять, с мальчишек...»	455
«Надо вспомнить, обязательно вспомнить...»	456
Озаренье	458
«Я понял жизнь свою, как жизнь людей...»	459
«Последнюю ласку...»	460
«Ей снится крылатый стреноженный конь...»	461
Звонок	462
Лето	464
Служение	466
«С деревьев галки осыпают иней...»	468
«Так был этот закат знаменит...»	469
Фрагмент	470
«Зашумит, защебечет страница...»	472
«Когда я заметил, что время прошло...»	473
«Это очень старая песня...»	474
«Морозом схваченная рама...»	475
Патриаршие пруды	476
Воспоминание о книге «Сестра моя жизнь»	478
«Как вечернее стихотворенье...»	480
«Мне будет вечно сниться дождь...»	482
«Перестал восхищаться чужими стихами...»	483

Бессонница («Спит сиамский котенок, вцепясь в ковер...»)	484
«...родина, это ты...»	485
«Другого места не нашел...»	486
«Выброси из головы...»	488
«У снега короткая память...»	489
«Я стихи когда-то написал...»	490
«Ты вправе думать, посетив больницу...»	492
«Дай мне Бог побольше жизни...»	494
«Это так и останется тайной...»	495
«Мимо Новодевичьего кладбища...»	496
«Снова прячется рифма в кору...»	498
«И все-таки я Пештяны запомню...»	499
Гоголь ночью	500
Зимнее видение	502
«Несколько дней назад...»	504
Другу	
«Ты одет был словно бы на выход...»	506
«Я вчера не хотел просыпаться...»	507
Вальс о родине	508
Две картины	
«Я и за то еще тебя люблю...»	510
«Взгляд твоих черных ресниц, Дора...»	511
«Я должен взрывать сухую гладь бумаги...»	513
«Я устал от двадцатого века...»	514
«Когда-нибудь, когда меня не будет...»	515
«Грустно, что годы идут...»	516
«Поэзия, одна не знаешь ты...»	518
«Весна. Финансовые затруднения...»	519
«На нынешнем витке Истории...»	520
«Рощу и поле дождем замутило...»	521
«Наконец-то я молод...»	522
Отрывок	524
«Выживаемость нелучших...»	525
«Какая осенью младая...»	526
«Когда цепенел я и маялись кости...»	528

ДЕВЯНОСТЫЕ

«Прекрасно стать забытой книгой...»	529
«Сегодня день под Рождество...»	530
«Спит имя твое...»	532
«Ты вошла со светящимися глазами...»	533
«Мой Лихославль сгорел дотла...»	534
«Там вечера фиалкового цвета...»	535
«Я в ужасе бегу от жизни...»	536
«Сколько желтых листьев! Это осень?...»	537
«Муки знаменитого поэта...»	538
«Мне страшно, что жизнь прожита...»	539
«Боже, сколько на сердце зарубок...»	540
«Боже мой, как хочется прочесть...»	541
«Я не был в Иерусалиме...»	542
Осенние листья	544
Ливень	546
Полнолуние	548
«По капоту машины бьют градины...»	551
«Под деревом ночным, шумящим...»	552
*«В Париже я не написал ни строчки...»	554
«Как-то поэт, проживавший в Париже...»	556
«...Милая, дождь идет...»	557
«Тбилиси! Туманная рань!..»	558
«Мне нравится, что жизнь проходит...»	559
«Надо забыть звуки...»	560
*«Я за столько лет не нагляделся...»	561
Пришелец	562
Алиби	572
Книги стихов Владимира Соколова	584
Алфавитный указатель произведений	586

Владимир Николаевич Соколов

ЭТО ВЕЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ...

Книга лирики

*В книгу включены фотографии и автографы
В.Н. Соколова из личного архива
М.Е. Роговской-Соколовой*

Редактор-составитель
И.З. Фаликов

Художественный редактор
В.Н. Сергутин

Корректор
Н.С. Седловская

Подготовка к печати переплета, вклеек
А.Б. Метелкин

Верстка, макет
Л.А. Шелковой

**ОАО «Издательский дом
“Литературная газета”»**
Факс: (095) 208-99-14, 606-62-25
litgazeta@lgz.ru

Формат 84x108¹/₃₂. Печ. л. 19
Печать офсетная. Гарнитура «SchoolBook»
Подписано в печать 3.05.2007. Заказ С-1645. Тираж 1000 экз.

**Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».**
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

